

Марк ДЕЙЧ

КЛИО В БАГРОВЫХ ТОНАХ

Александр Солженицын как зеркало русской ксенофобии

Впервые я написал о Солженицыне в конце 80-х годов минувшего века.

Как раз тогда в Москве начали циркулировать слухи о скором и неминуемом приезде на родину «вермонтского отшельника». Еще никто не знал, вернется ли Солженицын навсегда или же речь идет об «официальном дружественном визите». И приедет ли ОН вообще?..

Так или иначе, но слухи множились и подогревались. Еще ничего не было известно наверняка, однако – я хорошо это помню – составлялись списки «комитетов по встрече», выстраивалась длинная очередь желающих выступить с «приветственной речью» и горячо обсуждался вопрос, где же будет жить возвращающийся из изгнания писатель – после долгих лет мучений в американском шалаше...

Мне показалось, что моя статья внесет новый и несколько неожиданный акцент в готовящуюся встречу нобелевского лауреата.

Но чего-то я тогда явно не учел.

Отечественные газеты и журналы (в то время – еще советские, но уже как бы и «демократические») печатают статью, хоть и со смущением в редакторских голосах, отказались. Не захотело озвучить ее и радио «Свобода», где я тогда работал.

Я включил эту статью в книгу «На «Свободе»». Она вышла в 1992 году, на четвертой странице обложки издательство поместило следующую аннотацию:

«Автор этой книги – профессиональный журналист. Окончил факультет журналистики МГУ, работал в Агентстве печати Новости, «Литературной газете», «Литературной России». С 1980 года под своей фамилией печатался в западной прессе. С 1989 года работает на радио «Свобода».

Материалы книги сгруппированы автором в три раздела. В первом – некоторые его статьи, очерки и интервью, которые были опубликованы журналом «Страна и мир», издающимся в Мюнхене известным правозащитником Кронидом Любарским. Во втором, наиболее объемном разделе книги собраны репортажи и комментарии, которые можно было слышать на волнах радио «Свобода» в 1989-1990 гг. Третий, последний раздел книги

состоит из одной-единственной статьи, которая до сих пор не была опубликована ни на Западе, ни у нас».

Этот раздел должен был называться – «Статья, не нашедшая издателя». Но ни раздела с таким названием, ни самой статьи в книге не было.

Честно говоря, я не стал – за отсутствием времени и желания – выяснять причины столь бесцеремонного обращения с моим детищем. Лишь много позже я случайно узнал о том, что в издании книги принимал участие (в качестве спонсора) некий заграничный Фонд. А ссориться с «героем» статьи за граница в то время не хотела. И сейчас не хочет.

А статья, по-моему, не утратила своей актуальности и сегодня. Во всяком случае, она поможет объяснить, почему это в последние годы я «вдруг» начал заниматься некоторыми аспектами «исторических изысканий» А.И.Солженицына.

Совсем не «вдруг».

НЕСКОЛЬКО СЛОВ В ЗАЩИТУ КГБ

К этим заметкам я приступаю не без стеснения в сердце. Потому что – стесняюсь. Да и как тут не стесняться? Кому в наше время придет в голову вступаться за сие учреждение?..

И все-таки... И все-таки.

Еще на XXVIII съезде КПСС тогдашний председатель КГБ глубокоуважаемый тов. Чебриков высказался следующим образом: *«Наши органы безопасности, в отличие от спецслужб империалистических государств, не стоят над народом, они были и есть плоть от плоти советского народа».*

Но вот ведь история: стоило части этого народа выразить – нет, не недоверие (упаси Бог!), а всего лишь сомнение по части методов, коими всегда гордился КГБ, - и вы посмотрите, что началось! Разброд и шатание в недрах «плоть от плоти», попытка оправдаться и даже как бы отмыться...

Писатель, известный своей «Повестью о пережитом», написанной в тшете хоть что-то противопоставить «Ивану Денисовичу», публично разоблачен сотрудниками КГБ как бывший стукач (кстати, этим разоблачением нарушена первейшая заповедь ведомства: своих сексотов ни при каких обстоятельствах не сдавать. И иначе – кто же стучать пойдет?)

Полковник КГБ в отставке (на пенсии), бия себя в грудь перед читателями популярного журнала, рассказывает о том, как он боролся с инакомыслием, - ощущая всю несправедность сей кампании. И хотя приказы начальства ему частенько претили, однако не исполнять их он не мог и лишь старался проявлять максимум чуткости и гуманности. В общем, либеральничал.

Одним или двумя номерами позже ученики и младшие соратники того полковника (продолжающие нести свою нелегкую службу), хором подписавшись, уведомляют читателей, что полковник – сукин сын, и ничуть он не раскаивается, поскольку обязанности свои выполнял не токмо по воле начальства, но и своего партийного сердца и не менее партийной совести (тем самым как бы заверяя читателей, что сами-то они – никогда и ни за какие коврижки). На всё это бывший полковник отвечает, что ему стыдно за своих учеников и коллег, поскольку заиграли они у него книжки Солженицына, которые давались им лишь для ознакомления, и теперь почти ничего из произведений вышеупомянутого автора у него не осталось.

По-моему, Александру Исаевичу имеет смысл прислать полковнику свои книги – так сказать, в возмещение ущерба...

А знаете, кое в чем я тому полковнику верю. Нет, не в том, что справлял он службу вопреки велению собственной совести, - тут он, конечно, врет. А вот что оказывал послабления инакомыслящим писателям – не сам, безусловно (тут он тоже врет), а по воле всё того же высокого начальства, - верю.

*****

Впервые мысль об этих заметках появилась у меня давно: когда я впервые прочел книгу Солженицына «Бодался теленок с дубом». Есть в ней фразы о том, что-де, по мнению автора, очень хотелось бы руководству КГБ отдать распоряжение убить его (Солженицына), но известность писателя помешала тем намерениям, а потому – только выслали.

Уже по первому чтению зародились тут у меня кое-какие сомнения. По второму – усилились. Долго я

их в себе лелеял, и теперь попробую изложить более или менее внятно.

Самонадеянность Александра Исаевича – факт бесспорный, но нашему восприятию его творчества не мешающий. Ему же, вероятно, эта черта даже помогает – в преодолении того комплекса неполноценности, который в той или иной степени свойствен всем людям, задумывающимся о бренности земного бытия. А сей комплекс и та грандиозная задача, которую взвалил на себя Солженицын, плохо совместимы.

Но мы-то с вами, читатель, должны отдавать себе отчет в том, что никакая известность Солженицына бы не спасла. «Автомобильная катастрофа», «нападение хулиганов», да просто «кирпич на голову» - вариантов много, и каждый хорошо просчитан и отработан; в этом деле наши спецслужбы, я уверен, ихним не уступят. А что могло бы помешать? Опасение дипломатических санкций, демаршей, эмбарго? Как показывает наш же опыт, меры эти весьма кратковременны. Потеря авторитета? Да много ли осталось его у нас за последние полвека... Нет, не испугать нас такими пустяками. «Вся ответственность за возможные последствия целиком и полностью ложится на империалистические круги, развязавшие...». Ну и так далее.

Нет, что-то тут определенно другое.

Я еще могу понять, когда в отношении Андрея Дмитриевича Сахарова из двух вариантов – бессудная ссылка или физическое устранение – выбирался первый. Соображения, безусловно, были самые что ни на есть прагматические: не брать в расчет научный потенциал великого ученого было бы по меньшей мере глупо. Поэтому с академиком, будем считать, дело ясное. Но не с писателем. Да за одно только намерение написать такую книгу, как «Архипелаг ГУЛАГ», четвертовать мало! И упование Солженицына, будто всё дело в том, что опоздал комитет, упустил книгу, которая, вырвавшись на свободу, обеспечила ее автору неприкосновенность, выглядит неубедительно. Ибо КГБ мало что упускает, а если это и происходит, то о безопасности – в данном случае писательской – говорить и вовсе не приходится. Потому что сие учреждение – весьма мстительное, не раз с успехом свою мстительность доказавшее.

Да и не одного Солженицына выпустил КГБ из «сферы своего влияния». Аксенов, Максимов, Галич, Копелев, Войнович... Известности меньше? Или не так чтоб очень КГБ досадили? Нет, хватало и того, и другого.

Сдается мне, есть в наших славных органах некие ангелы-хранители, оберегающие отечественную литературу от полного и окончательного торжества социалистического реализма. Какой-нибудь неприметный и малочисленный отдел, однако обладающий правом **решать**. И кое-что ему, этому гипотетическому отделу, все-таки удавалось. Не всё, конечно, и не всегда. Так ведь в годы, именуемые нынче «эпохой культа личности», уровень террора достигал апокалипсических высот, и не существовало той силы, которая могла бы его остановить. Не говоря уж о каком-то неприметном, хотя и важном отделе Комитета. А прежде? Скажем, в двадцатых и начале тридцатых, когда были отпущены в эмиграцию Ходасевич, Зайцев, Замятин и прочие. Чего стоило всех их, классово чуждых, сообразуясь с еще не стывшим революционным правосознанием, шлепнуть к чертовой матери – скопом или поодиночке? Ничего не стоило. К этому времени рабочие и крестьяне настолько укрепили свое государство, что уже можно было, расправляясь с прослойкой, не замечать слабого дуновения эфира, именуемого мировым общественным мнением. А потом, уже после смерти Хозяина? Неужто так трудно было «обезвредить» Шаламова, Гроссмана, Домбровского или Некрасова? Да ничуть! Причем без оглядки: кого нам бояться? Это нас все боятся.

И тем более – совсем уж просто было вовремя уничтожить написанное ими, как бы хорошо оно ни хранилось. Солженицын и тут самонадеян до ребячества. Через весь «Теленок» красной (белой) нитью читается инструктаж по конспиративной литературной работе. Или это та самая наивность, которая обычно сопутствует таланту?

*****

В случае с «Архипелагом» нашим гипотетическим отделом двигала, на мой взгляд, вполне прагматическая цель. Написана история ЧК-КГБ, написано ярко, талантливо и подробно. Когда еще и кто осилит подобное? И ведь помимо того, что подробно и ярко, еще и назидательный мотив присутствует. Ибо один, прочитав, вознегодует, а другой – задумается: «До чего же, однако, мощная машина! И от одной этой книжки ведь не развалилась...»

Вот вам и польза. Это помимо главного: заботы о большом русском прозаике.

...А теперь он будто бы возвращается. Сначала – его книги (они-то возвращаются для немногих, большинство открывает их впервые), а там и он сам: вроде обещается вскоре пожаловать на месячишко-

другой. Осмотреться.

Мало кого в читающей России возможный приезд Солженицына оставил равнодушным. По большей части реакция всё же радостная. При этом выскажу одно пикантное предположение: мне кажется, что более всех возликовали (сдержанно, конечно, как и приличествует их званиям) сотрудники того самого гипотетического отдела КГБ. Ибо, помимо литературных, Александр Исаевич начинает оправдывать, похоже, и другие их ожидания.

Впрочем, судите сами.

Первая публикация в СССР «Архипелага» должна была достаться «Новому миру»: это бесспорно, и лишний раз вызывает чувство уважения к журналу.

Но вот «Матренин двор» перепечатал «Огонёк», чем вызвал гневную отповедь доверенных лиц Солженицына, работающих как раз в «Новом мире»: дескать, как же так... без согласования с автором... пиратская публикация... Устами доверенных лиц, как известно, говорит сам доверяющий, и «Огонёк» вежливо извинился.

Однако дальнейшее повергло меня в состояние крайнего изумления и даже уныния. Ну пусть Солженицын желает поддержать центристскую позицию «Нового мира» и печататься в журналах того же направления. Но вот главный редактор «Нашего современника» Станислав Куняев известил своих читателей о том, что в планах этого настольного журнала наших национал-патриотов – публикация «Октября шестнадцатого», а в ближайших номерах будут напечатаны «маленькие шедевры солженицынской публицистики»: «Жить не по лжи» и «Поминальное слово о Твардовском».

Всё это, как мы теперь знаем, было исполнено.

В прекрасной компании оказался Александр Исаевич. Вернее – его произведения. С откровенной расистской «Русофобией» Шафаревича; с заслуживающими опубликования в одном сборнике с «Протоколами сионских мудрецов» статьями Казинцева, Лобанова, Ланщикова, Любомудрова; с «глубокими историческими исследованиями» Пикуля; наконец – с фарисейски объективными «изысканиями» Кожина.

Охотно допускаю: не читал Александр Исаевич «Наш современник» и интервью Куняева относительно планов журнала. Согласие на публикацию дал, а до журнала и интервью руки не дошли. Но ведь и доверенные его лица – тоже ни гу-гу. Между тем высказал Куняев в том интервью прямо-таки сногшибательную мысль: «Для сегодняшних читателей, думается, наиболее важно и интересно его (Солженицына) многоплановое «Красное колесо»» (куда составной частью и входит «Октябрь шестнадцатого». - М.Д.). Дескать, «Архипелаг» и устарел, да и не так уж он и значим. Шуму больше...

Спасибо тов. Куняеву от КГБ!

*****

И Александру Исаевичу тоже спасибо.

Оно конечно: на благодарность эту он не напрашивался, и даже, вероятно, счел бы себя ею оскорбленным. Ну да что делать... Полагаю, при всей своей занятости Александр Исаевич все-таки осведомлен о той «литературной дискуссии», которая у нас нынче ведется. Наслышан он, я уверен, и об усиленных поисках масонов и инородцев, принесших неисчислимые беды великой и неделимой России и свергнувших ее в пучину хаоса. Разумеется, ни «Наш современник», ни «Молодая гвардия» открыто о своей поддержке отечественных национал-патриотов не объявляют. Так ведь и КГБ не делает этого прилюдно. В то же время вышеупомянутые издания, активно защищая сих «неформалов», вполне успешно и на более высоком «теоретическом уровне» пропагандируют те же идеи. С другой стороны, один из основополагающих лозунгов национал-патриотов – «Да здравствует КГБ!» Да и куняевские строки – «Спаси нас, ЦК и Лубянка, иначе никто не спасет» - в том же ряду. А уж для КГБ, как в свое время для Охранного отделения, такие «патриоты», да еще имеющие собственную прессу, надежда и опора.

Не странно ли выглядит в этой цепочке писатель-изгнанник? Или напротив – весьма гармонично?

Мне возразят: не так важно, где напечатано; важно – что. И в конце концов «Октябрь шестнадцатого» - всё же не «Русофобия» Шафаревича.

Так-то оно так. Но запах кое-какой присутствует. Попахивает тут доктором Дубровиным. Прямо-таки разит.

А может быть, движет Солженицыным вполне понятная благодарность? Может быть, в том триумфальном для него 74-м кто-нибудь из компании Курняева-Кожина-Иванова выступил против «всеобщего одобрения», публично возмущился бессудной высылкой? Они ведь нынче гордятся тем, что никогда и ни при каких режимах не меняли своих позиций – в чем с удовольствием уличают теперь

некоторых своих коллег..

Да нет, не в стойкости духа и твердости убеждений тут дело. А просто позиция эта – «Бей масонов, спасай Россию!» - при любом нашем режиме рано или поздно находила поддержку в верхах. Да и сейчас, как видно, без сочувственного понимания она не осталась.

А в том далеком 74-м ни у кого из наших «патриотов» не прорезался голос в защиту Солженицына. Напротив: они послушно и охотно (или с неохотой, не знаю) голосовали за исключение «литературного власовца» из Союза писателей и из Союза Советских Социалистических Республик. Нынче они же суетливо активны в возвращении Александра Исаевича в лоно литфондовского благополучия. Уже и членский билет ему вроде бы выписали. И как будто Александр Исаевич не отказались.

И тем не менее – мы ему рады. Конечно, мест у стремян того белого иноходца, на котором Солженицын под колокольный звон со стороны Иверской на Красную площадь въезжать будет, - тех мест давно уже не осталось: Великие Писатели Земли Русской порасхватали. И сзади не подступиться – рать с хоругвями и со свастиками подпирает: то национал-патриоты чистоту солженицынских помыслов и арийской расы блюдут. А поодаль вокруг – в меру плотная цепь неприметных товарищей в гражданской форме: охрана, да и приглядеть не мешает. Ну а уж в отдалении – мы, ликующие.

Ну да ничего. Для нас, кто читал книги Солженицына с риском угодить за это в лагерь, и для наших детей, которые могут читать их теперь открыто, все эти ура-патриотические игры ничего не значат. А что до выбора, к которому явно склоняется писатель, - так он, может, еще не окончательный?

Но оказалось, что выбор давно уже состоялся. Причем – окончательный.

Своеобразные тенденции в творчестве Александра Исаевича проскальзывали давно. Но от тех, кто эти тенденции подмечал, отмахивались, не веря, а настаивавших на своем обзывали «злыххателями» и «завистниками».

Что именно подмечалось в произведениях Солженицына? Да вот же:

*«Царь колокол не звонит, поломатый,
Царь-пушка не стреляет, мать эти.
И ясно, что евреи виноваты,
Осталось только летопись найти».*

Конечно же, этим своим замечательным четверостишием Игорь Губерман вовсе не имел в виду Александра Солженицына. Но с появлением двухтомника «200 лет вместе» оказалось, что виноваты, понятное дело, все-таки они, а летопись – вот она, перед нами.

КЛИО В БАГРОВЫХ ТОНАХ

Первый том объемного труда А.И.Солженицына «200 лет вместе» ожидаемого скандала не вызвал. Хотя, судя по всему, сам Великий Писатель Земли Русской (далее ВПЗР. – М.Д.) явно на него рассчитывал. Во всяком случае, в предисловии А.И. пишет. Во-первых:

«Искренне стараюсь понять обе стороны. Для этого – погружаюсь в события, а не в полемику».

И во-вторых:

«С двух (выделено автором. – М.Д.) сторон ощущаешь на себе возможные, невозможные и еще нарастающие упреки и обвинения».

С полемикой понятно. Кто же рискнет полемизировать с «живым классиком»? Иных уж нет, те – далече, а третьи испытывают к ВПЗРу чувство почтительного восхищения, от которого немеет язык и прочие члены.

Намерение понять обе стороны весьма похвально. Правда, хорошо известно, куда именно мостится дорога с помощью благих намерений.

А вот упреков и обвинений, да еще с двух сторон, - не получилось. Сразу после выхода книги одна сторона – «инородческая» - объявила А.И. чуть ли не главным евреем России. Другая, национал-патриотическая, бросилась защищать ВПЗРа, хотя никто на него не посягал. Один из наших главных

коричневых публицистов поспешил написать, что «поддержать книгу А.Солженицына – означает признать собственную вину евреев перед русскими за двести лет». Поэтому «в нашем патриотическом обществе отношение к книге А.Солженицына в основном благоприятное».

Ну-ну. Похоже, за «200 лет вместе» коричневые (вместе с красными) готовы простить Солженицыну его «Архипелаг ГУЛАГ».

Но самое главное, что и сам Солженицын, судя по всему, вполне созрел для такого прощения.

*****

Когда-то Солженицын сказал про нас про всех: «Образованщина».

Правильно сказал, между прочим. Хотя и обидно.

Но дело не только в обиде. Не только в том, что Александр Исаевич выглядит здесь неприкасаемым мэтром, спорить с которым невозможно и бессмысленно. Понятное дело: не станет же он – без ущерба для собственной значимости – дискутировать с «образованщиной».

С другой стороны, сей термин создает автору ореол непререкаемости. Любая попытка возразить изначально наталкивается на презрительное: «образованщина». Конечно же, виноваты в этом мы сами – слишком долго Солженицын был для нас ярким лучом света на диссидентской кухне, мы запрещали себе любое несогласие с мэтром. Между тем, времена вермонтской ссылки давно прошли, а мы все еще полны благоговейного почтения. Нам неловко сказать, а иногда даже подумать: «здесь что-то не так». На нас давят авторитет и былые заслуги «вермонтского узника».

Но хуже всего, что молчат историки. Впрочем, их можно понять. Одни не желают тратить время на пустые дискуссии. Другие и рады бы подискутировать, но не хотят связываться с мэтром, который давно уже заклеил термином «образованщина» любых возможных оппонентов.

И все-таки – давайте попробуем взглянуть на то, как Александр Солженицын заставляет служить себе беспристрастную Клио.

*****

Временные рамки исторического труда Солженицына «200 лет вместе» определены самим автором: 1795-1995. Но не заглянуть, что называется в глубь времен автор, конечно, не мог. И он заглянул.

Еще со времен Киевской Руси евреи, по мнению Александра Исаевича, всячески вредили русским людям: были жестокими и жадными ростовщиками, работоторговцами, сборщиками дани. В подтверждение своего мнения Солженицын цитирует замечательного русского историка Карамзина:

«Жители Владимира, Суздаля, Ростова вышли наконец из терпенья и единодушно восстали, при звуке Вечевых колоколов, на сих злых лихоимцев: некоторых убили, а прочих выгнали».

Кто же были те «злые лихоимцы»? Понятное дело: евреи. Автор рассчитал правильно – не будем же мы копаться в сочинениях Карамзина. Тем более, если мы этих сочинений, небось, отродясь не открывали.

Однако на сей раз не поленимся, откроем Николая Михайловича. И узнаем, что в 1262 году жители вышеупомянутых городов восстали против ордынских откупщиков дани, «купцов бесерменских» и их русских пособников. После приведенной Солженицыным цитаты Карамзин продолжает:

«В Ярославле народ умертвил какого-то злочестивого отступника, именем Зосиму, бывшего монаха, который, приняв веру магометанскую в Татарии, ругался над святынею христианства; тело его бросили псам на снадение».

О евреях у Карамзина нет здесь ни слова.

Такова технология солженицынского цитирования. Эта технология используется постоянно, на протяжении всей книги.

Что же касается Московской Руси, то среди ее населения евреев вообще не было. Собственно, это признает и сам Солженицын, проговариваясь мимоходом, что их проникновение в Московию «было самым незначительным». Но если – «незначительным», то о чем же речь? А вот о чем:

«Но в конце XV в. у самого центра духовной и административной власти на Руси происходят как будто и негромкие события, однако могшие повлечь за собой грозные волнения или глубокие последствия в духовной области, - интригует читателя А.И. – Это так называемая «ересь жидовствующих».

И «так называемая», и ересь жидовствующих – в кавычках... Может быть, ирония, которая обычно у Солженицына напрочь отсутствует, а потому и тут нам не заметная? Но нет: и на сей раз, – как, впрочем, всегда, – всё серьезно.

Из дальнейшего повествования заинтригованный читатель узнаёт, как евреи, выражаясь современным языком, чуть было не осуществили величайшую идеологическую диверсию против

православия. Некий «приехавший в 1470 году в Новгород из Киева еврей Схариа» обратил в «закон Моисеев» двух священников – Дионисия и Алексия. А последний сумел прельстить самого самодержца, Ивана III, который возвел «в митрополиты – то есть во главу всей русской Церкви – из своих обращенных в ересь архимандрита Зосиму. А кроме того, обратил в ересь и Елену, невестку великого князя и мать возможного наследника престола», - рассказывает А.И.

Короче говоря, еще немного – и «ересь жидовствующих» разрушила бы православную веру.

Рассказывая читателю эту басню, Солженицын опять же ссылается на Карамзина – приводит его цитату. Но в нужном для себя месте цитату обрывает. Между тем рассказ о «ереси жидовствующих» Николай Михайлович завершает следующим образом:

«Так повествует Св. Иосиф, основатель и начальник монастыря Волоколамского, **историк, может быть, не совсем беспристрастный**» (выделено мной. – **М.Д.**).

В первой четверти XIX века, когда Карамзин создавал свою «Историю государства Российского», он, конечно же, не мог прямо критиковать знаменитого средневекового богослова, к тому же объявленного святым. Однако, будучи добросовестным ученым, не преминул назвать Иосифа «не совсем беспристрастным». Солженицына такое мнение историка не устроило, и он попросту обкорнал цитату.

«Ереси жидовствующих» посвящено немало исследований. Вот что пишет о средневековом «судилище над мифической сектой тайных иудеев» наш современник, историк с мировым именем Руслан Скрынников:

«Лишь с помощью «прехищения» и «коварства» Геннадия (архиепископу Новгородскому. – **М.Д.**) и Иосифу удалось доказать принадлежность православных вольнодумцев к иудаизму («жидовству»). Сжечь их без такой лжи было невозможно. Жестокие гонения на вольнодумцев, продолжавшиеся 15 лет («еретиков» сожгли в 1504 году после страшных пыток. – **М.Д.**), нанесли непоправимый ущерб русской духовной культуре».

Стало быть, «жидовствующие» - «мифическая секта», а основоположник сей ереси, некий еврей Схариа, согласно десятку исторических трудов, - мифический персонаж. «Живого классика» такое мнение не устраивает, поэтому того же Скрынникова он не упоминает вовсе. Не вписывается.

А ведь было обещано: искренне стараться «понять обе стороны». Иначе говоря, ежели совсем уж коротко, – речь о беспристрастности. Ну, пусть не о ней самой, а хотя бы о попытке: дескать, вот тот-то историк пишет то-то, в другом месте он себя некоторым образом опровергает, а другие историки и вовсе придерживаются противоположной точки зрения...

Ничего этого мы у Солженицына не найдем. А найдем, напротив, тщательно подобранные, усеченные или вырванные из контекста цитаты. И всё это – ради совершенно определённой цели, не имеющей, к сожалению, ни малейшего отношения к истине.

А ведь мы пока – ещё только на первых страницах этого эпохального труда.

Переходя к XVII веку, к Ивану Грозному, Солженицын ссылается на «еврейского историка XX века» Гессена. Тот, дескать, пишет о том, как Иоанн Васильевич запретил евреям приезжать в Москву, поскольку они русских людей «от христианства отводили, и отравные зелья в наши земли привозили, и пакости многие нашим людям делали».

Гессена А.И. цитирует часто и обильно. Но вовсе не потому, что этот историк нравится ему больше, чем другие. Резоны «живого классика» просты: если уж еврей пишет **такое** про своих, то не извольте сомневаться. При этом Солженицын являет вполне пролетарский интернационализм, препарируя Гессена столь же успешно, что и Карамзина. То же – и в данном случае. После цитаты, приведенной Солженицыным, у Гессена следует вполне однозначный комментарий:

«В этих словах (Ивана Грозного. – **М.Д.**) звучали превратные толки о роли евреев в насаждении жидовской ереси, а вместе с тем повторялись обвинения, которые царь трафаретно предъявлял всем иноземцам, ему неугодным».

Этот комментарий у Солженицына отсутствует.

В других случаях нобелевский лауреат позволяет себе и вовсе едва завуалированную фальсификацию. Он пишет:

«*Есть легенда, что при взятии Полоцка в 1563 году Иоанн IV приказал всем евреям тут же креститься, а отказавшихся велел утопить в Двине.*»

Обратите внимание на слово «*легенда*».

«*Историки тщательные, - продолжает А.И., - как, например, Гессен, не только не подтверждают эту версию, хотя бы в ослабленном виде, но даже не упоминают о ней.*»

Ну если уж даже Гессен, «*тщательный*» (и притом еврейский!) историк «*даже не упоминает*» об

этом событии, стало быть – его не было.

Не было?

Действительно: Гессен об этих событиях не упоминает. Дело в том, что российскому еврейству ХУ-ХУП веков Гессен отводит всего-то три страницы. Однако не менее *«тщательный»* (к тому же еще и русский) историк Карамзин, подробно рассказывая о зверствах царя Иоанна, пишет о взятии Полоцка:

«Иоанн, взяв государственную казну, взял и собственность знатных, богатых людей, велел разорить латинские церкви и крестить всех жидов, а непослушных потопить в Двине».

Вот что пишет о тех же событиях Руслан Скрынников:

«Благочестивый царь, отслужив молебен в честь победы над безбожными «плоторами», велел истребить всех полоцких евреев».

«Если такое изложение истории считать объективным – то до истины не договориться». Таково мнение нобелевского лауреата. Не согласиться с ним невозможно, хотя свою книгу при этом он, конечно же, в виду не имел. И напрасно.

*****

«Евреи хлеба не сеют, евреи водкой торгуют».

Эти чуть перефразированные мной строки, написанные ироничным Борисом Слуцким, можно поставить эпиграфом ко всей книге Солженицына. Но уже безо всякой иронии.

«Живой классик» утверждает: весь XIX век царское правительство выбивалось из сил, дабы отвести русских евреев от вредного промысла – торговли водкой. Дескать, евреи, жившие в сельской местности (к 1882 году – *«одна треть всего еврейского населения»*), спаивали крестьян, чем, понятное дело, сильно вредили *«коренному населению»*.

«Алкоголизм поддерживается не только спросом на водку, но и предложением ее», - замечает А.И. (замечание, впрочем, весьма сомнительное; вспомним, что творилось в СССР совсем недавно, когда Политбюро попыталось ввести ограничения на продажу спиртного). Солженицын приводит выдержку из *«влиятельной в те годы газеты «Голос»*, которая назвала еврейское шинкарство *«язвой края»*, причем *«язвой неизлечимой»*. Это и есть, считает А.И., *«оголенная, стонущая, вопиющая правда»*.

Пытаясь соблюсти хотя бы видимость объективности, Солженицын приводит слова замечательного писателя Николая Лескова, *«знатока»*, - по свидетельству самого же А.И., - *«русской народной жизни»*:

«В великорусских губерниях, где евреи не живут, число судимых за пьянство, равно как и число преступлений, совершаемых в пьяном виде, постоянно гораздо более, чем число таких же случаев в черте еврейской оседлости. То же самое представляют и цифры смертных случаев от опойства. И так стало это не теперь, а точно так исстари было».

Приведя эти слова Лескова, Солженицын берется их опровергнуть. Во-первых, с помощью цифр:

«Статистика говорит, что если в Западной и Южной полосах Империи (именно там жила значительная часть еврейского населения России. – М.Д.) одно питейное заведение приходилось на 297 человек, то в Восточной все же на 585».

Любопытная штука. Обычно А.И. указывает источник, откуда он заимствует предлагаемые читателям сведения. О том, как именно заимствует, мы поговорим отдельно. Но все-таки – указывает. А вот в данном случае источник отсутствует – остаётся загадкой, где «классик» откопал эти цифры.

Другой способ, с помощью которого Солженицын «опровергает» Лескова, еще проще: более А.И. не упоминает ни об этом писателе, ни о других свидетельствах (а их в русской историографии немало), которые противоречат мнению о спаивании русского народа евреями.

Исследование Лескова «Евреи в России: несколько замечаний по еврейскому вопросу» (1884 г.) изначально было докладом, который писатель подготовил для комиссии фон Палена. История появления этого доклада весьма любопытна и заслуживает хотя бы недлинного упоминания.

*****

В 1881 году, после убийства Александра I народовольцами, Российскую Империю накрыла волна еврейских погромов. Связь между двумя этими событиями (второе, впрочем, не было «одноразовым», оно растянулось на долгие годы) проследить трудно, а то и вовсе невозможно. Дело в том, что среди членов «Народной воли» не было ни одного еврея. Исполнители теракта (их прозвали «бомбистами») - поляк Игнатий Гринецкий, погибший при взрыве, и несомненно русские Андрей Желябов, Софья Перовская и Тимофей Михайлов. Все трое после скорого суда были повешены. Организаторов приговорили к различным срокам каторги, один из них – Александр Михайлов – был осужден «на вечную каторгу», но уже через три года он умер в Петропавловской крепости.

Стало быть, царя убили русские, а били за это евреев. Солженицын объясняет эту странность

словами писателя Глеба Успенского: *«Евреи были избиты именно потому, что наживались чужой нуждой, чужим трудом, а не вырабатывали хлеб своими руками»*. А.И., театрално упрекнув Успенского в полемической запальчивости за эти слова, явно с ними солидарен. С другой стороны, столь же явно нобелевский лауреат порицает графа Толстого, для которого была *«очевидна»* (слово это А.И. закавычил с откровенным сарказмом. – М.Д.) вина властей в избииении евреев. *«Захотят – накликают погром, - писал Лев Николаевич, - не захотят – и погрома не будет»*.

Дело не в том, кому из этих двух писателей – Глебу Успенскому или Льву Толстому, – Солженицын более доверяет в столь щекотливом вопросе. А в том, что фразу из книги Успенского «Власть земли» А.И. по своему обыкновению выдернул из контекста «с мясом» да ещё и обрезал до неузнаваемости. Впрочем, теперь уже очевидно, что приём этот – существенная часть творческой манеры «живого классика».

Вернемся, однако, на короткое время в Россию 1880-х. Волна погромов, прокатившаяся по стране, заставила Александра II «высочайше» утвердить «Высшую комиссию для пересмотра действующих о евреях в Империи законов». Эту – уже десятую (со времени Екатерины II) – комиссию возглавил граф Константин Пален, бывший в недалёком прошлом министром юстиции. *«Комиссия, - пишет А.И., - вобрала в себя полтора-два десятка лиц из высшей администрации, членов министерских советов, директоров департаментов (иные со звучнейшими фамилиями, как Бестужев-Рюмин, Голицын, Сперанский), а также включила в себя семерых «экспертов из евреев» - влиятельнейших финансистов...»*. Добросовестно перечислив членов комиссии, Солженицын совершенно сознательно «забыл» о том, что к её работе был привлечен Николай Лесков.

Писатель был выбран в качестве эксперта вполне осознанно. Дело в том, что среди высших сановных лиц России Лескова считали юдофобом. Будучи по большей части людьми невежественными, писателя Лескова они, конечно же, не читали, а о взглядах его судили по названиям произведений. А среди названий попадалось, скажем, такое: «Жидовская кувырколлегия». Или: «Ракушанский меламед». Если бы вышеупомянутые лица удосужились прочесть эти рассказы, они обнаружили бы, что о «лицах еврейской национальности» Лесков писал хотя и шаржированно, но вполне добродушно. И главное – ни в коей мере не противопоставляя евреев русским в пользу последних.

Так что с привлечением Лескова к работе комиссии фон Палена вышел явный конфуз: исследование писателя (по мнению Солженицына, напомним, - *«знатока русской жизни»*) противоречило мнению сановного большинства. Несмотря на столь явное расхождение с мнением власть предержащих, доклад не подвергся цензуре и даже был издан отдельной брошюрой. Правда, в количестве всего лишь 50 экземпляров. Однако и тогда, при царском режиме, и теперь эта брошюра вполне доступна всем интересующимся и уж тем более – историкам. Конечно, тем, кто хочет найти правду, а не подтверждение собственным «изысканиям». Эти последние предпочитают работу Лескова не замечать – потому что она не оставляет камня на камне от «тезиса», используемого в том числе и нобелевским лауреатом, согласно которому евреи злонамеренно травили русских водкой. Да и от других «тезисов» тоже.

*****

Лесков пишет:

«Говорят: «Евреи распаивают народ». Обратимся к статистике и получаем факт, который представляет дело так, что опять рождается сомнение: распаивает ли жид малороссов?»

Оказывается, что в великорусских губерниях, где евреи не живут, число судимых за пьянство, равно как и число преступлений, совершенных в пьяном виде, постоянно гораздо более, чем число таких же случаев в черте еврейской оседлости. То же самое представляют и цифры смертных случаев от опойства. Они в великороссийских губерниях чаще, чем за Днпром, Вилиею и Вислой. И так стало это не теперь, а точно так исстари было.

Возьмём те времена, когда ещё не было публицистов, а были только проповедники, и не было повода нарекать жидов за растление русского народа пьянством. Развертываем дошедшие до нас творения св. Кирилла Туровского в XII веке и что же слышим: святой муж говорит уже увещательные слова против великого на Руси пьянства; обращаемся к другому русскому святому – опять же Кириллу (Белозерскому), и этот со слезами (здесь и далее подчеркнуто Лесковым. – М.Д.) проповедует русским унятьсь от «превеликого пьянства», и, к сожалению, слово высокого старца не имеет успеха. Святость его не одолевает хмельного загула, Кирилл делает краткую, но ужасную отметку: «Люди ся пропивают, и души гибнут».

Ужасно, но жид в этом нимало не повинен. «История церкви» (митрополита Макария, проф. Голубинского и Знаменского), равно как и «История кабаков в России» (Прыжова) представляют

длинный ряд свидетельств, как неустанно духовенство старалось остановить своим словом пьянство великорусского народа, но никогда в этом не успевало. Напротив, случались ещё и такие беды, что сами гасильники загорались... «Стоглав» встретил уже надобность постановлять, чтобы «священнический и иноческий чин в корчмы не входили, не упивались и не лаяли». Так духовенство, обязанное учить народ словом и примером, само поддавало общему обвинению в «пьянственном оскотении»... Пьяницы духовного чина прибывали в монастыри в столь большом количестве, что северные обители протестовали наконец против такого насыла и молили начальство избавить и от распойных попов и иноков, которые служат вредным примером для монахов, из числа коих им являлись последователи и вместе с ними убежали. Явление – ужасное, но, к несчастью, слишком достоверно засвидетельствованное для того, чтобы в нём возможно было сомневаться. Во всё это время жидов тут не было, и как св. Кирилл Белозерский, так и знатные иностранцы, посетившие Россию при Грозном и при Алексее Михайловиче, относили русское распойство прямо к вине народного невежества – к недостатку чистых вкусов и к плохому усвоению христианства, воспринятому только в одной внешности. Перенесение обвинения в народном распойстве на евреев принадлежит самому новейшему времени, когда русские, как бы в каком-то отчаянии, стали искать возможность возложить на кого-нибудь вину своей долгой исторической ошибки. Евреи оказались в этом случае удобными; на них уже возложено много обвинений; почему бы не возложить еще одного, нового? Это и сделали.

Из многих обвинений против евреев, однако, справедливо то, что евреи в черте своей оседлости во множестве промышляют шинкарством...

Христианин не знает этого стеснения; он живёт где хочет и может легко избрать другое дело, но, однако, и он тоже кабацествует и в этом промысле являет ожесточённую алчность и бессердечие.

Художественная русская литература, до пригнетения её газетною письменностью, относилась к жизни не только справедливее, но и чутче; и в ней мы встречаем типы таких кабатчиков, перед которыми бледнеет и меркнет вечно осторожный и слабосильный жидок. И это писали не только европейски известные люди из поместного дворянства, но и литераторы, вышедшие сами из русского простонародья (напр., Кольцов и Никитин). Им нельзя было не знать настоящее положение дел в русских сёлах, городах и пригородах, и что же мы встречаем в их известных произведениях? Русский кабатчик «как паук» путает единоверного с ним православного христианина и опутывает его до того, что берёт у него в залог свиту с плеч и сапоги с ног; топор из-за пояса и долото с рубанком; гуся в пере и барана в шкуре; сжатый сноп с воза и несжатый урожай на корню. Теперь говорят «надо уважать мужика», но гр. Ал.К.Толстой, когда шло такое же учение, спрашивал: «Уважать мужика, но какого?»

Если он не пропьёт урожаю,

Я тогда мужика уважаю.

Беда, по словам поэта, в том, что:

Русь... испилася, искралася,

Вся изворовалася.

И опять это сделалось без всякого соучастия жидам, при одной помощи русских откупщиков и целовальников.

Кто хочет знать правду для того, чтобы основательно судить, сколь сведущи некоторые нынешние газетные скорописцы, укоряющие евреев в распойстве русского народа, тот может найти в «Истории кабаков» драгоценные сведения. Там собраны обстоятельные указания: кто именно главным образом был заинтересован в этом распойстве, и кто тому служил, и чем радел ему, и на каком основании.

«Страсть к питве» на Руси была словно природжённая: пьют крепко уже при Святославе и Ольге: при ней «седоша Древлане пити». Св. князь Владимир публично сознал, что Руси есть веселие пити», и сам справлял тризны и братчины и почестные пиры. Христианство, которое принял св. Владимир, не изменило его отношения к пиршествам. «Постави князь Владимир церковь в Василеве и сотвори праздник велик, варя 300 провор мёду». Некоторые учёные полагают, что этой склонности самого князя к «почестным пирам» Русь в значительной степени обязана тем, что она не сделалась магометанскою. При Тахтомыше «русские упивахуса до великого пьяна».

Со временем эту страсть «к питве» захотели было уничтожить, - так, при Иване Ш народу было запрещено употреблять напитки; при его преемнике кн. Василии отгородили слободу «в наливках», где могли пить и гулять его «попечники», т.е. сторонники и преданные слуги. Иван Грозный, взяв Казань, где был «ханский кабак», пожелал эксплуатировать русскую охоту к вину в целях государственного фиска, и в Московской Руси является «царёв кабак», а «вольных винщиков» начинают преследовать и «казнить». Новую государственную операциею наряжены были править особые «кабацкие головы», а к самой торговле «во царёвом кабаке» приставлены были особые продавцы «крестные целовальнички», т.е. люди, клятвою и крестным целованием обязанные не только «верно и мерно продавать вино во царёвом кабаке», но и «продавать его довольно», т.е. они обязаны были выпродавать вина как можно больше. Они имели долг и присягу об этом стараться и действительно всячески старались заставляя людей пить, как сказано, «для сбора денег для государя и на веру».

Удивительно ли после этого, что люди, от природы склонные к пьянству, при таких порядках распились ещё сильнее, а те, которым и не хотелось пить, стали прилежать к сему делу, «заневолю плакав», чтобы только избежать «смертного боя».

Евреи во всей этой печальнейшей истории деморализации в нашем отечестве не имели никакой роли, и распойство русского народа совершилось без малейшего еврейского участия, при одной нравственной неразборчивости и неумелости государственных лиц, которые не нашли в государстве лучших статей дохода, как заимствованный у татар кабак.

Свидетельства, приводимые Лесковым, вовсе не единичны. Владимир Соловьев в «Чтениях о Петре Великом» писал о разгроме русских войск под Нарвой в конце 1700 года и захвате шведами практически всей русской артиллерии. Историк рассказал, как Петр I поручил голландскому литейщику Винуису «надзирать» за отливкой новых пушек. Будучи человеком страстным и нетерпеливым, Петр постоянно подгонял Винуиса, требовал от него чуть ли не ежедневных отчетов. В одном из них (1701 г.) голландец жаловался на неистребимую лень русских мастеров и добавлял:

«Пущая остановка, государь, от пьянства мастеров, которых ни ласкою, ни битьем от той страсти отучить невозможно».

Такие цитаты – ни из Лескова, ни из Соловьева – Солженицыну не нужны.

Какие нужны, мы уже знаем.

Порой, кстати, А.И. прямого цитирования избегает, излагая, что называется, своими словами. Ну, например: «Системы капиталистическая в экономике, в торговле и демократическая в политическом устройстве», - по большей части детище евреев, считает Солженицын, - «и они же для расцвета еврейской жизни наиболее благоприятны... Об этом ярко и убедительно писал выдающийся политэконом Вернер Зомбарт».

«Выдающийся политэконом» был нацистом (написавший, к примеру, что англичане – это как бы евреи в арийской расе). Но дело даже не в этом. А в том, что мысль о системах, наиболее благоприятных «для расцвета еврейской жизни», высказал куда более известный автор.

«Экономическая система наших дней – это творение евреев. Она находится под их исключительным контролем. Конечной целью евреев на этой стадии развития является победа демократии».

Похоже, правда? Почти слово в слово. Автор – Адольф Гитлер.

*****

«Черта оседлости сделалась фикцией».

Очень понравились Солженицыну эти слова одного из публицистов начала XX века. Ими А.И. как бы развенчивает собственную мысль об «отдельных антиеврейских ограничениях»:

«Утвердились слова: **преследование евреев в России. Однако слово не то. Это было не преследование, это была: череда стеснений, ограничений, - да, досадных, болезненных, даже и вопиющих. А и напомним же: правовые ограничения евреев в России никогда не были расовыми. Самые разные авторы объясняют нам, что в основе ограничений евреев в России лежали экономические причины**». (Выделено Солженицыным. – М.Д.)

В числе «самых разных авторов» - «либеральный профессор В. Леонтович» (уж не еврей ли? – М.Д.). Профессор разъяснял – и Солженицыну это разъяснение явно пришлось по нраву, - что «ограничительные мероприятия по отношению к евреям в основном вытекали из антикапиталистической тенденции, отнюдь не из расовой дискриминации. Решающим был страх

усиления капиталистических элементов, которые могли бы эксплуатировать крестьян и вообще трудовой народ».

Вот теперь понятно. Хотя, если исходить из «антикапиталистической тенденции», к евреям следовало бы причислить и Демидова с Рябушинским, и Прохорова с Морозовым. Словом, «преследовать», конечно же, нехорошо. Совсем другое дело – вводить некоторые «ограничения» во имя благой цели: защиты «трудового народа». А цель, как известно, оправдывает средства – черту оседлости, затрудненный доступ евреев к среднему и высшему образованию, запрет на профессии, невозможность для еврея работать на государственной службе и быть офицером в армии.

Но зато в остальном – всё как у прочих подданных империи. Такие же налоги (а при Александре I – двойные) и такая же служба в армии (при Николае I набор рекрутов-евреев по сравнению с христианами был утроен).

*****

Кстати, об армии. Солженицын весьма сочувственно цитирует речи министра путей сообщения Рухлова на заседаниях Совета министров в 1915 году. Министр категорически возражал против отмены черты оседлости:

«Русские мрут в окопах, а евреи будут устраиваться в сердце России?! Русские люди несут невероятные лишения и страдания и на фронте, и в тылу, а еврейские банкиры покупают своим сородичам право использовать беду России для дальнейшей эксплуатации обескровленного русского народа».

Знакомая песня – и по тем временам, и по нынешним (нам еще предстоит познакомиться с мнением Солженицына об участии евреев во Второй мировой войне). Тут бы и встрять нобелевскому лауреату, он же обещал это делать – «в тех неотклонимых случаях, где справедливость покрыта наслоениями неправды». А Рухлов откровенно лгал: с началом Первой мировой в русскую армию было мобилизовано около полумиллиона евреев, почти 100 тысяч из них погибло. В процентном отношении – гораздо выше того, что составляло еврейское население по отношению к общему числу граждан России. Цифры эти общеизвестны, но такая справедливость Солженицына явно не устраивает. Речи министра он оставил без комментария. То есть – вполне согласился с ним.

Но если бы только согласился. Молча. Но – нет: А.И. поспешает дальше, обгоняя черносотенцев из тогдашней Государственной Думы.

Евреи, по мнению «живого классика», более других уклонялись от призыва в армию. В мирное время «их терпели на разных нестроевых должностях», а во время войны «при наступлениях они часто бывали позади, при отступлениях оказывались впереди».

Это и есть лейтмотив тех страниц солженицынской книги, где идёт речь об участии российских евреев в Первой Мировой войне. При всём том ему не чужды высказывания о «храбрости и боевой находчивости» солдат-евреев. Однако подобные высказывания – как бы исключение из правила. Правило же таково: евреи воевали плохо, уклоняясь от строевой службы, наживались на войне («бесчестные порядчики-интенданты»). В то время, когда многие русские студенты-патриоты добровольно ушли на фронт, евреи – по словам Солженицына – бросились учиться в опустевшие студенческие аудитории. «Да вот и мой отец, - вносит А.И. личную ноту в размеренное «историческое» повествование, - покинул Московский университет не доучась, добровольно пошёл воевать», освободив, стало быть, студенческую скамью какому-нибудь еврею... Не обходится автор «200 лет вместе» и без патетики, вопрошая: «Значит, дело наше не общее? Дело одних – воевать, а других – учиться?».

Особое внимание «классика» - «уклонению евреев от призыва». Тут А.И. оперирует цифрами и фактами, что, безусловно, производит на читателя должное впечатление. И лишь совершенно случайно мы можем обнаружить, откуда, собственно, «историк» Солженицын взял эти данные. Оказывается – из «влиятельной в те десятилетия» петербургской газеты «Голос». Источниками сведений были также «недоброжелательный к евреям А.Шмаков, известный адвокат», а также неудачливый полководец времён русско-японской войны генерал Куропаткин. И при этом – ни одного архивного источника!

Характерная деталь: весьма интеллигентно называя Шмакова «недоброжелательным к евреям», А.И. тем не менее (а может быть – именно поэтому), относится к его сведениям как к истине в последней инстанции. И уж конечно от Солженицына невозможно узнать о том, что «известный адвокат» был одним из главных идеологов «Чёрной сотни». Именно Шмаков, явно в ущерб своей профессиональной деятельности, неумоимо писал об «убиенных евреями христианских младенцах», убеждал читателей в существовании «тайного еврейского правительства». По словам современного исследователя, «сказать об этом человеконенавистнике, что он был всего лишь «недоброжелателен к евреям», почти равносильно

тому, чтобы назвать «недоброжелательным» Гитлера».

Другими источниками А.И. не пользовался. И вовсе не потому, что их не существует или они труднодоступны. Просто другие – ему не нужны. А они есть. В частности, их собрал в своей книге «Евреи в русской армии. 1827-1914.» историк Йоханан Петровский-Штерн. Вот лишь некоторые – подлинно исторические – сведения из его книги.

«Выводы Военного министерства и МВД (о «еврейском уклонении от службы». – М.Д.) составлялись на основании небрежного (если не безграмотного) подхода к собранным сведениям. Опираясь на эти же сведения, мы убедились, что евреи в целом с ответственностью подходили к несению воинской повинности. Ни с этнической, ни с географической, ни с социальной точки зрения евреи не были, пользуясь выражением военных статистиков, наиболее уклоняющейся этнической группой. Наоборот, евреи давали русской армии больше новобранцев, чем любая другая группа городского населения. При сопоставлении статистических данных Военного министерства с реальными сведениями о еврейском населении оказывается очевидным необоснованный характер обвинений евреев в уклонениях от службы».

Этот вывод Петровского-Штерна основан на основательном изучении официальной русской военной статистики. Данные содержатся в документах Военного министерства России, ныне они хранятся в Русском государственном военно-историческом архиве (РГВИА). Документы вполне были бы доступны и Солженицыну, если бы они понадобились нобелевскому лауреату. Но – не понадобились.

«Город поставлял армии, - пишет Петровский-Штерн, - в среднем 10% всех новобранцев. Среди них львиную долю составляли евреи – в среднем 42%. Иными словами, в процентном отношении евреи давали армии в четыре раза больше рекрутов, чем городское население (подчёркнуто мной. – М.Д.). Соответственно эта цифра косвенно свидетельствует о том, что евреи в четыре раза меньше уклонялись от службы, чем в целом городское население».

Петровский-Штерн исследует также миф об «уклонении» евреев от службы в армии:

«Сравнение бумажных цифр с реальными, дающее совершенно искажённую картину отбывания евреями воинской повинности, прочно вошло в бюрократическую практику. Военное министерство ежегодно рассылало стандартный циркуляр с запросом о процентном отношении действительно принятых евреев к числу новобранцев, назначенных по расписанию Главным штабом с уезда. Сравнивались не бумажные цифры – с бумажными, например, общее число новобранцев, назначенных по расписанию, и общее число принятых новобранцев; и не реальные цифры – с реальными, к примеру, количество принятых евреев к общему количеству принятых новобранцев; также не сравнивалось количество принятых евреев и количество затребованных Главным штабом. Сравнение осуществлялось по принципу игнорирования недобора по всем группам, кроме еврейской. Полученное процентное соотношение представляло собой весьма выразительную цифру. Смысл её заключался в том, что в случае реального недобора по любой из социальных или этнических групп вся ответственность за него взваливалась на евреев. Полученное процентное соотношение включало в себя как еврейский недобор, так и все остальные недоборы с прочих призывных групп. В целом из собранных сведений с необходимостью вытекало, что евреи беззастенчиво уклоняются от службы, изыскивают любые средства, чтобы избежать армии, становятся обузой военных госпиталей, словом – никудышные патриоты, не заслуживающие никаких гражданских или военных льгот. Неудивительно поэтому, что накануне Первой Мировой войны статистика еврейских уклонений превратилась в политический памфлет».

Любопытно, что обвинения в адрес евреев, якобы уклонявшихся от военной службы (эти обвинения – без какого-либо исследования, абсолютно некритически – перекочевали в книгу Солженицына), не только противоречили статистике, но и официальным рапортам командиров военных округов и крупных армейских соединений. Такие рапорты, по вполне ясным причинам, в прессу не попадали. Но тем ценнее было бы узнать о них из сочинения «живого классика», претендующего на историческую объективность. Увы. «Сведения», необходимые для выстраивания необходимой ему отнюдь не новой «концепции», А.И. черпал, похоже, главным образом из газет совершенно определённого толка.

Начальник Харьковского военного округа доносил в Военное министерство о том, что на службе состоит «слишком много евреев», и просил: «Ввиду столь значительного процентного содержания евреев нижних чинов в пехотных частях вверенного мне округа, считаю необходимым довести до сведения, что не признается ли возможным при распределении новобранцев уменьшить число евреев, направляемых в мой округ?».

Уже один только этот запрос не оставляет камня на камне от тезиса, будто евреи старались избежать

службы в армии. Но самое поразительное (и смешное) – в ответе Военного министерства. Ответ гласил:

«Вследствие принимаемых в последнее время Правительством строгих мер для предотвращения уклонения евреев от воинской повинности, нельзя ожидать на будущее время уменьшения числа евреев-новобранцев, подлежащих поступлению в войска, и потому в составе их евреи неизбежно всегда будут представлять более или менее значительный процент, с которым необходимо будет считаться».

Иначе говоря: евреев так много в армии потому, что они уклоняются от воинской службы...

Относительно службы евреев *«на разных нестроевых должностях»* (А.И. очень любит как бы ненавязчиво подцепить на крючок подобной деталью доверчивого и необразованного читателя), то вот **факт**, который Солженицыну не понадобился: подавляющее большинство евреев (более 90%), проходивших службу в русской армии, служили на строевых должностях. По выражению Льва Толстого – «пушечным мясом» (“chair a’ canon”).

При этом стать офицером было для еврея делом немыслимым. С 1874 по 1917 год офицерский чин получили всего лишь 9 (!) евреев, и в каждом случае – по именному распоряжению самодержца. Может быть, потому что они плохо воевали? (Солженицын, как мы уже знаем, и тут не преминул отметить: *«при наступлениях они часто бывали позади, при отступлениях оказывались впереди»*.) Но вот свидетельство одного из офицеров русской армии, которые безо всякой статистики прекрасно знали: еврейский солдат в бою вполне надёжен. Под началом подполковника Курзенева, командовавшего во время войны 1914 года 5-й батареей 32-й артиллерийской бригады, было немало евреев. После февраля 17-го, обсуждая с другим офицером появившиеся в армии национальные формирования, Курзев сказал: «В настоящее время было бы самым приятным командовать еврейской батареей. Если таковые будут формироваться, я сейчас же выставлю свою кандидатуру».

Между тем, согласно особому распоряжению высших чиновников военного ведомства, евреев – героев фронта не могло быть в принципе. Главный штаб категорически запретил военным цензорам пропускать в печать любые публикации о подвигах солдат-евреев. А когда газета «Минская копейка» всё-таки осмелилась напечатать сообщение о подвиге еврейского солдата, последовала немедленная реакция. Старший адъютант штаба Минского военного округа полковник Дессино потребовал у редактора газеты: «Прошу уведомить, откуда были получены сведения о героическом поступке еврея Аппель, изложенном в заметке под заглавием «Герой еврей», каковая заметка была исключена военным цензором».

В апреле 1914 года, за несколько месяцев до начала Первой Мировой войны, Комиссия по военным и морским делам Четвёртой Государственной Думы вынесла на пленарное заседание вопрос о евреях в русской армии. Выступивший член Комиссии говорил о том, что Военное министерство требует призыва 6,7% мужского еврейского населения, хотя его доля во всём мужской населении империи составляет 4,13%. Главной же в выступлении депутата была связь проблемы воинской повинности с проблемой отношения государства к различным группам населения России. Он привёл в пример отставных еврейских солдат – Георгиевских кавалеров: они приехали в Петербург просить о предоставлении им права жительства вне черты оседлости и конечно же получили отказ. С некоторой толикой ненужного пафоса депутат говорил с трибуны Государственной Думы:

«Господа, неужели вы думаете, что этот молодой еврей, которому не дали переночевать в том городе, где ему предстояли годы тяжёлой службы, что этот молодой еврей, который на военной службе ничего, кроме унижений и оскорблений, не видит, что этот молодой еврей, который из службы приходит такой же бесправный, каким он туда пришёл, неужели вы думаете, что это какой-то сверхчеловек, которому можно ставить сверхчеловеческие требования? Не имея никаких прав, он должен быть и аккуратным, и патриотом, и бравым солдатом. Господа, ведь в таком отношении нет никакой логики, ни государственной, ни человеческой».

Выступление депутата постоянно прерывалось весьма оскорбительными репликами Пуришкевича. На призыв выступавшего – снимите черту оседлости, и вы получите сколь угодно большое число солдат, исполненных благодарности и патриотизма, - Дума ответила короткой репликой всё того же Пуришкевича:

«Никогда!».

Вновь откроем Лескова:

«Если же и есть евреи, которые не любят России, то это понятно: трудно пламенеть любовью к тем, кто тебя постоянно отталкивает. Трудно и служить такой стране, которая, призывая евреев к служению, уже вперед предрекает, что их служение бесполезно, а заслуги и самая смерть еврея на военном поле не стоят даже доброго слова. Не обидно ли, что когда русскому солдату

напоминают пословицу, что «только плохой солдат не надеется быть генералом», то рядом с ним стоящему в строю солдату-еврею прибавляют «а ты, брат, жид, - до тебя это не касается»...

И затем после такого военного красноречия ведут рядом в огонь битвы обнадеженного русского и обезнадеженного еврея...

Не знаешь, чему более удивляться: этой бестактности или этой несправедливости, каких не позволяют себе люди нигде, кроме как в России.

По-настоящему всё это не может вызвать ничего, кроме скрытой и затаённой, но непримиримой злобы. Однако подивимся: таких чувств нет у обиженных русских евреев. Пусть сегодня отнесётся Россия к ним как мать, а не как мачеха, и они сегодня же готовы забыть всё, что претерпели в своём тяжёлом прошлом, и будут ей добрыми сынами».

*****

Что же касается «экономических причин», якобы лежавших в основе черты оседлости, то вот сведения, почерпнутые из доклада киевского губернатора (фамилия?) самодержцу Александру II после изгнания из Киева еврейских купцов (1857 г.):

«Цены на жизненные припасы стали подниматься в городе со времени удаления евреев». Их выслали «по просьбе местного купечества», после чего православные купцы немедленно вздули цены и стали тратить свои барыши «на утоление развившейся между ними роскоши», тогда как евреи, «никогда почти не изменяя простоте в образе жизни, всегда довольствуются умеренными барышами».

Несмотря на ходатайства местных властей, потребовались долгие хлопоты, чтобы евреи двух высших купеческих гильдий получили право (1861 г.) постоянного проживания в Киеве.

Немало пишет А.И. и о пресловутой «процентной норме», которая резко ограничивала доступ еврейской молодежи к высшему и даже среднему образованию. «И на эту государственную тему, - считает нобелевский лауреат, - можно посмотреть с нескольких сторон, и уж по меньшей мере с двух». Вот эти «две стороны»:

«Для молодого еврейского ученика нарушалась самая основная справедливость: показал способности, прилежание, кажется, - во всем годишься? Нет, тебя не берут.

А на взгляд «коренного населения» - в процентной норме не было преступления против принципа равноправия, даже наоборот. Евреи стремились почти исключительно (выделено Солженицыным. – М.Д.) к образованию, и в иных местах это могло означать еврейский состав больше 50% в высших учебных заведениях. И вот, процентная норма, несомненно, была обоснована ограждением интересов и русских, и национальных меньшинств, а не стремлением к порабощению евреев».

Здесь нет частоты из цитат. Перед нами – точка зрения самого Солженицына. Скажем прямо: точка зрения вполне ксенофобская.

Из «коренного населения» был и Николай Лесков. Свидетель введения «процентной нормы», он писал о ней вот что:

«Еврей учился прилежно, знал, что касалось его предмета, жил не сибаритски и, вникая во всякое дело, обнаруживал способность взять его в руки. Эта способность действовала самым неприятным образом на всё, что неблагоприятно относится к конкуренции, и исторгла крик негодования из завистливой гортани. Выходило, что никакой «ассимиляции» не надо, и пусть жид будет по-прежнему как можно более «изолирован», пусть он дохнет в определенной черте и даже, получив высшее образование, бьется в обидных ограничениях, которых чем более, тем лучше. Лучшие – это, конечно, для одних людей, желающих как можно менее трудиться и жить барственно, не боясь, что за дело может взяться другой».

Вот тут-то и крылась причина «процентной нормы».

Озабоченный, по-видимому, все тем же «ограждением интересов», А.И. много и охотно пишет о капиталистах и банкирах еврейского происхождения. Особенно достается от Солженицына Дмитрию Рубинштейну – владельцу коммерческого банка, человеку, близкому к Распутину. Весьма вероятно, что банкир Рубинштейн действительно был отъявленным плутом и мошенником. Однако это вовсе не объясняет какого-то болезненного пристрастия к нему со стороны А.И. «Живой классик» посвящает ему четыре страницы своей книги.

Ну бог бы с ним – у каждого свои пристрастия. Но как же быть с исторической объективностью, которую декларирует нобелевский лауреат? Столь подробно написав о Дмитрие, он ни словом не обмолвился о двух других Рубинштейнах – и не однофамильцах, а родственниках банкира: Николае и Антоне. Первый был основателем Московской консерватории, второй – знаменитым композитором и музыкантом. Неужто, по мнению Солженицына, их роль в русской истории столь ничтожна, что не

заслуживает даже упоминания?

*****

Закрывать глаза на столь болезненную тему, как еврейские погромы в России, Солженицын не стал. Напротив: он пишет о ней весьма подробно. Его исторические «изыскания» в этой области сводятся к трем основным положениям.

Во-первых, погромы были *«стихийными взрывами масс: уже в событиях 1881–1882 гг. «выяснилась и не оспаривалась несомненность стихийной погромной волны».*

Во-вторых, *«еврейские авторы неумно настаивают»* на том, что *«вне всякого сомнения, царские власти сыграли большую роль в организации погромов».* А.И. однако же утверждает: *«Нелепо было бы для российских властей сочинять и поощрять еврейские погромы. Власти виновны, несомненно, но только в том, что не справились вовремя».*

И, наконец, в-третьих: зверства погромщиков сильно преувеличивались *«либерально-радикальными, а тем более революционными кругами»*, которым *«был жадно желаем любой факт (или выдумка), кладущий пятно на правительство».* В итоге *«дёготное пятно легло на всю российскую историю, на мировые представления о России в целом»* (выделено Солженицыным. – М.Д.).

Тезисы свои А.И. доказывает вполне по-коммунистически: одних историков обкарнывает до неузнаваемости, других не упоминает вовсе. Называя обвинения в адрес царского правительства *«совершенно необоснованными»* и *«нелепыми»*, Солженицын усматривает причины погромов в *«ненависти местного населения к поработившим его евреям».* Власти же, по мнению «живого классика», *«твердо»* осуществляли *«усмирение погромщиков».*

Что ж, давайте взглянем на те далекие от нас события глазами очевидцев и историков, причем отнюдь не *«еврейских авторов»*, которым А.И. изначально приклеил ярлык *«неумно настаивающих».* Вот что писал о киевском погроме 1881 года генерал Новицкий, бывший в то время начальником Киевского губернского жандармского управления:

«Трехдневному погрому в Киеве и распространению его по уездам евреи безусловно обязаны киевскому генерал-губернатору А.Р. Дрентельну, который до глубины души ненавидел евреев, дал полную свободу действий необузданным толпам «хулиганов» и днепровским «боснякам», которые громили открыто еврейское имущество, магазины и лавки, базары, даже на его глазах и в присутствии войск. Войска становились лишь слепыми зрителями всех безобразий, бесчинств и грабежей».

После киевского погрома в город «по высочайшему повелению» приехал генерал-майор граф Кутайсов – *«для исследования причин противоеврейских беспорядков».* Впоследствии граф Кутайсов напишет:

«В массе сложилось убеждение, что евреев можно грабить, что это дозволено. Приказчики, служители трактиров и гостиниц, мастеровые, кучера, лакеи, денщики, солдаты нестроевой команды всё это примкнуло к движению. Войска первоначально бездействовали в ожидании распоряжения начальства, и это внушало громилам уверенность в безнаказанности».

Приезд в Киев графа Кутайсова ничего не дал. «Знаменитый военный прокурор Стрельников, - писал другой очевидец тех событий, - будучи обвинителем по делу киевских погромщиков, более защищал, чем обвинял подсудимых», посему вся киевская администрация во главе с Дрентельном осталась на своих местах.

*****

В июне 1906 года произошёл страшный и кровавый погром в Белостоке.

Солженицын находит для погрома другие слова. «Живой классик» называет его *«вооружённой битвой анархистов с войсками».*

Об этом очередном трагическом событии русской истории современный читатель, пожалуй, только и может узнать, что из книги «200 лет вместе». И, соответственно, увидеть те далёкие события глазами её автора.

Глазами, как выясняется, отнюдь не беспристрастными.

«В Белостоке, - утверждает А.И., - образовалось сильнейшее в России анархическое соединение», которое засело *«на Суражской улице, куда полиция боялась и сунуться».* Эти злокозненные анархисты убивали городских *«среди бела дня»*, а затем *«распространили террор и на еврейских «буржуа»».*

Солженицын описывает террористическую деятельность белостокских анархистов, не скупясь на подробности, которые должны создать у читателя впечатление, будто *«обстановка в городе в 1905-06»* была ужасной – поскольку анархисты-де стремились к тому, чтобы *«вечная угроза смерти»* висела *«над буржуа каждый миг, каждый час его существования».* И даже такой жуткий план у них якобы имелся:

«по всей главной улице Белостока расставить адские машины и взорвать на воздух всех крупных буржуа».

Сведения эти А.И. вроде бы почерпнул из сборника «Соблазн социализма (Революция в России и евреи)», М., 1995 г. А точнее – из помещённой в этом сборнике анонимной статьи «Из истории анархического движения в Белостоке», опубликованной в Париже в 1909 году. Но именно – вроде бы: чуть ниже мы увидим, как Солженицын препарирует этот источник. Пока же вернёмся к авторскому изложению событий.

«Рабочие массы» не поддержали белостокских анархистов, которые (цитирует А.И. вышеуказанного анонима – бывшего члена боевой анархистской группы) «далеко отошли от ими же воеванного революционного авангарда». И вот тогда-то, по словам Солженицына, анархисты вознамерились организовать восстание, чтобы «ликвидировать пассивное настроение масс». Взятые из солженицынского текста слова принадлежат всё тому же анонимному анархисту, у которого, как мы вскоре увидим, вообще нет ни единого слова о якобы готовившемся восстании. А.И., тем не менее, безапелляционно утверждает: «Такое восстание белостокские анархисты и готовили в Белостоке в 1906 году. Его ход и последствия и получили название «белостокского погрома»».

«Всё началось, - пишет Солженицын, - с убийства полицмейстера и именно на той «Суражской улице, где была сосредоточена еврейская анархистская организация»; затем кто-то стрелял или бросил бомбу в проходящую церковную процессию (запомним эти подчеркнутые мной слова «правдивого повествователя» Солженицына. – М.Д.). Специально за тем приехавшая комиссия Государственной Думы, увы, увы, почему-то так и не смогла установить: «были ли то выстрелы, или какое-то шипение, это очевидцы точно не могли вспомнить». Впрочем, коммунист Диманштейн через 20 лет ясно пишет, что «в православную процессию была брошена провокационная петарда».

В этом коротком фрагменте А.И. использует сразу два источника. Во-первых, «Еврейскую энциклопедию», откуда взята фраза из отчета комиссии Государственной Думы; хотя непонятно, почему бы здесь не процитировать сам отчет. Впрочем, почему непонятно? Отчет комиссии – вполне официальный документ, а в беспристрастности «Еврейской энциклопедии», по мнению А.И., резонно и усомниться... Кроме того, Солженицын приводит короткую фразу «коммуниста Диманштейна» из его статьи, опубликованной в 1927 году. Весь этот солженицынский фрагмент демонстрирует непревзойдённое мастерство нобелевского лауреата: обе цитаты вмонтированы таким образом, чтобы у читателя не возникло даже тени вопроса: кем же, собственно, была брошена та «провокационная петарда»? И была ли она вообще?..

Правда, и без неё (бомбы или петарды) события 1906 года в Белостоке Солженицын называет «революционным порывом белостокских анархистов», в котором «кроется объяснение «погрома»». Слово «погром» А.И. берёт в кавычки, и это вполне соответствует авторской логике: какой же это «погром», если речь идёт о законном подавлении восстания...

«После той не признанной думской комиссией «провокационной петарды», - продолжает А.И., - по выводу комиссии, велось «систематическое расстреливание мирного еврейского населения, не исключая женщин и детей, под видом усмирения революционеров»». Тут автор кавычки закрывает, давая понять читателю: «расстреливание еврейского населения» имело место лишь «по выводу комиссии». Далее в солженицынском описании белостокского погрома вновь следует цитата из «Еврейской энциклопедии»:

«Еврейских жертв было «свыше 70 убитых и около 80 раненых. Обвинительный акт стремился объяснить погром революционной деятельностью евреев, озлобившей прочее население». Думская же комиссия отвергала это: «Никакой племенной, религиозной или экономической вражды между христианским и еврейским населением города Белостока не существовало».

И опять же – Солженицын не цитирует документы Первой Государственной Думы, назначившей комиссию для расследования событий в Белостоке. Отчеты комиссии вместе со стенографической записью заседаний Думы были изданы тогда же, в 1906 году, они доступны любому исследователю. Солженицыну они известны, в других случаях он этими записями пользуется, но только не тогда, когда речь идёт о белостокском погроме. Почему в этом случае «живой классик» обращается не к первоисточнику, а к «Еврейской энциклопедии»? Он охотно верит «коммунисту Диманштейну», когда тот пишет о «провокационной петарде» (о ней мы всё ещё ничего не знаем). Но стоит тому же «коммунисту» упомянуть о зверствах погромщиков («убивание гвоздями целых семей, выкалывание глаз, вырезывание языков, раздробление детских голов и т.п.») – и Солженицын это свидетельство с сарказмом отвергает. Почему?

Ответ прост. Обращение к первоисточникам и свидетельствам очевидцев неопровержимо

подтверждает: белостокский погром был спровоцирован властью. Такой вывод Солженицына не устраивает. Весьма неуклюже А.И. пытается отвести от неё, от власти, возможные подозрения: *«Да ведь довольно нелепо было бы для российских властей сочинять и поощрять погромы в те самые месяцы, когда русские министры обивали западные финансовые пороги в поисках займов»*. И при этом «живой классик» с явным осуждением пишет о том, как *«1-я Дума вставала в память жертв белостокского погрома (не соглашаясь, как мы видели, что то была вооружённая битва анархистов с войсками»*. Добавлю от себя, что даже известный черносотенец В.М.Пуришкевич был вынужден присоединиться к депутатам, почтившим память погибших в Белостоке.

Нынешняя Дума, которая отказалась *«вставать»* в память жертв Холокоста, наверняка нравится Солженицыну куда больше.

Итак.

Никакого погрома, убеждён «живой классик», в Белостоке не было. Ни выводы думской комиссии, ни свидетельства очевидцев ни в чём его не убеждают.

А что же было?

По версии А.И., в первые июньские дни 1906 года белостокские еврей-анархисты предприняли попытку вооружённого восстания. Чтобы *«расшевелить»* тамошнее население, они не побрезговали ничем: ни бросанием не то бомб, не то петард в церковную процессию, ни убийствами своих же соплеменников. И если при всём том среди мирных граждан образовались жертвы, то власти в этом не виноваты – они были вынуждены применить военную силу для подавления восстания...

Для подтверждения сей версии А.И. тоже ничем не брезгует: ни замалчиванием одних источников, ни подтасовкой и откровенной фальсификацией других. Делает это нобелевский лауреат с вызовом и где-то даже весело, справедливо полагаясь на немоту *«образованщины»*.

Сведения о белостокских анархистах Солженицын извлёк из книги «Соблазн социализма». Извлёк, по своему обыкновению, лишь то, что «работало» на его версию. Об остальном – даже не упомянул. Потому что именно из остального легко узнать: *«сильнейшее в России анархическое соединение»* (так А.И. характеризует белостокских анархистов) в 1905 году, в разгар первой русской революции, насчитывало... *«десять-двенадцать человек»* (выделено мной. – М.Д.).

Анархистская группа в Белостоке образовалась весной 1903 года. Она действительно совершила несколько терактов. Террор распространился *«и на еврейских «буржуа»*: в частности, было осуществлено упомянутое Солженицыным покушение на *«владельца крупной прядильной мастерской Кагана»*. Однако произошло это ещё летом 1904 года и к событиям июня 1906-го никакого отношения не имело.

А как же *«ужасные планы и предложения»* анархистов, о которых пишет А.И.? *«Идеи взорвать на воздух всех крупных буржуа»*? Подобные планы и вправду обсуждались на одном из собраний крошечной группы анархистов, но самими же анархистами были отвергнуты – как бесполезные и нереальные. Анонимный автор статьи, анархист, писал о ситуации в Белостоке к июню 1905 года, когда революционное движение по всей России было ещё на подъёме: *«Мы хорошо понимали, что, несмотря на все свои великие планы, мы вынуждены будем сидеть, сложа руки и наблюдать, как рабочие понемногу возвращаются на работу. Всем было тоскливо»*. Спустя год, к началу погрома, рабочего движения в городе «больше не было». *«Многие из нас, - пишет тот же аноним, - в это время уже понимали, что при создавшемся положении дел очень скоро должен наступить крах»*.

Даже самые отчаянные из крошечной группы белостокских анархистов к тому времени поняли: *«Сражение уже проиграно»*. Поэтому ни о каком готовящемся восстании речи не было. А как же утверждение Солженицына о том, что как раз в это время восстание всё-таки готовилось – чтобы *«ликвидировать пассивное настроение масс»*? Эту цитату из сборника «Соблазн социализма» А.И. умело использует для подтверждения своего тезиса: белостокские еврей-анархисты затевали восстание, реакцией на эту затею и стал так называемый *«погром»*...

Достаточно открыть сборник «Соблазн социализма», чтобы обнаружить откровенную фальсификацию, к которой прибегает нобелевский лауреат. Автор статьи «Из истории анархистского движения в Белостоке» пишет о проекте, согласно которому осенью 1905 года в городских фабричных цехах должны быть созданы некие «профессиональные федерации». С их помощью анархисты предполагали готовить... восстание? Ничего подобного: «стачечные выступления». «Многие из нас, - пишет всё тот же анонимный анархист, - надеялись тогда, что деятельность этих федераций ликвидирует, наконец, пассивное настроение массы (подчёркнуто мной. – М.Д.), выжидавшей помощи от анархистов. Этого, однако, не произошло».

Именно эти слова Солженицын выхватил из текста статьи, слегка переиначил (взяв, тем не менее, в кавычки) и вставил в свой текст – в подтверждение своего тезиса о якобы готовившемся восстании.

Так А.И. «работает» с историческими источниками.

Теперь вспомним то ли о бомбе, то ли о «провокационной петарде», будто бы брошенной анархистами в церковную процессию. Это – ключевая деталь трагических событий в Белостоке. Говоря о ней, Солженицын не приводит никаких документов, сославшись лишь на «коммуниста Диманштейна» и его статью, опубликованную в 1927 году. Но и из этой статьи совершенно не ясно, что там, в Белостоке, было брошено, кем, и было ли брошено вообще. Между тем, ещё в 1906 году, сразу вслед за погромом, журнал «Восход» (№23) опубликовал официальное заявление белостокских эсеров-максималистов и анархистов:

«Мы заявляем перед всем миром, что никто из наших групп, ни один социалист-революционер или анархист-одиночка не бросил никакой бомбы в православную процессию, не сделал ни одного выстрела до начала погрома. Помимо того, что мы, как революционеры, никогда не могли бы бросить бомбы или стрелять в толпу мирных людей, мы не могли этого сделать в данном случае потому, что знали, что подобный акт вызовет желательный для полиции погром».

Солженицын делает вид, что об этом заявлении он не знает (а если и вправду не знает, тогда всему его «историческому исследованию» - грош цена). Впрочем, знает, конечно. Однако доверчивому читателю, «образованнице», лучше всего рассказать о том, как вели бой «пехота и кавалерия, а с другой стороны бомбы и огнестрельное оружие».

Никаких «боев» в Белостоке не было. А было вот что: безжалостное избиение мирного еврейского населения вооружёнными погромщиками, полицейскими и солдатами. И произошло оно в результате провокации, подготовленной властью совместно с «Чёрной сотней». Согласно отчёту, подготовленному комиссией 1-й Государственной Думы и оглашённому на заседании Думы 22 июня 1906 года, события развивались следующим образом:

«Первого июня в Белостоке была организована грандиозная православная процессия, направившаяся от собора по Николаевской и Александровской улицам. Когда процессия начала сворачивать с Александровской на Институтскую улицу, из углового дома Рахитеса или из соседних домов Фальмана и Маковского раздались выстрелы, и затем некоторые видели, что был брошен предмет, шипевший на земле. Произошла паника. Многие побросали на землю иконы, хоругви. Оказались ранеными Миньковская и Демидюк. Немедленно явившиеся войска, находившиеся, по-видимому, по соседству, в отделении государственного банка, начали обстреливать названные дома и соседнее с ними казначейство.

Тотчас же после выстрелов толпа хулиганов разгромила аптеку в доме Рахитеса, и затем погром, как по сигналу, возник во многих местах. Хулиганы вместе с городовыми громили лавки и расхищали товар, а солдаты шли позади и обстреливали улицы, если на них показывался еврей. Грабили не только хулиганы и городовые, но нередко и солдаты... Начиная с четверга 1-го июня и до субботы по улицам шла канонада, причём мишенью служили одни только евреи. Предлогом для расстрела домов и людей служили провокационные выстрелы. Были случаи, что такие выстрелы производили городовые, а потом призывали солдат».

Упомяну ещё об одном свидетельстве трагедии в Белостоке. Свидетельстве вполне беспристрастном. Речь идёт о самой популярной и самой тиражной русской газете начала XX столетия «Новое время», которую издавал А.С.Суворин. Солженицын об этой газете прекрасно осведомлён: она, по словам А.И., - «живая, яркая, с пульсом», выступавшая, к тому же, «на правительственной стороне» и «нередко путающая нужду национального возрождения с замахиванием на евреев». В книге «200 лет вместе» об этой газете написано много и подробно, но – только **не** тогда, когда А.И. описывает события белостокского погрома.

Между тем, именно в «Новом времени» (от 8 июня 1906 г.) было опубликовано информационное сообщение Российского телеграфного агентства о ходе событий в Белостоке:

«Когда при следовании процессии (церковной. – М.Д.) раздался откуда-то выстрел, то сразу послышались крики: «Бей жидов, они пролили нашу кровь», - и началось избиение попадавших навстречу евреев, разгром квартир и магазинов».

Об итогах погрома газета сообщала:

«Разгромлены в городе все магазины золотых и серебряных вещей. Две трети (жертв погрома. – М.Д.) убиты ружейными пулями, остальные – тупыми орудиями, дети задавлены, у многих разбиты черепа, у многих вбиты гвозди».

Ну, пусть на сей раз А.И. не поверил сообщению любимой газеты – в особенности той его части, где говорится о жертвах. Однако на сей счёт имеется и вполне официальная информация. 10 июня 1906 года временный генерал-губернатор Белостока фон Бадер докладывал военному министру: во время белостокского погрома было ранено «нижних чинов – 4», христиан «ранено двое, один убит». В то же время евреев «убито 78 и ранено 84».

Доклад фон Бадера был опубликован в российских газетах, он дал повод усомниться в правительственных сообщениях о том, что «евреи всё время стреляли в войска и в христиан». Одна из московских газет писала тогда:

«Почему между убитыми и ранеными нет ни одного громилы, ни одного убийцы и грабителя, а есть множество женщин, детей, стариков и старух? В кого же стреляли войска?»

Подобные вопросы Солженицыну не нужны.

Ни единым словом не упоминает он и о циркуляре (№278 от ...), который духовное ведомство разослало всем православным священникам Гродненской губернии. Этот циркуляр в очередной раз (помимо показаний очевидцев и заявления белостокских анархистов) развенчивает легенду о бомбе, якобы брошенной евреями в православную процессию. В циркуляре говорилось о том, что в результате «неправильного освещения обстоятельств, вызвавших этот погром (в Белостоке. – М.Д.), распространились сведения, что будто евреями была брошена бомба в христианскую процессию с крестным ходом, чего в действительности не было».

И уж конечно – А.И. обошёл молчанием выводы, к которым пришла думская комиссия, расследовавшая кровавые события в Белостоке. Между тем, эти весьма скупые на подробности выводы были оглашены с трибуны Государственной Думы. Вот они:

«1. Никакой племенной, религиозной или экономической вражды между христианским и еврейским населением Белостока не существовало.

(Это – единственный вывод комиссии, который приводит Солженицын, «правдиво» повествуя о кровавых белостокских событиях. Вражды – не было. А что же было? Ах, да: «*вооружённая битва анархистов с войсками*». – М.Д.)

2. Нескрываемая вражда к евреям существовала только у полиции и внушалась также и войскам на почве обвинения евреев в участии в освободительном движении.

3. Погром был подготовлен заранее, и об этом задолго было известно как администрации, так и самому населению (подчёркнуто мной. – М.Д.).

4. Ближайший повод к погрому был так же заранее приурочен, предсказан властями и посему он не может быть рассматриваем как вспышка религиозного или национального фанатизма.

5. Действия войск и гражданских властей во время погрома представляются явным нарушением установленных на сей предмет законов. Это было систематическое расстреливание мирного еврейского населения, не исключая женщин и детей, под видом усмирения революционеров, ибо никаких революционных действий, как толпы, так и отдельных лиц, которые дали бы основания для принятия мер усмирения, - не установлено (подчёркнуто мной. – М.Д.).

6. Гражданские и военные власти не только бездействовали, не только содействовали погрому, но во многих случаях, в лице низших агентов, производили его сами в виде убийств, истязаний и грабежей.

7. Официальные донесения в изложении причин, поводов и хода событий (о стрельбе в войска и христианское население, о революционных нападениях и т.п.), не соответствуют действительности (подчёркнуто мной. – М.Д.).

«Погром был подготовлен заранее», - к такому выводу пришли члены комиссии. Вывод не случайный. Один из депутатов Первой Государственной Думы, профессор Щепкин, выступил на пленарном заседании со следующим заявлением:

«У нас есть свидетельские показания солдат о том, что в последние дни месяца мая во всех полках, и особенно – в Углицком и Владимирском, шла агитация, которая велась некоторыми офицерами, агитация, направленная против евреев». Накануне погрома, продолжал профессор Щепкин, 31-го мая, солдаты уговаривали знакомых евреев уехать из Белостока, поскольку «будет погром». На вопрос «Откуда вы это знаете?» последовал ответ: «А у нас ротный командир 12 роты Владимирского полка говорил, что главный вред России от евреев, что если евреев не истребить, то и аграрного вопроса нельзя разрешить, почему они и должны постараться 1 июня по поводу процессии истребить как можно больше евреев».

Устная агитация усиливалась печатной. В войсках распространялись десятки тысяч экземпляров листовки, изготовленной в недрах «Союза русского народа». Желая преуменьшить его зловещую роль в

организации погромов и убийств, Солженицын в своей книге называет эту организацию «*жалкой, бессильной и безденежной партией*». «Классик», по своему обыкновению, лжёт: «Союз», действовавший в 1905 – 1917 годах по всей России, в действительности был очень влиятельным (его лидеры неоднократно получали многочасовые аудиенции у царя) и – в особенности на первых порах – весьма и весьма богатым. Что же касается провокационной листовки, выпущенной «Союзом русского народа» и «вброшенной» в войска накануне белостокских событий, то текст её прочёл с думской трибуны один из депутатов:

«Уже они, братцы, и знамя своё выбросили у нас на Руси, знамя красное, и собирают под ним разный тёмный люд, и прут против нашего Батюшки-Царя, чтобы сломить в нём силу русскую, а затем объявить на Руси своего царя жидовского или сионского. А потом, братцы, они и веру христианскую порушат, как порушили и убили Христа...». Заканчивалась прокламация яростным призывом: «Прочь, долой всю вражью жидовску новизну! Русский солдат! На врага! Вперёд! Вперёд!».

Кстати говоря, призыв сей (в несколько, правда, усечённом виде) очень любит публиковать на первой своей странице некий «орган», именующий себя то ли «газетой духовной оппозиции», то ли «газетой государства российского»...

А то воззвание, как выяснилось после не слишком длительного расследования, в апреле-мае 1906 года «было распространено охранным отделением среди солдат пехотных полков 16-й пехотной дивизии, расположенной в Белостоке и окрестностях. На солдат оно произвело впечатление приказа по армии».

Подобная «обработка» войск велась повсюду. Современный нам историк пишет:

«Солдаты жаловались в Думу, что им запрещают читать в казармах что бы то ни было, кроме черносотенной периодики. Прокламации антиеврейского содержания регулярно доставлялись в полки и настойчиво распространялись среди нижних чинов. Для публикации этих прокламаций окружные штабы охотно предоставляли свои типографии. Предоставление типографских мощностей всевозможным антисемитским и охранительным органам было предписано в приказном порядке.

(Та самая газета – не то «духовной оппозиции», не то «государства российского» - также существует во многом благодаря «вспомоществованию» российской армии и распространяется тоже по большей части среди армейских чинов. Так что история повторяется. Да и новая трагедия – не за горами...)

Тогда, в 1906-м, итоги работы думской комиссии по расследованию белостокского погрома подвёл один из лидеров партии кадетов депутат Родичев, назвавший российскую власть «режимом насилия и лжи». Почти сто лет спустя Солженицын – нобелевский лауреат и чуть ли не «совесть России» - пытается этот режим обелить и оправдать в том, в чём ему нет и не может быть оправдания.

Сразу после погрома в Белостоке писатель Ан-ский (очевидец многих событий того времени; на него А.И. ссылается довольно часто, но только – не в этом случае. – М.Д.) побывал в белостокской больнице и подробно описал то, что увидел:

«Вот старик-отец с переломанной рукой рассказывает, как на его глазах солдаты убили трёх его сыновей. Вот мать стоит над трупиком десятилетней девочки, покачивает головой и запёкшимися губами шепчет с мольбой: «Доченька, пташечка». А девочка лежит с полуоткрытыми глазами, в которых застыл ужас, штыковой раной в груди и разрубленной топором ногой. Возле неё лежит 7-8-летний мальчик с пулевой раной во лбу. Дальше, двое рабочих с перерезанным горлом...».

Ничего подобного мы у Солженицына не найдём. И это – не случайность.

*****

Пожалуй, стоит особо отметить страницы солженицынской книги, где он повествует о жертвах погромщиков. Вот он цитирует Обвинительный акт, составленный «*прокурором местного суда В.Н. Горемыкиным*» (речь идет о ставшем печально знаменитым на весь мир кишиневском погроме 1903 года, когда десятки людей были зверски убиты и сотни искалечены): «*Все трупов обнаружено 42, у всех убитых найдены были повреждения, причиненные тяжелыми тупыми орудиями: дубинами, камнями, лопатами, у некоторых же острым топором*».

Эти, что называется, «официальные» сведения А.И. оспаривать не берется. Зато, когда речь идет о некоторых газетных публикациях того времени, нобелевский лауреат дает волю своему сарказму. К примеру, он подробно разбирается в вопросе о том, были ли вбиты еврейке «*в голову гвозди насквозь через ноздри*». И приходит к выводу, что нет – сообщившая об этом газета «Санкт-Петербургские ведомости», мол, извратила факты, потому как в официальных полицейских и судебных документах о кишиневском погроме эти сведения не содержатся.

Казалось бы – зачем? Зачем «живому классику» это постыдство и даже, я бы сказал, паскудство – сто

лет спустя подробно выяснять, было ли преувеличено некое газетное сообщение о зверствах погромщиков? Разве мало того, что он и сам вынужден признать официальные сведения? Оказывается – мало.

«Почему истина кишиневского погрома показалась недостаточной? – вопрошает А.И. – Потому что в истине правительство выглядело, каким оно и было, - косным стеснителем евреев, хотя неуверенным, непоследовательным. Зато путем лжи оно было представлено искусным, еще как уверенным и бесконечно злым гонителем их».

Всё было не так, утверждает Солженицын. И с возмущением цитирует очередного «неумного еврейского автора»: во время погромов 1905-1906 годов происходило «убивание гвоздями целых семей, выкалывание глаз, вырезывание языков, раздробление детских голов». Зачем же понадобилась столь чудовищная ложь? А вот зачем (комментирует эту цитату А.И.): *«Все равно тот «старый режим» не вернется, не оправдается, вали волку на холку».*

Красиво сказано. По-писательски. Однако с сожалением вынужден констатировать: именно нобелевский лауреат идет «путем лжи».

Что касается кишиневского погрома, который случился в 1903 году на Пасху, - о нем по горячим следам весьма эмоционально высказался архиепископ Иоанн Кронштадский:

«Какое тупоумие русских людей! Какое неверие! Какое заблуждение! Вместо праздника христианского они устроили скверноубийственный праздник Сатаны. Русский народ, братья наши! Что вы делаете? Зачем вы сделали варварами – громилами и разбойниками людей, живущих в одном с вами отечестве?»

Владыку Иоанна трудно заподозрить в юдофилии. Впоследствии он вступил в черносотенный «Союз русского народа» и раскаялся в этих своих словах. Но тем они и ценны, что были искренней, незамутнённой реакцией человека, к тому же – пастыря Божия, на те кровавые события.

Правда, даже в том своём обращении Иоанн Кронштадский, следуя давней традиции Русской Православной Церкви, не позволил себе ни одного худого слова в адрес царских властей. Но на то есть другие свидетельства, в том числе – о весьма многочисленных жертвах погромщиков. Обнаружить эти свидетельства, хоть это и не сложно, Солженицын не пожелал. Сделаем это за него. Тем более что 1903-й был не первым погромным годом в России. И не последним.

Сергей Степанов, современный нам историк и автор книги «Черная сотня» в России 1905–1914 гг.» приводит архивные документы судебных дел:

«Удалось выявить 1860 лиц (а скольких «не удалось»? – М.Д.), причастных в бесчинствах в октябре 1905 г. Самому старшему из погромщиков было 75 лет. Ни преклонные лета, ни телесная немощь не ограждали против погромного безумия. 66-летний житель Орши Битюков поднялся чуть ли не со смертного одра и приковылял к месту побоища. Не имея сил убивать, он наслаждался тем, что ковырял костылем в мозгах убитых».

Как вам это нравится, Александр Исаевич? Не убеждает? Ну тогда откройте ещё раз Николая Лескова:

«Евреи не зовут отмщения Немезиды, они заодно с христианами верят, что «Бог поруган не бывает» (Гал. 6, 7), а в том, что делалось в последние годы над еврейством, есть прямое поругание самых священных чувств, возжжённых в сердце человека, «эллины же яко иудея». Во время разграбления евреев в Нежине и Балте было указано, что евреи в некоторых случаях «могли бы дать отпор, но не дали его», - русская газета заметила «ещё бы!», т.е. «ещё бы» евреи посмели защищаться! – хотя, однако, защищать себя от нападающего насильника дозволяется и не вменяется в преступление.

Но, может быть, если нельзя защищать себя от побоев, а своё имущество от разграбления, то можно защищать мать, жену или дочь, если их насилуют на глазах их отцов и мужей? Но оказывается, что – тоже нет! И в этом еврей не должен сметь воспротивиться силою произволу христиан, бесчестящих еврейскую женщину...

К стыду русской печати, был случай, что одна распространённая газета, воспроизводя доказанное известие об изнасиловании буянами вместе с полицейскими солдатами двух еврейских женщин и одной девушки, нашла даже цинические шутки для смягчения события и одобрила, что евреи выдержали и это...

Вести себя так, чтобы шутить по поводу таких злодейств, значит – ругаться сердцу человека.

Указываемый нами возмутительный цинизм не оставался без отражения в народной массе: буйная чернь производила свои бесчинства над евреями в Ростове в те самые дни, когда

коленипреклонённая Москва пред лицом представителей всех европейских держав молилась Всевидящему о благополучии всех людей, на коими помазан царствовать наш нынешний император!..

И были ли это последние дни бесчинства?

Конец ли на этом?»

Как выяснилось – далеко не конец.

Ну хорошо: пусть нет у Солженицына веры прошлым историкам и литераторам – и русским, и с «еврейской составляющей». И уж тем более – нет у него веры историкам современным. Но как быть со свидетельствами очевидцев? Вот генерал-лейтенант русской армии Павел Иванович Залесский пишет в своих воспоминаниях о событиях 1905 года:

«Русским властям, не пожелавшим признать своей вины и честно пойти по пути назревших реформ, понадобился «козел отпущения». Виновными во всех невзгодах России оказались... евреи. Власть явно поощряла все нападки на евреев. При ее благосклонном содействии расцвел так называемый «Союз русского народа», а потом начался и «погромный» поход против евреев. Власть не стеснялась ничем – разливала и развивала ненависть к евреям».

В развитие сей скорбной темы – свидетельство графа Сергея Витте, занимавшего в правительстве Николая II посты министра путей сообщения и финансов (1892 г.) и председателя Совета министров (1903-1906 гг.):

«Скрытые идеалы царя – это идеалы полупомешанной ничтожной партии «истинно русских людей». Государь возлюбил после 17 октября 1905 г. больше всех «черносотенцев», открыто провозглашал их как первых людей Российской империи, как образец патриотизма, как национальную гордость. И это таких людей, во главе которых стоят герои вонючего рынка Дубровин, граф Коновницын, иеромонах Иллиодор и пр., которых сторонятся и которым, во всяком случае порядочные люди, не дают руки. А Государь неоднократно наедине принимал господина Дубровина и прочих членов этой черносотенной шайки. Императрица Александра Федоровна конспирирует с союзом «истинно русских людей», со всеми дубровинскими, отцами иллиодорами и прочими политическими негодьями и кликушами.

Союз русского народа слился с Охранным отделением так, что трудно было найти и провести черту, где кончаются агенты секретной полиции Охранного отделения и где начинаются деятели так называемого Союза русского народа. Черносотенцы состояли преимущественно из хулиганов, но, так как они находили в некоторых местах поддержку со стороны местных властей, дело иногда переходило в погромы, преимущественно, если не исключительно, евреев.

Ещё при генерале Трёпове и Рачковском завели при департаменте полиции типографии для фабрикаций погромных прокламаций, т.е. для науськивания тёмных сил преимущественно против евреев. Громадный погром в Кишинёве был прямо устроен Плеве. (В.К.Плеве – министр внутренних дел, шеф корпуса жандармов. В 1904 году убит эсером Созоновым. **Русским. – М.Д.**) В Гомеле был устроен погром евреев посредством провокаций местной жандармерии, и когда я открыл эту позорную историю и довёл до света, то на мемории по этому делу Его Величество соизволил написать, что эти дела не должны быть доводимы до его сведения (вероятно, по маловажности).

Теперь идёт сплошная травля евреев, и я думаю, что натравщики сами не знают, куда они идут и что полагают этим достигнуть. Никогда еврейский вопрос не стоял так жестоко в России, как теперь, и никогда евреи не подвергались таким притеснениям».

Читал ли Солженицын графа Витте?..

*****

Особенно ярко идеалы Николая II (хоть и были они, по выражению графа Витте, «скрытые»), а в первую очередь – власти, проявились в знаменитом деле Бейлиса. И хотя за минувшие десятилетия оно изучено досконально, не упомянуть о нём Солженицын не мог: *«О процессе Бейлиса написаны тысячи и тысячи страниц. Кто захотел бы теперь вникнуть подробно во все извивы следствия, общественной кампании и суда – должен был бы, без преувеличения, потратить не один год. Это – за пределами нашей книги».*

А что же в пределах? Весьма краткое и осторожное упоминание о процессе, заставляющее читателя, тем не менее, усомниться в справедливости вердикта присяжных, оправдавших Бейлиса.

Киевский еврей Бейлис был обвинён в **ритуальном** убийстве 12-летнего Андрюши Ющинского. Судебный процесс длился два года (1911-1913), хотя его нелепость и подлость были очевидны с самого начала. За кулисами процесса стоял «сам» министр юстиции Иван Щегловитов.

Из «Воспоминаний» графа Витте:

«Около себя в качестве министра юстиции Столыпин держал такого лицемерного и беспринципного человека, как Щегловитов. Это самое ужасное из всех назначений министров после моего ухода в течение всех последних лет и до настоящего времени. Щегловитов уничтожил суд. Теперь трудно определить, где кончается суд и начинается полиция. Щегловитов не есть глава правосудия, а скорее глава или одна из глав секретной полиции. Несмотря на независимость судей, Щегловитов сменяет кого вздумается, и судебное ведомство впало в маразм угодничества к министру юстиции, от которого зависит благосостояние судебного персонала».

Министр Щегловитов из-за кулис неумоимо управлял процессом по делу Бейлиса. Было пущено в ход всё что возможно: фальсификации, ложные свидетельства, откровенное давление на следствие и суд, «подогрев» общественного мнения... Словом – весь арсенал.

Однако – не вышло. На самом последнем этапе – сбило и вынесло в другую сторону. Конечно, какую-то отдалённую, опосредованную роль сыграло мнение мирового сообщества, которое пристально и весьма неодобрительно следило за делом Бейлиса. Да и в самой империи не всё шло так, как (судя по всему) хотелось бы Солженицыну. Либеральная Россия объединилась тогда вокруг писателя Владимира Короленко и его обращения «К русскому обществу». Оно было опубликовано в петербургской газете «Речь» в ноябре 1911 года с подзаголовком «По поводу кровавого навета на евреев» и начиналось так:

«Во имя справедливости, во имя разума и человеколюбия мы поднимаем голос против вспышки фанатизма и тёмной неправды. Истари идёт вековая борьба человечности, зовущей к свободе, равноправию и братству людей, с проповедью рабства, вражды и разделения. И в наше время – как это было всегда – те самые люди, которые стоят за бесправие собственного народа, всего настойчивее будят в нём дух вероисповедной вражды и племенной ненависти. Не уважая ни народного мнения, ни народных прав, готовые подавить их самыми суровыми мерами, - они льстят народным предрассудкам, раздувают суеверие и упорно зовут к насилиям над иноплеменными соотечественниками».

Под обращением подписались Дмитрий Мережковский и Зинаида Гиппиус, Павел Милюков и Пётр Струве, Александр Блок и Максим Горький, Владимир Немирович-Данченко и Владимир Вернадский...

Однако никаких обращений присяжные на процессе Бейлиса, понятное дело, не читали и имён, подписавших его, по большей части даже не слышали. Надо отдать должное устроителям процесса: присяжные были подобраны весьма умело. Двое из двенадцати – мещане, ещё трое – мелкие чиновники, все остальные – крестьяне. Все они были необразованны, в происходящем мало что понимали и вполне готовы вынести ожидаемый от них вердикт. К обвинительному вердикту их подталкивал и судья Болдырев, откровенно помогавший прокурорам и в напутственных словах, обращённых к присяжным, поставивший под сомнение аргументы защиты. После такого напутствия, удалившись в совещательную комнату, присяжные, один за другим провозглашали: «Виновен!». Кроме одного. Когда до этого крестьянина дошла очередь, он обернулся к иконе и вдруг, упав на колени, закричал: «Не могу грех на душу брать! Не виновен он!».

Впечатление от этого порыва было столь сильным, что все остальные присяжные немедленно изменили первоначальное мнение и единогласно постановили: «Не виновен!».

Так малограмотный крестьянин спас Россию от позора.

А вот как комментирует этот вердикт нобелевский лауреат Солженицын:

*«А между тем поучительно сравнить с процессом Бейлиса – происходивший в то время (1913 – 1915 гг.) в Атланте, США, тоже громкий процесс над евреем Лео Франком, тоже обвинённым в убийстве малолетнего (изнасилованной девочки) при весьма недоказанных обстоятельствах. Он был приговорён к повешению, а пока шла кассационная жалоба – вооружённая толпа вырвала его из тюрьмы и сама повесила. В плане **личном** (выделено Солженицыным. – М.Д.) – сравнение в пользу царской России. Но случай с Франком имел краткие общественные последствия и не стал нарицательным».*

Обратите внимание на ту не слишком явную мысль, которая, тем не менее, угадывается между солженицынскими строчками. Мол, если бы суд и над Бейлисом «поучительно» завершился судом Линча – мы бы не возражали...

И ещё. Не знаю, какой такой «личный план» имеет в виду А.И. Знаю только, что Лео Франк, - если, конечно, он совершил то, в чём его обвиняли, - насильник и убийца. И кем бы он ни был, – евреем, русским или стопроцентным янки, – линчевателям это было безразлично. Бейлиса же (а в его лице – весь еврейский народ) обвинили в **ритуальном** убийстве. Иначе говоря, в ход пошёл кровавый навет – обвинение иудеев в том, что они используют кровь христианских детей в ритуальных целях. Хотя уже тогда было прекрасно известно (и доказано): иудаизм запрещает использовать кровь – даже животных и даже в пищу. И уж тем более – человеческую кровь...

Обо всем этом Солженицын, конечно же, знает. Как и о том, что в сегодняшней России проблема «кинородцев» кое-где тлеет, а кое-где – уже и полыхает новым пламенем бесчинств и убийств.

Знает, и тем не менее подливает в огонь своё лампадное маслице. А ведь обещал – *«посильно разглядеть для будущего взаимодоступные и добрые пути русско-еврейских отношений»*. А вылилось всё – в тенденциозность, умолчание и открытую ложь.

*****

Обойти молчанием убийство Петра Столыпина Солженицын, конечно же, не мог. Ведь убийца – еврей Богров, а премьер-министр, стало быть, – «умученный от жидов»...

Это убийство до сих пор продолжает будоражить умы. Будто бы мечтавший о «сильной России», Столыпин стал нынче для наших национал-патриотов неким символом, собранием всевозможных мифов. Правда, национал-патриоты по большей части образованием не отягощены, поэтому мифы у них – незамысловатые и где-то даже примитивные. А вот если за дело берётся маститый писатель, всё становится куда как интересней...

«Кто как, а я ощущаю тут же великанские шаги Истории, её поразительные по неожиданности результаты.»

Богров убил Столыпина, предохраняя киевских евреев от притеснений. Столыпин – и без того был бы вскоре уволен царём, но несомненно был бы снова призван в круговращательном безлудьи 1914-16, и при нём – мы не кончили бы так позорно, ни в войне, ни в революции. (Если б ещё, при нём, мы в ту войну вступили бы.)

Шаг первый: убитый Столыпин – проигранные в войне нервы, и Россия легла под сапоги большевиков.

Шаг второй: большевики, при всей их свирепости, оказались много бездарней царского правительства, через четверть века быстро отдавали немцам пол-России, в том охвате и Киев.

Шаг третий: гитлеровцы прошли в Киев и – уничтожили киевское еврейство.

Тот же Киев, и тоже сентябрь, только через 30 лет от богровского выстрела.»

Многозначительно и витиевато. Голая же схема вышеприведённого пассажа проста: после смерти Столыпина Россия оказалась втянутой в войну с немцами, которая открыла большевикам дорогу к власти; большевики, в свою очередь, спустя каких-то четверть века *«быстро отдавали»* тем же немцам пол-России вместе с Киевом; в результате немцы же и *«уничтожили киевское еврейство»*.

Вот к чему привело убийство Столыпина евреем Богровым...

Смешно.

Безусловно, подобная трактовка событий – при всей её псевдоисторичности – имеет право на существование. Ну, хотя бы в качестве доказательства того, что «есть ещё порох в пороховницах» и рука престарелого писателя по-прежнему в состоянии удерживать стило. Однако причина убийства Столыпина – вовсе не в стремлении Богрова предохранить *«киевских евреев от притеснений»*. Преследуя подобную цель, Богрову более пристало бы охранять Столыпина: одна из последних реформ, которую премьер-министр намеревался осуществить, касалась прав национальных меньшинств, в первую очередь – евреев. Другое дело, что эта реформа пришлась Николаю II не ко двору и царь её отверг, но это уже не вина Столыпина. И большевики, сумевшие выиграть войну у гитлеровской Германии, не *«оказались много бездарней царского правительства»*, проигравшего войну Германии кайзеровской.

Однако главное всё же заключается совсем в другом. Подавив улыбку, к логике нобелевского лауреата можно было бы проявить даже некоторое любопытство, если бы не одно весьма существенное обстоятельство. Дело в том, что убийца Столыпина, еврей Дмитрий Богров, будучи убеждённым анархистом, состоял при этом на службе в Охранном отделении!

Об этом обстоятельстве Солженицын не обмолвился ни единым словом! Но при том – то ли порадовался, то ли посетовал:

«И погрома не произошло нигде в России, ни единого, ни малейшего. (Хотя мы часто, густо читаем, что царская власть всегда только мечтала и искала, как устроить еврейский погром.)»

Так потому и не произошло, что Богров был ключевым звеном в осуществлении плана власти по устранению Столыпина. То, что убийца был евреем, в данном случае не имело ровно никакого значения.

Уже достаточно давно историки, исследуя архивы, получили недвусмысленные доказательства: покушение на Столыпина было организовано полицейским управлением. Собственно, об этом догадывались уже тогда, когда оно произошло (1 сентября 1911 г.). В депутатском запросе относительно убийства премьера говорилось: «Можно указать, что за последнее десятилетие мы имели целый ряд

аналогичных убийств русских сановников при содействии чинов политической охраны: убийства министра внутренних дел Плеве, уфимского губернатора Богдановича, великого князя Сергея Александровича... (Охранка) стала орудием междоусобной борьбы лиц и групп правительственных сфер между собою».

В политике Столыпин был радикалом. Это касалось не только реформ, которые премьер осуществил или намеревался осуществить. Объявив, что ему «нужна великая Россия», Пётр Аркадьевич шёл к своей цели как раз с помощью «великих потрясений». Не случайно при назначении он почти одновременно получил два портфеля: министра внутренних дел (апрель 1906 г.) и Председателя правительства (июль 1906 г.). А уже в августе на него было совершено первое покушение – террористы взорвали его дачу. 27 человек погибли, сын и дочь Столыпина получили ранения, его самого контузило. Спустя неделю он издал указ, согласно которому в России практически вводилось военное положение. В стране начали действовать военно-полевые суды, судебному процессу в них отводилось не более 48 часов. Завершался такой процесс неизменно смертным приговором, который приводился в исполнение в следующие 24 часа.

(Кстати: именно Столыпин, ещё будучи саратовским губернатором, первым подрядил казаков для подавления крестьянских волнений. С того времени казаки стали верной опорой власти и участвовали во множестве рейдов против восставших крестьян или бастующих рабочих. Не отсюда ли – ненависть и тех, и других к казачеству, обернувшаяся его геноцидом?..)

Указ о военно-полевых судах действовал 8 месяцев, в течение которых были казнены 1100 человек. Напомню: **до того**, т.е. до Столыпина, смертная казнь применялась в России в редчайших случаях.

В ноябре 1907 года на заседании Государственной Думы премьер-министр заявил: правительство будет принимать подобные меры всегда в случае любых выступлений против власти. Заявление вызвало восторженный отклик идеолога «Союза Русского народа» Пуришкевича, который призвал премьера и впредь без всякого стеснения применять к бунтовщикам «муравьевские воротники». Тогдашние думцы прекрасно поняли Пуришкевича: граф Муравьев, с чудовищной жестокостью подавивший польское восстание 1863 года, был прозван Вешателем. Об этом напомнил другой депутат, выступивший вслед за Пуришкевичем, – кадет Родичев. По его словам, виселица, которую Пуришкевич назвал «муравьевским воротником», в памяти потомков скорее всего останется «столыпинским галстуком»...

Ещё раз – из «Воспоминаний» графа Витте:

«Никто столько не казнил, и самым безобразным образом, как он, Столыпин; никто так не произволил, как он, никто не оплевал так законы, как он, никто не уничтожал так хотя видимость правосудия. Столыпинский режим уничтожил смертную казнь и обратил этот вид наказания в простое убийство, часто совсем бессмысленное, убийство по недоразумению. Начали казнить направо и налево, прямо по усмотрению администрации; смертную казнь обратили в убийство правительственными властями».

Короче говоря, Столыпина было кому и за что ненавидеть. Но к моменту последнего, **удачного** на него покушения (неудачных – не меньше десятка) Пётр Аркадьевич уже был в опале, со дня на день ждал отставки (это признаёт и Солженицын: *«Столыпин и без того был бы вскоре уволен царём»*) и политической ссылки – готовилось для него место генерал-губернатора на Кавказе. Своему радикализму он не изменил, да к тому же время от времени напоминал о себе как о «спасителе трона и отечества». Но революция довольно быстро стала забываться, и благодарность «спасителю», как это обычно бывает, сменилась неприязнью. Весьма характерно, что практически во всех кругах российского общества смерть премьера не вызвала сколько-нибудь заметного сожаления. Обсуждая её с преемником Столыпина на посту Председателя правительства, графом Коковцовым, императрица заметила: «Мне кажется, что Вы очень чтите его память и придаёте слишком много значения его деятельности и его личности. Не надо жалеть тех, кого не стало. Каждый исполняет свою роль и своё назначение, и если кого-то нет среди нас, то это потому, что он уже окончил свою роль и должен был ступешаться, так как ему нечего было больше исполнять». Муж Александры Фёдоровны, подписывая указ о назначении Коковцова, философствовал не стал, сказал с присущей ему мелочностью: «Не следуйте примеру Петра Аркадьевича, он как-то старался всё меня заслонить».

Иначе говоря, дело своё премьер сделал, но поскольку уходить, как тот мавр, не собирався, к решению «проблемы» подключилось Охранное отделение. А в качестве орудия подвернулся (или же был выбран вполне осознанно и дальновидно) еврей Богров.

Солженицын же, понятное дело, излагает собственную версию:

«(Богров) с детства видел повседневные и унижительные стороны политического неравноправия, и

был нажжён, от семьи, от своего круга, да и сам, - в ненависти к царской власти. В кругах киевского (и петербургского, где зреющий убийца тоже побывал) еврейства действовало то всерадикальное Поле, в котором молодой Богров счёл себя вправе и даже обязанным – убить Столыпина».

«Всерадикальное Поле», согласно Солженицыну, - по преимуществу еврейское. Прочие «национальные составляющие» этого «Поля» хоть и мелькают время от времени на страницах его книги, но именно с тем расчётом, чтобы подчеркнуть: главное зло радикализма – еврейство.

В очередной раз мы имеем дело со злобной и злостной пристрастностью нобелевского лауреата.

Террор в России всегда был и оставался явлением сугубо национальным – русским. К убийству Александра II – одному из первых значимых проявлений политического терроризма – евреи не имели ни малейшего отношения. Бомбу в царя бросил обрусевший поляк Гриневецкий, в его «группу поддержки» входили Желябов, Михайлов и Перовская. Все – русские. Убийцы московского генерал-губернатора, великого князя Сергея Александровича, и министра внутренних дела Плеве – эсеры Каляев и Созонов. Оба русские. Среди народовольцев, отнюдь не чуравшихся террора, евреев поначалу не было вовсе, а к моменту разгрома «Народной воли» ( ), после которого организация уже не оправилась, - единицы. Суд присяжных над русской дворянкой Верой Засулич, покушавшейся на петербургского градоначальника Трепова (1878 г.), признал её невиновной. Вердикт, при всей его правовой несообразности, был принят с ликованием российским обществом и продемонстрировал отношение к террористам и власти вовсе не евреев, но прежде всего – русских.

Среди социалистов-революционеров, для которых террор был декларируемым методом политической борьбы, евреи были уже заметны. Однако «Боевая организация» эсеров – это прежде всего знаменитые Борис Савинков, Иван Каляев, Мария Спиридонова. И опять: все – русские...

*****

Прервёмся ненадолго. Передохнём. Ведь перед нами – не менее объёмный второй том «200 лет вместе». Нам предстоит ещё одно «исследование новейшей русской истории».

...В моём представлении Клио, муза Истории, - дама весьма чопорная. Скорее всего – в круглых таких очочках, юбке до полу и с шишаком на затылке. Не какая-нибудь там Мельпомена или Терпсихора.

Ни в каких политических симпатиях или антипатиях Клио не замечена. Бесстрастная и беспристрастная дама. Всякие там коммунисты-фашисты или демократы-либералы ей безразличны.

Так что цветовая гамма, о которой я упомянул в заголовке, вовсе не свидетельствует о политических предпочтениях музы Истории. На мой взгляд, она побагровела после того, как познакомилась с 1-м томом книги Солженицына «200 лет вместе».

Клио побагровела от стыда.

Со вторым томом своего эпохального труда «200 лет вместе» Александр Исаевич не торопился. Ему-то что, ему торопиться некуда. А вот мы извелись. Нет, не насчет содержания – тут у нас особых иллюзий не было. Но может, думалось, Великий Писатель Земли Русской (ВПЗР) не всегда слушает одних только блюдолизов. Может, он иногда и к критическим замечаниям снисходит...

Дудки. Те самые, медные. Давно уже г-н Солженицын слушает и слышит только их.

Ну что ж. Ему, ВПЗРу, уже ничем, конечно, не поможешь. Но вот для нас-то еще не всё потеряно. Мы еще в состоянии отличить ложь от лжи. Ложь во спасение – от лжи злонамеренной и потому особенно отвратительной.

БЕССТЫЖИЙ КЛАССИК

- Да вы поймите, - кипятилась Варвара,

*поднося к носу камергера газетный лист. –
Вот статья. Видите? «Среди торосов и айсбергов».
- Айсберги, - говорил Митрич насмешливо. –
Это мы понять можем. Десять лет как жизни нет.
Всё Айсберги, Вайсберги, Айзенберги,
всякие там Рабиновичи...
И.Ильф, Е.Петров. «Золотой теленок»*

Экс-камергер Митрич высказал сию примечательную мысль году эдак в 1927-м. К аналогичному выводу пришел и Александр Солженицын – правда, значительно позже: на пороге XXI столетия. Собственно, его эпохальный труд следовало бы назвать, перефразировав понятливого Митрича, «200 лет как жизни нет». Это и есть главная мысль автора в его двухтомном *«исследовании новейшей русской истории»* - о двух столетиях совместной жизни русских и евреев в Государстве Российском.

Правда, в первом томе ВПЗР (Великий Писатель Земли Русской) еще пытался сохранить некоторую видимость исторического наукообразия. Это ему удалось в той мере, в какой нам, *«образованнице»*, лень было лезть в архивные первоисточники и уличать высокоуважаемого Александра Исаевича в передергивании, а то и в откровенной лжи. Кроме того, до февраля 1917 года (первый том заканчивается перед тем памятным февралем), по мнению А.И., Айсберги, Вайсберги, Айзенберги и прочие Рабиновичи хоть и пакостили России по мере сил и возможностей, но вот возможностей этих у них было не слишком много, потому как во власть они к тому времени пролезть еще не успели.

Во втором томе «исследования», начинающемся февралем 17-го, автор уже не претендует на научность своего опуса. Понятно почему: события не столь уж давние, документов и свидетельств – множество, а кое-кто даже ещё что-то помнит. Поэтому во втором томе Солженицын – публицист. Причем публицист не только скучный (по выражению Татьяны Толстой), но и лживый.

Доказать это не слишком сложно. Однако никому не хочется этим заниматься. Одних смущает титул «живого классика», которым кто-то наградил А.И. («классик» не возражал). Другим – противно.

Всё же преодолеем брезгливость, полистаем второй том солженицынской публицистики.

*****

Хорошо известно, что произошло в феврале 17-го. Коротко говоря – «царя скинули». Солженицын считает, что хотя *«Февральская революция была совершена русскими руками»*, но совершена при этом *«русским неразумием»*. Согласно «живому классик», им, русским, была несвойственна *«абсолютная непримиримость к русской исторической власти, на которую у русских достаточно повода не было, а у евреев был»*. Оказывается, русская интеллигенция усвоила *«еврейский взгляд»* на самодержавие, в результате *«непримиримость победила умеренность»*.

Умеренность?

В 1902 году Лев Толстой писал Николаю Второму:

«Самодержавие есть форма правления отжившая, могущая соответствовать требованиям народа где-нибудь в Центральной Африке, отделённой от всего мира, но не требованиям русского народа. И потому поддерживать эту форму правления можно только, как это и делается теперь, посредством всякого насилия: усиленной охраны, административных ссылок, казней, религиозных гонений, запрещения книг и газет и вообще всякого рода дурных и жестоких дел».

Может быть, Лев Николаевич усвоил *«еврейский взгляд»* на самодержавие? Впрочем, это всего лишь Толстой. Что с него взять... *«Образованщина»*.

Но вот – свидетельство черносотенца и провокатора Шульгина. Солженицын этого господина очень любит, в том числе и цитировать. Впрочем, вот этой цитаты из Шульгина мы у А.И. не найдем:

«Пулеметов – вот чего мне хотелось. Ибо я чувствовал, что только язык пулеметов доступен уличной толпе и что только он, свинец, может загнать обратно в его берлогу вырвавшегося на свободу страшного зверя. Увы – этот зверь был... его величество русский народ».

Ну, хорошо. Пусть не Толстой, и даже не Шульгин. Современный российский историк Боханов, явно симпатизирующий монархии, в книге «Распутин» пишет:

«Ненависть так быстро овладевала душами людей, что оторопь брала. Один старик в Новгородской губернии публично высказался так: «Из бывшего царя надо было кожу по одному ремню тянуть». Услыхав подобное, потрясенный Василий Розанов воскликнул: «И что ему царь сделал, этому серьезному мужичку?».

Умеренность...

В 1924 году в Берлине вышел сборник статей «Россия и евреи». Его авторы – «лица еврейской национальности», сражавшиеся против большевиков в рядах белых армий, - заслужили похвалу Солженицына. Он с удовольствием цитирует этих евреев. Ему нравятся высказывания авторов (повторенные затем легионом антисемитов) о том, что русский человек видит теперь еврея и во главе Петрограда (Зиновьев), и во главе Москвы (Каменев), и во главе Красной Армии (Троцкий). Солженицыну эти банальные «аргументы» столь приятны, что он дает сборнику следующую оценку: *«Немногие авторы – еврейские или русские – видели столь далеко вперед».*

Между тем о революции 1917 года в сборнике сказано вот что:

«Не нами вызванная, не нами и осуществленная... Погубили Россию не евреи, а правящие круги русского общества. Те русские люди, которые отрицают ответственность русского народа за события последних шести лет (сборник, напомним, вышел в 1924 году. – М.Д.), отказываются от своей собственной истории и культуры, они превращают весь русский народ из творца жизни в ее раба».

И этой цитаты мы у Солженицына не найдем. Она ему тоже не нужна. Дело в том, что у «живого классика» совсем другая задача. В бурных событиях февраля-октября 1917 года он приписывает евреям роль *«идейных вдохновителей».* Дескать, все это время страной управляло *«жесткое теневое правительство, лишившее либеральное Временное правительство всякой реальной власти».* В этом *«теновом правительстве»* доминировали *«евреи-социалисты»*, ширмой которым был *«десяток солдат, вполне показных и придурковатых».*

Что же это за *«теневое правительство»*? Явно под впечатлением знаменитого в советскую эпоху фильма «Ленин в октябре», Солженицын объясняет нам, несведущим: это был *«властный и замкнутый Исполнительный Комитет Петроградского Совета, затем, после июля, и перенявший от него всероссийское значение Центральный Исполнительный Комитет (ЦИК), - и вот они-то и были подлинными направители России».*

Так ли? Истинный русский патриот, доказавший это всей своей жизнью, генерал Деникин в книге «Очерки русской смуты» писал, не пытаясь свалить ответственность за трагические события 17-го года на инородцев:

«Совет (позднее и Всероссийский Центральный Комитет) не мог и не хотел оказывать в полной мере хотя бы сдерживающего влияния на народную стихию, вырвавшуюся из оков, мятущуюся и бушующую. Всё значение, влияние и авторитет Совета находились в строгой зависимости от степени потворствования инстинктам народным масс. И сколько-нибудь твердое и решительное противодействие их давлению грозило смести бытие Совета».

Стыдно напоминать «великому историку» азбучные истины. О том, что после Февральской революции в России установилось двоевластие. Что Временное правительство играло ключевую роль в управлении страной, а с июля, когда Керенский сменил князя Львова на посту Председателя, оно стало единовластным. Советы – вторая власть! – превратились в «фиговый листок контрреволюции», стали «бессильны и беспомощны» (выражения весьма компетентного участника тех событий, г-на Ульянова-Ленина). Конечно же, Александр Исаевич – человек тоже осведомленный. Он прекрасно знает, что весной 1917 года Петросовет возглавлял Чхеидзе (грузин) а его заместителями были Скобелев и всё тот же Керенский (оба русские). А наиболее влиятельным членом Петросовета был Суханов (чистокровный русский, записанный в еврей солженицынской пристрастностью). Позже Чхеидзе возглавил и ВЦИК, в котором летом-осенью 17-го евреи составляли 22%. Почти все они были меньшевиками и эсерами, поддерживали Временное правительство, а к большевикам относились отнюдь не благостно. В общем же – среди трехсот главных актеров политического театра России 1917 года было 43 еврея, причем более половины их (27 человек) большевиков, мягко говоря, недолюбливали, а Октябрьскую революцию не приняли вовсе.

Всё это, повторяю, Солженицыну известно. Но – не нужно, потому что противоречит его задаче. От чего эта задача становится совсем уж подлой.

Правда, нехотя и сквозь зубы А.И. признаёт: *«Дело тут не в национальном происхождении Суханова и других – а именно в безнациональном, в антирусском и антиконсервативном их настроении».* Даже *«либеральное Временное правительство – при вполне русском составе его»* не имело, по мнению Солженицына, *«русского мирочувствия. Никогда ни одной русской национальной ноты не прозвучало у русского министра и историка Миллюкова. Но – и «главную фигуру революции», Керенского, в национальном духе тоже не уличишь. Зато – постоянная настороженная ощущенность против всяких вообще консервативных кругов, и тем более русских национальных».*

Миллюков, сторонник конституционной монархии и лидер партии кадетов, в марте 17-го буквально

умолял великого князя Михаила, брата Николая II, принять корону. Уж если от него не прозвучало *«ни одной русской национальной ноты»*, то все прочие, ясное дело, - враги России, *«пена интернациональная»*. Единственный человек той поры, заслуживший одобрительные слова Солженицына, - *«солдат-генерал Корнилов»*. Тот самый, что в августе 17-го намеревался установить в России военную диктатуру.

А мы-то на протяжении многих лет полагали «живого классика» борцом с тоталитарной властью. Ошибались.

Любопытная деталь. Главное, за что достается от Солженицына Временному правительству, - за *«потерю чувства национального самосохранения»*. По мнению А.И., потеря сия заключалась в стремлении Временного правительства *«к военной победе во что бы то ни стало! к верности союзникам!»* (после Февральской революции Россия в союзе с Англией и Францией продолжала войну против Германии. - М.Д.). Тут, считает А.И., имел место гибельный *«перекосяк»*: *«О последствиях дальнейшей войны для России – и заботы нет»*.

Очень хочется согласиться с Солженицыным. Действительно: Временное правительство не смогло вывести Россию из войны. Это в конечном итоге его и погубило. Но кто же тогда носитель *«национального духа»*? Кто же предлагал спасительное для России решение? В русской политической элите 1917 года был лишь один человек, заявлявший: *«Немедленно вывести Россию из войны во что бы то ни стало!»* И лишь одна партия, призывавшая к тому же. Это были Ленин и большевики.

Уж не большевик ли г-н Солженицын?

*****

Как-то Александр Исаевич назвал Октябрьскую революцию *«ленинско-еврейской»*. В книге он себе таких вольностей не позволяет. Напротив, декларирует: *«Этой книгой я хочу протянуть рукопожатие взаимопонимания – на всё наше будущее»*.

«Протянуть рукопожатие» - это еще полбеды. Гораздо хуже, что в протянутой Солженицыным руке временами отчетливо видна дубина, а временами – топор.

Об установившемся в 1917 году режиме он пишет:

«Нет, власть тогда была – не еврейская, нет. Власть была интернациональная. По составу изрядно и русская. Но при всей пестроте своего состава – она действовала соединённо, отчётливо антирусски (здесь и далее выделено Солженицыным. - М.Д.), на разрушение русского государства и русской традиции». Евреев же – всех, всю нацию – А.И. обвиняет в том, что они *«не помешали в несколько месяцев выйти вперед именно евреям-большевикам, а те с жестоким избытком использовали привалившую власть»*.

«Помешать» - это как? Запереть в гетто?

«Евреи», - продолжает ВПЗР, - приняли *«непомерное участие»* в создании *«государства – не только нечувствительного к русскому народу, не только неслиянного с русской историей, но и несущего все крайности террора своему населению»*.

Таким образом, обвинения предъявлены – всё те же, невежественные и черносотенные. И хотя высказаны они не в охотнорядских выражениях, а в псевдолитературных, менее подлыми от этого не становятся. Солженицын лжет, причем сознательно, справедливо надеясь на нашу необразованность.

Попробуем разобраться.

Была ли советская власть *«неслиянной с русской историей»*? Действительно ли она означала *«разрушение русского государства и русской традиции»*?

Замечательный русский философ, свидетель и участник революционных событий, непримиримый противник большевиков, высланный ими из России на знаменитом «философском пароходе», Николай Бердяев писал («Истоки и смысл русского коммунизма»):

«Большевизм оказался наименее утопическим и наиболее реалистическим, наиболее соответствующим всей ситуации, как она сложилась в России в 1917 году, и наиболее верным некоторым исконным русским традициям, и русским исканиям универсальной социальной правды, понятой максималистически, и русским методам управления и властвования насилием». Ленин, по словам Бердяева, *«соединил в себе две традиции – традицию русской революционной интеллигенции в её наиболее максималистических тенденциях и традицию русской исторической власти в её наиболее в её наиболее деспотических проявлениях»*. Большевики *«создали полицейское государство, по способам управления очень похожее на старое русское государство. Марксизм-ленинизм впитал в себя все необходимые элементы народнического социализма, но отбросил его большую человечность, его моральную щепетильность как помеху для завоевания власти. Он оказался ближе к морали старой*

деспотической власти».

Так что же – «неслиянно»? Может быть, Солженицын считает себя философом и историком, куда более значительным и осведомленным, нежели Бердяев? Наверняка именно так ВПЗР и считает. Вероятно, именно поэтому в эпохальном труде А.И. мы не найдем даже упоминания об этой знаменитой книге Бердяева.

Что ж – что правда, то правда: власть большевиков стала трагедией для России. В очередной раз народ был обманут в своих надеждах на социальную справедливость, а страна оказалась под властью советской бюрократии (как заметил Бердяев, «более сильной, чем бюрократия царская») и нового деспотизма, куда свирепее прежнего. Но всё это, к сожалению, вполне соответствовало «исконным русским традициям».

Далее. Согласно Солженицыну, власть большевиков была «по составу изрядно и русской», но вот участие в ней евреев – «непомерное». «Изрядно» - это сколько? И что считать «непомерным»?

Непомерным количеством «неарийских» фамилий А.И. создает у читателя впечатление, будто вся российская власть, начиная с 1917 года, была еврейской. Достоверных сведений на сей счет Солженицын не приводит. Это у него вообще такая «творческая манера». Вот, к примеру, Совнарком: до конца 20-х годов его роль в политической жизни страны была исключительно важной. А с 1929 года важнейшие решения принимались уже партийным руководством.

Так кто же в действительности руководил страной?

При Ленине среди 15 членов Совнаркома – один еврей (Троцкий) и один грузин (Сталин). Все остальные были русскими. После смерти Ленина председателем Совнаркома стал Алексей Иванович Рыков. У Солженицына он упомянут мельком («этнический русский» деятель партийной оппозиции Сталину), но о том, что Рыков в течение 6 лет возглавлял правительство России, - ни слова. Из 8 заместителей Рыкова – один еврей (Каменев), один латыш, один украинец, двое грузин и трое русских. С 1923 по 1930 год наркомками были 23 человека: пятеро евреев (среди них – те же Троцкий и Каменев), один молдаванин (Фрунзе), один поляк (Дзержинский), один латыш (Рудзутак), один армянин (Микоян), двое грузин (Сталин и Орджоникидзе); остальные 12 (более половины, не считая Рыкова) – русские.

Все вместе, согласно Солженицыну, - «пена интернациональная».

С 1930 по 1941 год председателем Совнаркома был Вячеслав Молотов – ясное дело, «этнический русский». Солженицын упоминает его более 10 раз, но ни разу – ни слова о том, что он был главой правительства. Кстати, ни слова не говорит А.И. и о том, что именно Молотов вместе со Сталиным несет основной груз ответственности за организацию массовых репрессий.

В Политбюро ЦК ВКП(б) в 20-е годы евреев было трое: Троцкий, Зиновьев и Каменев. Между собой они, мягко говоря, не ладили, да и евреи они – только по происхождению. А с 1927 года «лиц еврейской национальности» в правящих партийных кругах практически не осталось. После XV съезда ВКП(б) (декабрь 1927 г.) пленум ЦК утвердил список руководства партии. Поскольку Солженицын эти сведения тщательно замалчивает, привожу этот список полностью.

Члены Политбюро: Бухарин, Ворошилов, Калинин, Куйбышев, Молотов, Рыков, Рудзутак, Сталин, Томский – семеро русских, один грузин, один латыш.

Кандидаты в члены Политбюро: Андреев, Каганович, Киров, Косиор, Микоян, Петровский, Угланов, Чубарь – шестеро славян (русских или украинцев), один армянин, один еврей.

Именно они – члены и кандидаты в члены Политбюро ЦК – принимали решения о ликвидации НЭПа, о коллективизации, начале массовых репрессий. Некоторые – Бухарин, Рыков, Угланов, Томский – пытались противиться «генеральной линии» и были уничтожены.

Впоследствии состав Политбюро в национальном отношении практически не менялся. К примеру, в 1939 году, после ХУШ съезда ВКП(б), из 9 членов Политбюро шестеро были русскими (Андреев, Ворошилов, Жданов, Калинин, Молотов, Хрущев), один грузин (Сталин), один армянин (Микоян) и один еврей (Каганович).

Солженицын неспроста избегает этих подробностей. Дело в том, что высшая власть страны по своему национальному составу была не «изрядно русской», а подавляюще русской. Еврейского участия в ней с 1927 года практически не было. Один лишь Каганович – твердолобый сталинский сатрап – оставался членом Политбюро до 1957 года.

Но и в первое десятилетие советской власти всё было не совсем так, как это описывает Солженицын. Или даже совсем не так. Уже тогда членство в партии было основой для номенклатурной карьеры. Однако в 1922 году евреи составляли 5,2% членов ВКП(б), а русские – 72%. Приведя эти данные, А.И. спешит добавить: дескать, «наверху», удельный вес евреев «был значительно выше». Действительно, в

20-х и первой половине 30-х годов еврей-большевики входили в руководство и партийных, и хозяйственных органов власти. Но так ли уж *«выше»*? Всё это время советская власть держалась на «старой партийной гвардии» (выражение Ленина). В нее входили те члены партии, которые вступили в нее до октября 17-го года. Ленин называл эту «гвардию» «тончайшим слоем», который обладал в партии и в стране «громким, безраздельным авторитетом». Именно из этого слоя и рекрутировалось начальство всех рангов и уровней.

В 1922 году «гвардейцев» было 44148 человек. Подавляющее большинство из них – русские (65%). Евреев же – 3146 (7,1%). (Д.А.Чугаев, «Коммунистическая партия – организатор СССР»)

Эти сведения у Солженицына отсутствуют: они развенчивают миф о «еврейском засилье». А на этом мифе, как на краеугольном камне, держится «историческое исследование» «живого классика».

*****

«Население России – в целом – сочло новый террор «еврейским террором», - пишет Солженицын.

Антисемиты всегда говорят от имени «населения». «Живой классик» - не исключение. Он сладострастно называет фамилии евреев, служивших в органах ВЧК-ОГПУ, в юдофобском запале причисляя к ним и неевреев (современный историк Геннадий Костырченко заметил, что это – «от недостаточного знания фактов»).

При этом, следуя своей обычной манере, Солженицын упрямо обходит вопрос: сколько же евреев насчитывалось в руководстве и прочих структурах органов госбезопасности? Более того – используя в своих неблагоприятных целях современные исторические исследования, ВПЗР не гнушается откровенными подтасовками и явным искажением смысла научных публикаций. К примеру, он ссылается на известную работу Льва Кричевского «Евреи в аппарате ВЧК-ОГПУ в 20-е годы». *«В 1918 году, - цитирует Кричевского Солженицын, - в эпоху красного террора национальные меньшинства составляли около 50% центрального аппарата ВЧК».*

Обратите внимание на совершенно точную и корректную формулировку Кричевского – «национальные меньшинства». Далее «живой классик» добавляет уже от себя: *«На фоне множества латышей и изрядного числа поляков весьма заметны и евреи».*

Так сколько же их было? Оказывается, евреи составляли 3,7% от общего числа сотрудников аппарата ВЧК. А среди «ответственных и активных сотрудников» этого ведомства евреев было – 8,6%.

Эти цифры – у Кричевского. У Солженицына они отсутствуют.

Зато он с особенным удовольствием пишет о том, что *«из 12 следователей отдела по борьбе с контрреволюцией – наиболее важного в структуре ВЧК»* евреев была – половина. Кричевский объясняет сей «перекос» вполне логично: эти шестеро были людьми «с более высоким образовательным цензом», потому-то их и поставили на эту работу. Подобного объяснения у Солженицына нет, оно ему не нужно.

По сведениям того же Кричевского, в сентябре 1918 года следователями в ВЧК работали 42 человека. Из них: латышей – 14, русских – 13, евреев – 8, поляков – 7. Но и этих цифр мы у Солженицына не найдем. Он вообще избегает сводных данных, потому что они вдребезги разбивают его концепцию о «засилье евреев», и прежде всего – в ЧК.

«Почему вообще у народа – отложилось впечатление, - задаёт А.И. явно риторический (для него) вопрос, - что чекисты и евреи – едва ли не одно и то же? И кто повинен в таком впечатлении? Многие. Но никак не в последнюю очередь сами же чекисты, кто ревностной службой в верхушке ЧК послужил такому отождествлению».

«Историк» Солженицын явно не в ладах с историей. Причём – с новейшей, изобилующей множеством документов. Что ж, напомним.

Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем была создана по инициативе Ленина в декабре 1917 года. Её возглавил польский дворянин Феликс Дзержинский. Его помощники: И. Ксенофонтов (в 1919-1921 гг. – заместитель Дзержинского), Д. Евсеев и Н. Жиделев – все русские; Я. Петерс (заместитель Дзержинского в 1918 г.) и М. Лацис – латыши; В. Аванесов – армянин; В. Менжинский (первый заместитель Дзержинского, после его смерти, в 1926 г., возглавивший ВЧК) – поляк; Генрих Ягода (второй заместитель) – единственный еврей во всей этой компании.

Но и они не были *«подлинными руководителями России»*. Кто же тогда?

Владимир Ленин: **«Расстреливать заговорщиков и колеблющихся, никого не спрашивая и не допуская идиотской волокиты. Провести беспощадный массовый террор против кулаков, попов и белогвардейцев; сомнительных запереть в концентрационный лагерь вне города».**

Николай Бухарин: **«Пролетарское принуждение во всех своих формах, начиная от расстрелов,**

является методом выработки коммунистического человека из человеческого материала капиталистической эпохи».

И уже вслед вождям один из чекистских главарей М. Лацис наставлял своих подчинённых: **«Не ищите на следствии материала или доказательств того, что обвиняемый действовал делом или словом против советской власти. Первый вопрос, который вы должны ему предложить, какого он происхождения, воспитания, образования или профессии. Эти вопросы и должны определить судьбу обвиняемого».**

Но, быть может, те самые подчинённые (они же – исполнители) и были в большинстве своём той самой национальностью, которая так занимает нобелевского лауреата? Что ж, посмотрим. Откроем книгу знаменитого историка Сергея Мельгунова «Красный террор», изданную в 1923 году. Солженицын, конечно же, цитирует её, но лишь для демонстрации зверств большевиков и ЧК. Но как только речь у Мельгунова заходит о национальности тех, кто эти зверства вершил, - а ведь именно это интересует «живого классика» более всего, - А.И. умолкает, довольствуясь неопределённым *«весьма заметны и евреи»*. Мельгунов, между тем, пишет:

«Только в родной В.Ч.К. непосредственных служащих в 1919 г. Было более 2000, из них три четверти латышей. Латыши вообще занимают особое положение в учреждениях Ч.К. Они служат здесь целыми семьями и являются самыми верными адептами «коммунистического строя». Это своего рода «чужеземная опричнина» - в Москве Ч.К. называют «вотчиной латышей». Бюллетень левых с.-р. Так характеризует эту тягу в Ч.К. со стороны латышских элементов: «Москву из Латвии в В.Ч.К. едут, как в Америку, на разживу». Латыши и латышки, зачастую не владея русским языком, ведут иногда допросы, производят обыски, пишут протоколы и т.д. Рассказывают «забавные» истории, но далеко не забавные для тех, кто является объектом их».

О жертвах чекистов, точнее – о национальности жертв, А.И. пишет обстоятельно и эмоционально. Например, вот так:

*«Встречались с ними на допросах, в подвалах и на расстрелах – сотни и тысячи невинных людей. Это о палачах Революции. А что жертвы? Во множестве расстреливаемые и топимые целыми баржами, заложники и пленные: офицеры – были русские, дворяне – большей частью русские, священники – русские, земцы – русские, и пойманные в лесах крестьяне, не идущие в Красную армию, - русские. И та высокодуховная анти-антисемитская русская интеллигенция – теперь и она нашла свои подвалы и смертную судьбу. И если бы можно было сейчас восстановить, начиная с сентября 1918-го, именные списки расстрелянных и утопленных в первые годы советской власти и свести их в статистические таблицы – мы были бы поражены, насколько в этих таблицах Революция не проявила бы своего интернационального характера – но антиславянский. Вот это-то и вдавilo жестокую печать в лик Революции – в то, что больше всего и определяет революцию: **кого она уничтожала».***

Запал, повторю, эмоциональный, но пропадает втуне. Прежде всего: Революция уничтожала всех, без разбора, не спрашивая о национальности. Но в первую очередь – действительно русских. А какая национальность могла быть главной жертвой Революции в стране, где подавляющее большинство населения – русские? В том же можно было бы обвинить и Великую Французскую революцию, поскольку её жертвами были прежде всего французы...

Ну, хорошо: кем были жертвы, мы теперь знаем, - благодаря Солженицыну. А кто же палачи?

«Вообще, во всю революцию, на все события постоянно бросал ответ и национальный вопрос. Так и всеучастия – соучастия, от убийства Столыпина, разумеется, затрагивали русские чувства. Но вот убийство царского брата в. кн. Михаила Александровича, - кто убийцы? – Андрей Марков, Гавриил Мясников, Николай Кужгов, Иван Колпацников – вероятно, все русские».

Обратите внимание, как тонко и вроде бы ненавязчиво. А поскольку Столыпина убил еврей Богров, то великого князя – *«вероятно, русские»*. В том смысле, что не исключено: могли и псевдонимами прикрыться...

Нет, Александр Исаевич, все четверо – стопроцентно русские. А был ещё и пятый. Может быть, впрочем, не русский, а украинец по фамилии Иванченко – начальник милиции посёлка Мотовилиха, что неподалёку от Перми. В ночь на 13 июня 1918 года в лесу около этого посёлка и был расстрелян великий князь Михаил вместе со своим секретарём Брайаном Джонсоном. А был ещё и шестой участник, подписавший приказ об этой «внесудебной расправе»: председатель ГубЧК П. Малков. Абсолютно русский.

Закинув столь хорошо заглаживаемый крючок, Солженицын, тем не менее, на нём остановился, об убийстве других Романовых писать не стал (кроме, конечно, царской семьи; но об этом – ниже). А оно

продолжалось. В городе Алапаевске, что близ Екатеринбурга, находились под арестом великий князь Сергей Михайлович, сестра царицы Элла, сыновья великого князя Константина – Иоанн, Игорь и Константин, а также молодой князь Палей. Месяц спустя после убийства великого князя Михаила, 18 июля, их вывезли на окраину Алапаевска к заброшенной шахте и стали избивать прикладами, в том числе и престарелую княгиню Князь Сергей попытался за неё вступить, но был немедленно застрелен. Мёртвого князя вместе со всеми остальными – ещё живыми! – сбросили в шахту и забросали гранатами.

Почему же нобелевский лауреат ни словом не обмолвился об этом чудовищном злодеянии? Да потому что среди красноармейцев, сбросивших в шахту и забросавших гранатами ещё одних Романовых, евреев не было. Все убийцы – русские.

Чего никак нельзя сказать об убийцах царской семьи. И уж тут А.И. развернулся. Хорошо хоть – обошёлся без версии о «ритуальном убийстве». Или о том, что заспиртованную в стеклянном сосуде голову Николая II Ленин хранил в своём рабочем кабинете в Кремле. И будто бы время от времени вождь мирового пролетариата доставал этот сосуд – не то из шкафа, не то из сейфа – и любовался...

Но и без того «генеральная линия» Солженицына изменений не претерпела:

«Из такого повсеместного присутствия евреев в большевиках в те страшные дни и месяцы – не могли не вытекать и самые жестокие последствия. Не минуло это и убийство царской семьи, которое теперь у всех на виду, на языке, - и где участие евреев русские уже и преувеличивают с самоуничтожительным злорадством. А это и всегда так: динамичные из евреев (а таких много) не могли не оказываться на главных направлениях действия и нередко на ведущих местах. Так и в убийстве царской семьи – при составе охраны (и убийц) из латышей, русских и мадьяр, две из роковых ролей сыграли Шая – Филипп Голощёкин и Яков Юровский (крещённый)».

Но если «участие евреев русские уже и преувеличивают», - кому как не нобелевскому лауреату авторитетно обнародовать истину? Но нет, не дождёмся. А ведь всего-то, что нужно было, - перечислить участников расстрела и его организаторов. Без намёков и эмоций, просто – перечислить. Тем более, что сведения эти вполне доступные. Солженицын, по вполне понятным причинам, приводить их не стал. Сделаем это за него.

Царскую семью (двух мужчин, больного подростка и восьмерых женщин) расстреливали, а потом добивали штыками 12 человек. Фамилии шестерых из них мы, по-видимому, не узнаем уже никогда. Эти шестеро и тогда, в 1918-м, никого не интересовали. Достоверно известно лишь, что это были латышские стрелки.

Любопытная деталь. Поначалу расстрельщиков-латышей было восемь. Однако двое, - узнав, что среди будущих жертв есть женщины, - от соучастия в убийстве отказались. Фамилии этих двоих как раз хорошо бы знать. Увы...

Зато остальные шестеро хорошо известны.

Яков Юровский. Еврей. Член ВКП(б) с 1905 года, профессиональный революционер. Комендант Ипатьевского дома, где содержалась царская семья. После расстрела он собрал драгоценности Романовых (те хранили их «на чёрный день»), отвёз в Москву и сдал коменданту Кремля Малькову. В 1921-м, имея репутацию безукоризненно честного человека, Юровский получил назначение в Гохран и смог пресечь процветавшее там воровство.

Григорий Никулин. Русский. Самый молодой член расстрельной команды. Образование – 2 класса, каменщик. В 1918-м поступил в Уральскую ЧК, где обратил на себя внимание Юровского. Комендант Ипатьевского дома сделал Никулина своим заместителем.

Алексей Кабанов. Русский. В Ипатьевском доме командовал пулемётным взводом. Бывший лейб-гвардеец. Николай II, у которого была прекрасная память, однажды спросил Кабанова: «Вы служили в моём конном полку?». Кабанов ответил: «Так точно, Ваше императорское величество».

Павел Медведев. Русский. Начальник охраны Ипатьевского дома. Медведев – псевдоним, настоящая его фамилия Кудрин. Бывший матрос, профессиональный революционер и политкаторжанин. Член коллегии Уральской ЧК.

Павел Ермаков. Русский. Прозвище – «маузер». Его сослуживцы вспоминали, что Ермаков «отличался особой свирепостью, у него зудели руки: убить». После расстрела «Ермаков взял у меня винтовку со штыком и доколот всех, кто оказался живым» (из показаний охранника Стрекотина следователю Н.Соколову).

Иван (?) Стрекотин. Русский. В расстреле непосредственного участия не принимал, в качестве охранника спокойно наблюдал за происходящим.

Вот она, эта великолепная шестёрка. Но это – не все. Были ещё 25 человек, дружинники Верх-

Исетского завода Екатеринбурга. Им обещали – в качестве «платы» за участие в экзекуции – перед расстрелом предоставить возможность «позабавиться» с царскими дочерьми. Однако дружинники где-то замешкались и опоздали: когда они подошли к Ипатьевскому дому, всё уже было кончено. Они долго возмущались тем, что их не подождали и «развлечения» не получилось, но, тем не менее, охотно согласились помочь с вывозом и уничтожением трупов.

Все 25 дружинников – все до единого – были русскими.

Помимо 12 расстрельщиков и 25 дружинников был ещё и некий коллективный орган, который непосредственного участия в экзекуции не принимал. Однако именно он, этот орган, получив директивную телеграмму от Ленина (кстати, до сих пор не найденную), разработал «операцию» и отдал соответствующее распоряжение: Президиум Уральского областного совета. Его членами были пятеро. Вот они (по алфавиту).

А. Белобородов. Русский. Председатель Уралсовета. Сын рабочего. Окончил курс начального училища.

И. Голощёкин («товарищ Филипп»). Еврей. Комиссар юстиции, военный комиссар. Родился в многодетной семье, окончил гимназию в Витебске и стоматологическую школу в Минске.

Б. Дидковский. Русский. Заместитель председателя Уралсовета. Сын офицера, окончил Киевский кадетский корпус, учился в Петербургском электротехническом институте.

Г. Сафаров. Сын видного чиновника-армянина и русской. Учился в Петроградском технологическом институте и Парижском электротехническом институте. Свободно говорил по-немецки и по-французски.

Н. Толмачёв. Русский. Сын учительницы гимназии, окончил Петербургский политехнический институт.

Похоже, теперь мы знаем, кто расстреливал царскую семью. Однако «живой классик» припас для любознательного читателя ещё один «аргумент». Мол, именно евреи превратили одну шестую часть суши в зону Архипелага ГУЛАГ. Дескать, именно они распоряжались лагерями, занимали высшие должности в НКВД, и вот от них-то, понятное дело, - всё зло...

Собственно, эту мысль Солженицын высказал ещё в «Архипелаге». Но – осторожно и даже как бы завуалировано: иначе не видать бы ему Нобелевской премии. Но теперь можно не осторожничать. И «живой классик» сладострастно перечисляет:

«Всемирно известный БелБалтлаг вобрал в себя в 1931 – 1932 годах сотни тысяч русских, украинских и среднеазиатских мужиков. Раскрыв августовскую газету 1933 года, посвящённую окончанию канала, читаем список награждённых. Ордена пониже получают там и бетонщики, арматуричики, но высший орден, орден Ленина, - только восемь человек, ещё с большими фотографиями каждого, и дан он лишь двум собственно инженерам, но зато – всему высшему руководству канала (по сталинскому пониманию личности). И кто же там во главе?».

И кто же? Внимание, читатель:

«Генрих Ягода, нарком НКВД. Матвей Берман, начальник ГУЛАГа. Семён Фурин, начальник БелБалтлага, Лазарь Коган, начальник строительства. Яков Рапопорт, заместитель начальника строительства. Нафталий Френкель, начальник работ Беломорстроя (и злой дух всего Архипелага)».

Именно этот явный акцент «исторических изысканий» Солженицына имел в виду Владимир Войнович: «После Освенцима и Трелинки, после дела врачей-убийц и травли «безродных космополитов» для большого русского писателя, знающего, где он живёт и с кем имеет дело, приводить такой список без всяких комментариев, не странно ли? Если не понимает, что пишет, значит, не очень умён, а если понимает, значит, другое...».

Другое.

Между тем, комментарий, о котором упомянул Войнович, незамысловат. Архипелаг ведь не ограничивался одним БелБалтлагом. Руководство прочих лагерей – оно тоже состояло из евреев? Солженицын пытается убедить нас в том, что так оно и было. Во всяком случае, начальника Норильсклага Авраамия Павловича Завенягина А.И. уверенно называет Абрамом, прозрачно намекая на его «пятый пункт». Между тем, Завенягин был – чистокровный русский. Позаимствованное из Ветхого Завета имя – всего лишь дань традиции: особенно много таких имён было у староверов. В конце концов, отца Солженицына тоже звали по-ветхозаветному – Исаакий, хотя евреем он, понятное дело, не был. Это уже потом, поспешая к заветной нобелевской вершине, А.И. сменил отчество на Исаевич. И хотя Исайя – тоже еврейское имя, оно, вероятно, звучало как-то более патриотически, чем Исаакович.

Так вот. Командуя строительством Норильского горно-обогатительного комбината с 1938 по 1941 г., русский Завенягин сумел положить «русских, украинских и среднеазиатских мужиков» как минимум на

порядок больше, чем их полегло на Беломорско-Балтийском канале. Вероятно, именно за это Авраамий Павлович пошёл в гору и в 1941-м стал заместителем Берии. С 1950-го он получил должность министра среднего машиностроения и одновременно – заместителя председателя Совмина СССР. На строительстве ядерных объектов, которым руководил дважды Герой Социалистического труда Завенягин, эски погибли тысячами.

Помимо Завенягина, были и другие. Истинные арийцы.

Но кем бы ни были эти люди по национальности, все они – прожжённые циники и фанатичные большевики – всего лишь исполнители. Архипелаг ГУЛАГ создавался по воле трёх высших органов власти тогдашней России: ЦК ВКП(б), Совнаркома и ВЦИКа. Первым руководил Сталин (не совсем русский, но уж совсем не еврей), вторым – Рыков (русский), третьим – Калинин (русский). Правда, к середине 30-х годов некоторый переизбыток «лиц еврейской национальности» наблюдался в центральном аппарате НКВД. Наркомом внутренних дел был тогда Генрих Ягода – тоже из этих самых «лиц». В его ближайшем окружении (по состоянию на 1.10.1936 г.) работали 43 еврея – 39% руководящих кадров – и 33 русских – 30%. Эти отнюдь не секретные данные приведены в справочнике «Кто руководил НКВД в 1934-1936 гг.», они доступны любому желающему.

Вот тут бы «живому классику» и разгуляться. Ну как же – явный ведь «перекус»!.. Ан нет: молчит А.И. Почему? Всё просто. В конце 1936 года Ягodu на посту наркома внутренних дел сменил Николай Иванович Ежов. А в 37-м начался «большой террор». За два следующих года число расстрелянных более чем в семь раз превысило число убитых за все остальные 22 года сталинизма. При этом, с приходом Ежова, число евреев среди руководящих работников НКВД сократилось с 43 до 6. Доля же русских в руководстве наркомата, напротив, резко увеличилась с 33 до 102 человек (67%). Потому-то и не с руки Солженищину писать об этом. Ибо тогда придется сделать очевидный вывод: «большой террор» осуществили отнюдь не евреи...

*****

Я уже писал, что в первом томе «200 лет вместе» обнаружилось любопытное высказывание автора:

«Системы капиталистическая в экономике, в торговле и демократическая в политическом устройстве – по большей части детище евреев, и они же для расцвета еврейской жизни наиболее благоприятны».

То есть вообще-то ничего особенного в этой фразе г-на Солженищина не содержится. Заурядная антисемитская банальность. Но вот что забавно: очень уж она напоминает высказывание другого г-на, и тоже – весьма известного:

«Экономическая система наших дней – это творение евреев. Она находится под их исключительным контролем. Конечной целью евреев на этой стадии развития является победа демократии». Адольф Гитлер, «Моя борьба».

Нет, не плагиат. Во всяком случае, не явный: дословного совпадения не наблюдается. А вот по сути – очень даже похоже. Прямо-таки один к одному.

Может быть, случайность? Чего не скажешь в юдофобском запале. А потом, глядишь, одумается...

Г-н Солженищин, «200 лет вместе», том второй:

«Стратегически задуманный Лениным удар по русскому народу как главному препятствию для победы коммунизма – успешно осуществлялся и после него. В те годы - Коммунизм (так у автора: с большой буквы. – М.Д.) всей своей тяжестью мозжил русский народ. Коллективизация, больше всех других коммунистических действий, явно отвергает всякие теории о «национальной», якобы «русской», диктатуре Сталина. О содействии же в коллективизации правящих коммунистов-евреев – стоит помнить, что оно было усердно и талантливо. 15 миллионов крестьян разорены, согнаны, как скот, с их дворов и сосланы на уничтожение в тайгу и в тундру».

Теперь сравним:

«Марксизм стремится к тому, чтобы отдать всю власть в руки евреев. Самым страшным примером в этом отношении является Россия, где евреи в своей фанатической дикости погубили 30 миллионов человек, безжалостно перерезав одних и подвергнув бесчеловечным мукам голода других, и всё это только для того, чтобы обеспечить диктатуру над великим народом». Адольф Гитлер, «Моя борьба».

А второй-то автор поталантливее будет. Короче излагает. Да и понятнее.

Что же касается цифр, то фюрер об их правдоподобии никогда не заботился, полагая, что чем

чудовищнее ложь, тем быстрее в нее поверят. Однако «классику» надо бы поаккуратнее. «Всего оказались выселенными почти три с половиной миллиона крестьян» («История России, XX век»). Откуда взялись «15 миллионов»? Да оттуда же, откуда у Гитлера – 30. Что же касается «*правлящих коммунистов-евреев*», то из 10 членов Политбюро, несущего ответственность за коллективизацию, еврей тогда был один – Каганович...

Должен отметить, что «историк» Солженицын склонен к экстравагантности не только в цифрах. Дорогого стоит его «историческое открытие»: «*Троцкий явился единовластным руководительным гением Октябрьского переворота. Трусливо скрывшийся Ленин ни в чем существенном в переворот не вложил*». После такой «сенсации» уже не удивляешься тому, что Брестский мир у Солженицына подписывает еврей Иоффе, Чичерина ВПЗР не упоминает вовсе. Или вот, например:

«9 февраля (1953 г. – М.Д.) в советском посольстве в Тель-Авиве взорвалась бомба. 11 февраля СССР разорвал дипломатические отношения с Израилем. Конфликт вокруг «дела врачей» от того становился еще острее. Взрыв мирового гнева совпал с быстрым действием внутренних сил, которые, может быть, и покончили со Сталиным.

После публичного коммюнике о «деле врачей» - Сталин прожил всего 51 день. Освобождение из-под стражи и бессудное оправдание врачей были восприняты старшим поколением советских евреев как повторение пуримского чуда: Сталин сгинул именно в день Пурим, когда Эсфирь спасла евреев Персии от Амана».

Все-таки просветил нас «образованцев», Александр Исаевич. Теперь нам ясно, какие такие «*внутренние силы покончили со Сталиным*».

Между прочим, давно известно и подтверждено независимыми экспертами: Сталин умер от кровоизлияния в мозг. По Солженицыну, однако, «*вождя народов*» сгубили жи... – то есть, извините, евреи. И приурочили это дело к своему празднику Пурим.

Смелая гипотеза. Фюрер позавидовал бы.

*****

Тема Великой Отечественной войны – единственная во втором томе солженицынского творения, на которую откликнулись журналисты. Насчет всего прочего – оробели. А вот тут – не выдержали. Понять их можно: большего бесстыдства до сих пор читать не приходилось.

Не так давно всплыла старая работа Солженицына «*Евреи в СССР и в будущей России*». А.И. написал ее в 1968 году, но публиковать не стал. Иначе – не видать бы ему Нобелевской премии. Он и сегодня открещивается от этой работы, но слов из песни не выкинешь. А в песне этой есть, к примеру, такие слова:

«Я видел евреев на фронте. Знал среди них бесстрашных. Не хоронил не одного».

Очень похоже на иронические строки (хотя у Солженицына – ни малейшей иронии) Бориса Слуцкого:

«Пуля меня миновала,
Чтоб говорилось не лживо:
- Евреев не убивало!
Все воротились живы!»

Слуцкий ушел на фронт добровольцем, был тяжело ранен, вернулся в строй, в конце войны получил тяжелейшую контузию. Другой поэт, Павел Коган, имевший «белый билет» (он очень плохо видел), тем не менее прорвался на фронт, и тоже добровольцем. Погиб.

Во втором томе «200 лет вместе» бесстыжий классик пишет:

«Участниками войны считались и 2-й, и 3-й эшелоны фронта: глубокие штабы, интендантства, вся медицина, многие тыловые технические части, и во всех них, конечно, обслуживающий персонал, и писари, и еще вся машина армейской пропаганды, включая и переездные эстрадные ансамбли, фронтовые артистические бригады, - и всякому было наглядно: да, там евреев значительно гуще, чем на передовой».

Не только бесстыжие – ещё и подлые строчки.

На фронтах Великой Отечественной воевали полмиллиона евреев. Почти половина из них – погибли. Три четверти павших составляли рядовые солдаты и сержанты, остальные – младшие лейтенанты, лейтенанты и старлеи; иными словами, тот самый «первый эшелон», в котором, по утверждению Солженицына, евреев было не густо.

Где было «*значительно гуще*» (по его же утверждению), мы уже знаем.

В своём «*труде*» Солженицын несколько раз ссылается на книгу Геннадия Костырченко «Тайная

политика Сталина». Если судить о ней по этим ссылкам, придется почти наверняка сделать вывод о пронизывающем её антисемитском духе. Собственно, в этом и состоит ещё одна грань «творческого метода» А.И.: выхватить и так расположить фрагменты цитат, чтобы общий смысл цитируемой или упоминаемой работы (в данном случае – известного и авторитетного российского историка) превратился в свою противоположность. Между тем, о советских евреях на фронтах Великой Отечественной войны Костырченко, в частности, писал в своей книге вот что:

«Набивший силу государственный антисемитизм проявлялся не только в виде закулисных кадровых иллюстраций, но иногда даже в открытой печати, и опять же в завуалированной форме. В январе 1943 года в журнале «Большевик» появилась статья председателя Президиума Верховного Совета РСФСР А.Е. Бадаева, в которой этот старый большевик, бывший депутат 1У Государственной думы, предварительно процитировав слова Сталина о том, что «дружба народов СССР – большое и серьёзное завоевание», привёл статистику национального состава военнослужащих, награждённых боевыми орденами и медалями. Указав отдельно, сколько было таковых среди русских, украинцев, белорусов, он в самом конце этого списка, перечисляя уже чохом, без конкретных цифр, все другие национальности, чьи представители удостоились государственных наград за полтора года войны, упомянул после бурят, черкесов, хакасов, аварцев, кумыков, якутов и евреев. Налицо было явное стремление принизить заслуги последних в вооружённой борьбе с врагом. Ведь по данным главного управления кадров Наркомата обороны СССР на 15 января 1943 г., евреи находились на четвёртом месте по числу награждённых (6767) после русских (187178), украинцев (44344) и белорусов (7210). Более того, через полгода евреи опередили по полученным наградам белорусов и вышли на третье место.

Возмущённые пренебрежительным отношением к боевым заслугам целого народа, руководители ЕАК (Еврейского антифашистского комитета) Михоэлс и Эпштейн направили 2 апреля записку Щербакову, в которой высказали опасение, что подобная подача информации может быть использована «гитлеровскими агентами», распространявшими слухи о том, что «евреи не воюют». Однако это демарш не имел последствий. Подобно многим аналогичным документам письмо сразу же было направлено Щербаковым в архив».

(А. Щербаков – начальник Главного политического управления Советской армии, заместитель наркома обороны, начальник Совинформбюро, кандидат в члены Политбюро ЦК ВКП(б). Один из главных «проводников» антисемитской политики Сталина. – М.Д.)

Опровергать враньё «живого классика» можно было бы ещё долго. Рассказать о том, что четверо евреев повторили подвиг Матросова, причем один из них, Абрам Левин, закрыл своей грудью вражескую амбразуру на год раньше Матросова. 14 летчиков-евреев повторили подвиг Гастелло. Четверо совершили воздушный таран. Ещё четверо бросились с гранатами под фашистские танки. Пятеро подорвали гранатами себя и окруживших их гитлеровцев. А сколько было евреев – Героев Советского Союза!.. Примеров – множество, Солженицыну они, конечно же, хорошо известны. Но – не нужны. Как и другим антисемитам.

Разговаривая со многими людьми военного поколения, я пришел к выводу: те, кто утверждает, будто во время войны евреи отсиживались в тылу, сами на передовой скорее всего не были. Потому что сражавшиеся на передовой знают истину.

А как же Солженицын? – спросите вы. Ведь он же фронтовик...

И тут обнаруживаются любопытные обстоятельства. Если о лагерном прошлом А.И. известно немало (в значительной мере, правда, - с его же слов), то о военном – практически ничего. Этой темы «живой классик» старательно избегает. Неужто из скромности, которой он никогда не отличался?

Ну, прежде всего. Сам А.И. в добровольны почему-то не записался. Ждал, пока его призовут. А пока – спокойно дождался первого сентября, начала учебного года, и пошел учить детишек математике.

Да и на фронте Солженицын был отнюдь не в первом эшелоне. Он даже принимал там свою первую жену, Наталью Решетовскую, которая гостила у него (на фронте!) три недели. Решетовская вспоминает:

«Немного побездельничав, я начала знакомиться с работой, понять оказалось легко. Все дело в том, чтоб расшифровать замысловатые синусоиды, которые приборы выстукивали на звукометрической ленте. Интересно! В свободное время мы с Саней гуляли, разговаривали, читали. Муж научил меня стрелять из пистолета.

У себя на батарее Саня был полным господином, даже барином. Если ему нужен был ординарец Голованов, блиндаж которого находился с ним рядом, то звонил: «Дежурный! Пришлите Голованова».

Вверенный ему «народ», его бойцы, кроме своих непосредственных служебных обязанностей, обслуживали своего командира батареи. Один переписывал ему его литературные опусы, другой варил суп и мыл котелок, третий вносил нотки интеллектуальности в грубый фронтной быт».

На передовой Солженицын никогда не был. Он командовал батареей звуковой разведки (БЗР), которая располагалась, по определению А.И., во 2-м, 3-м, а то и в 5-м эшелоне. Во всяком случае – никак не в 1-м. По звукам выстрелов вражеской артиллерии БЗР определяла ее местонахождение и передавала эти данные своим батареям. А вот те-то и занимались настоящей военной работой.

И два своих ордена, как выяснили мои коллеги-журналисты, Солженицын получил не за храбрость, а не выходя из блиндажа – когда после двух сражений и побед в них награды раздавались всем подряд.

Так что военные годы Александр Исаевич провел вполне благополучно. Как выясняется, он всегда и всюду умел неплохо устроиться. В лагере он с самого начала пошел в «придурки» - сумел стать (по его же словам) *«заведующим производством», то есть старшим нарядчика и начальником всех бригадиров!*. Потом, выдав себя за физика-атомщика, попал в «шарашку», где вполне сносно (по сравнению, конечно, с лагерем) провел большую часть своего заключения. И чтобы остаться в «придурках», даже записался в стучачи под кличкой Ветров. Утверждает, правда, что не стучал. А после «шарашки», уже в экибастузском лагере, он вновь – и нормировщик, и бригадир...

В вину ему это ставить негоже: выживал как мог. Приспосабливался. Рно вот сам-то он именно это ставит в вину другим. Сам-то он всегда вел себя именно так, как – по его мнению – вели себя столь нелюбимые им евреи. Другими словами, солженицын приписал им то, что ему неприятно вспоминать о себе.

*****

С советской (читай – еврейской) культурой Александр Исаевич разбирается вполне по-большевистски: быстро и безапелляционно. Замечательный композитор Исаак Дунаевский у него – *«зорко не упускал ступенек советской карьеры. Тут и Матвей Блантер (автор, кстати говоря, знаменитой «Катюши», а также одной из самых прекрасных военных песен – «В лесу прифронтовом». – М.Д.), и братья Даниил и Дмитрий Покрассы. Еще же Оскар Фельцман, Соловьев-Седой – не берусь представить в полноте. (захватывая годы и позже, чтоб к этой теме не возвращаться: поэты песенники Илья Френкель, Михаил Танич, Игорь Шаферан, композиторы Ян Френкель, Владимир Шаинский, не продолжаю.) Сколько ж они все настучали оглушительных советских агиток в омрачивание и оглушение массового сознания – и начиняя головы ложью, и коверкая чувства и вкус?»*

Всех перебрал. Были ли у тех, кого он перечислил, *«оглушительные советские агитки»*? Безусловно. Но была и талантливая музыка, и прекрасные стихи. Зачем это понадобилось нобелевскому лауреату – пнуть походя, справедливо полагая, что никто не захочет связываться с «живым классиком»? Неужто из зависти?..

Но особенно досталось Александру Галичу. На него А.И. не пожалел места (не то что каким-то там Блантеру или Дунаевскому), растратил аж 6 страниц своего драгоценного «исследования». И продемонстрировал при этом абсолютную глухоту к поэзии, порой заставляя усомниться в умственных способностях нобелевского лауреата.

А как же русские? Ведь в названии солженицынской книги продекларировано: *«вместе»*... Где все эти бубенновы, грибачевы, софроновы, шпановы и прочие шевцовы, имя коим легион? У сколько они *«настучали оглушительных советских агиток»* (и ничего – кроме) – никакому учету не поддается...

Есть, есть русские. Во всяком случае, один: Евгений Евтушенко. Престарелому «живому классику» очень не понравился евтушенковский «Бабий Яр». Вот заключительные строки этого знаменитого стихотворения:

«Еврейской крови нет в крови моей.
Но ненавистен злобой заскоружлой
Я всем антисемитам, как еврей,
И потому – я настоящий русский!»

«Своим «Бабьим Яром» Евтушенко причислил себя к евреям по духу», - злобно пишет А.И. Ощущить боль другого народа, как свою, - это, по мнению Солженицына, всего лишь дань моде и игра на потребу публике.

По себе судит.

Кстати, нечто подобное высказывает и генерал-неандерталец Альберт Макашов. Жид для него – не только иудей, но и русский, который *«еврей по духу»*.

Историк Геннадий Костырченко (на его книгу «Тайная политика Сталина» А.И. ссылается

неоднократно, по своему обыкновению обдирая цитаты – до полного искажения их смысла) отмечает, что Солженицыну «ближе расовый подход к еврейству, хотя, по понятным причинам, он этого не афиширует».

Что же касается «оморачивания и оглуления» и вообще – холуйства, то тут Александр Исаевич явно кое-что забыл. Оно и понятно: говоря его словами, *«о себе – плохое так трудно помнить»*.

В марте 1963 года Хрущев выступил перед творческой интеллигенцией с погромной речью. Досталось многим, но не Солженицыну: его пока не трогали. А спустя несколько дней А.И. позвонил помощнику Хрущева, Лебедеву, который записал их разговор (цитирую по книге Владимира Войновича «Портрет на фоне мифа»). Солженицын говорил:

«Я глубоко взволнован речью Никиты Сергеевича Хрущева и приношу ему глубокую благодарность за исключительно доброе отношение к нам, писателям, и ко мне лично, за высокую оценку моего личного труда. Мой звонок Вам объясняется следующим: Никита Сергеевич сказал, что если наши литераторы и деятели искусства будут увлекаться лагерной тематикой, то это даст материал для наших недругов, и на такие материалы, как на падаль, полетят огромные жирные мухи.

Мне будет очень больно, если я в чем-нибудь поступлю не так, как этого требуют от нас партия и очень дорогой для меня Никита Сергеевич Хрущев».

К сему Владимир Лебедев добавил уже от себя:

«Писатель Солженицын просил меня, если представится возможность, передать его самый сердечный привет Вам, Никита Сергеевич. Он еще раз хочет заверить Вас, что хорошо понял Вашу отеческую заботу о развитии нашей советской литературы и искусства и постарается быть достойным высокого звания советского писателя».

По-видимому, надо понимать так, что вот это и значит – *«жить не по лжи»*.

*****

Из воспоминаний Солженицына о жизни в Вермонте:

«Но кого я ласково люблю – это койотов: зимой они часто бродят по нашему участку, подходят к самому дому и издают несравнимый сложный зов: изобразить его не берусь, а – очень люблю».

А то бы – *«изобразил»*...

Койот – самый примитивный представитель псовых (сборник «Американские прерии»). Питается кроликами, мышами, насекомыми и падалью. У него плохая репутация – недаром его называют «луговым шакалом». Как и шакал, койот труслив и коварен. Его вой обычно производит на людей тягостное впечатление.

Солженицын койотов – любит. *«Ласково»*.

Я был уверен в том, что ВПЗР промолчит. Не снизойдет. Он отмалчивался и в более серьезных случаях. Проиигнорировал письмо своего давнего друга, с которым познакомился еще на «шарашке», - Льва Копелева. Сделал вид, будто не заметил небольшую, но очень емкую книгу о нем Владимира Войновича «Портрет на фоне мифа». Промолчал после весьма резких высказываний писателей-фронтовиков Григория Бакланова и Александра Рекемчука о его «творчестве» и взглядах... Солженицын игнорирует всех, кто с ним хоть в чем-то не согласен, выказывая свое расположение только лишь блюдолизам и прихлебателям, которых за минувшие годы около «живого классика» расплодилось немеренно.

Но в данном случае А.И. решил высказаться.

Александр СОЛЖЕНИЦЫН ПОТЁМЩИКИ СВЕТА НЕ ИЩУТ

Вспыхнувшая вдруг необузданная клевета, запущенная во всеприемлющий Интернет, откуда подхваченная зарубежными русскоязычными газетами, сегодня перекинулась и в Россию, - а с другой стороны оставшиеся уже недолгие сроки моей жизни – заставляют меня ответить. Хотя: кто прочёл мои

книги – всем их совокупным духовным уровнем, тоном и содержанием заранее защищены от прилипания таких клевет.

Новые нападки не брезгают никакой подделкой. Самые старые, негодные, не сработавшие нигде в мире и давно откинутые фальшивки, методически разработанные и слепленные против меня в КГБ за всю 30-летнюю травлю, - приобрели новую жизнь в новых руках. С марта 2003 началась единовременная атака на меня – с раздирающими «новостными» заголовками.

Из-за внезапной рьяности новых обличителей, при полной, однако, тождественности нынешней клеветы и гебистской, - приходится и мне вернуться к самым истокам той, прежней.

Систематическое оклеветание начали сразу же после «Ивана Денисовича» (1962) – а уж тем более после захвата части моего архива в 1965. (Об этом – «Бодался теленок...» (1), глава «Подранок», и дальше.) Для того служила бесподобная советская система «закрытых» пропагандистских лекций – какие для партактива, какие для совслужащих, - а вся вместе, по СССР, эта разветвлённая и бесперебойная система охватывала сотни тысяч, если не миллионы слушателей. Через эти лекции можно было внушать то, чего не решались в газетах, - и поди узнай, что там про тебя несут на этих закрытых лекциях, - лишь одиночные свидетельства достигали меня. Линии клеветы – перебирались и множились.

Первая ставка была, что Солженицын – еврей (на лекциях варьировалось – «Солженицер», «Солжденицкер»), - и в дореволюционных архивах Московского университета майор Госбезопасности Благовидов выискивал данные на моего отца.

Но параллельно возникла, а вскоре и победила другая ставка: что я – изменник родине, что я был в немецком плену – нет-нет, и хуже: сдал с собой в плен целую батарею! Что далее я стал немецким полицаем – нет, хуже: прямо служил в Гестапо! И вдруг весной 1964 года (всего год от «Ивана Денисовича») такое обвинение вырвалось на публичном заседании из глотки первого секретаря ВЛКСМ Павлова – и вынудило А.Т. Твардовского затребовать из Военной Коллегии Верховного Суда официальную справку о моей реабилитации – и зачитать её собранию вслух («Теленок», гл. «На поверхности», с. 92). И Павлов смолк, конечно не извинясь.

Однако «закрытая» травля не утихала, тем более усилилась с 1967, после моего резкого Письма съезду советских писателей, и еще острее после присуждения Нобелевской премии (1970). Да уж настолько я был непереносим для КГБ, что в 1971, 9 августа, в Новочеркасске, они прямо убивали меня уколом рицинина, три месяца пролежал я пластом в загадочных волдырях размером с блюдце (об этом – «Совершенно секретно», 1992 г., №4; британская «Гардиан», 20 апреля 1992; была затем и центральная телевизионная передача по 1-му каналу с участником покушения, раскаявшимся подполковником ГКБ Б.А. Ивановым, чьи показания опубликованы в указанном выпуске «Совершенно секретно» и позже в «Телёнке», с. 675-684).

При появлении «Архипелага» (декабрь 1973) травля взметнулась до визгливости. Тогда АПН (Агентство печати «Новости», теперь – РИА «Новости». – М.Д.) принялось издавать для зарубежного распространения целые брошюры против меня, торговать тенденциозно отобранными извлечениями из прежних писем к моей бывшей жене Н.А. Решетовской. Её КГБ использовало как свою лучшую и верную помощницу – и с тех пор она неуклонно, настойчиво, на разных уровнях передёргов и лжи – мстила мне, кроме нескончаемых интервью – ещё в шести или даже семи *книгах* (здесь и далее выделено Солженицыным. – М.Д.) – исторический рекорд для покинутой жены писателя! Начала действовать – через приставленного к ней доброжелателя из возглавителей АПН, константина Семёнова (за которого вышла замуж сразу после моей высылки в 1974). Едва появившийся в 1973 году «Архипелаг» Решетовская с лёгкостью назвала (в интервью с «Фигаро», февраль 1974) недостоверным «сборищем лагерного фольклора».

Сразу после «Архипелага» КГБ привлекло для международных интервью и моего однодельца Н.Д. Виткевича (мы с ним *сели* за нашу перефотографированную цензурой переписку 1944 года, насквозь антисталинскую) – и вот, восстановленный в компартии, он перекладывал вину на меня («Телёнок», с. 665-666) и по западному радио заявлял, что никаких таких ужасов в Гулаге не происходило. Тут прибегли к такому разительному доводу (и его подхватили сейчас, в травле 2003 года!): чт о Виткевич был присуждён к 10 годам лагерей. – то была стандартная выпечка фронтового трибунала, но не было ему добавочного привеска, а я, по ОСО, получил – *лишь* 8 лет лагерей, - но умалчивали, что – с добавкой *вечной ссылки*. (Нынешние старатели идут ещё дальше: мол, Виткевич 10 лет махал кайлом на Воркуте, в то время как Солженицын отсиживался на шарашке, - Виткевич же прибыл на ту Марфинскую шарашку осенью 1948 и оставался на ней и после того, как меня оттуда услали в Особые лагеря Степлага. Всего он отсидел, при зачетах, - 9 лет, я, со ссылкой, - 11.)

После моего изгнания с Родины в 1974 – клеветническая кампания против меня продолжалась, АПН распространяло на весь мир на разных языках изданную ими первую книгу Решетовской «В споре со временем», 1975, где уже было нагорожено на меня много разной мстительной лжи. (Председатель правления АПН И. Удальцов докладывал в ЦК КПСС: «Рукопись воспоминаний Н. Решетовской подготовлена к печати издательством АПН совместно с КГБ при СМ СССР. Представляется, что выход на Западе... может послужить определенной контрмерой» (2).) Решетовская легко бралась истолковывать всю мою жизнь и свидетельствовать даже о моих школьных годах, о которых не знала ничего, даже о моей ссыльной жизни, будто была её соучастницей, а не покинула меня, выйдя замуж, когда я был ещё в Особлаге, потом в ссылке, душимый раком. – Тут Виткевич снова выступал по западному радио, тут прижало КГБ и моего школьного друга Кирилла Симоняна, хирурга, заставило его написать лживую брошюру обо мне.

И наконец издали в СССР отдельную книгу чехословацкого порученца Томаша Ржезача «Спираль измены Солженицына» (М.: Прогресс, 1978). Предназначалась она не для всех советских читателей, а для благонадёжных, распространялась избранно. Председатель КГБ Андропов писал 10 августа 1978 министру внутренних дел Чехословацкой Соцреспублики Яромиру Обзине: «Выход в свет данного издания явился результатом добросовестного труда автора и настойчивой совместной работы с ним сотрудников 10 Управления МВД ЧССР и 5 Управления КГБ СССР. Выражая глубокое удовлетворение... Комитет считал бы целесообразным наградить Начальника 10 Управления МВД ЧССР генерал-майора В.Старека [и еще шестерых чехословацких разведчиков и оперработников]... принимавших наиболее активное участие в проведении указанного мероприятия» (3). Сам Ржезач в предисловии сердечно благодарит Н. Решетовскую (её книга «мне послужила своего рода справочником»), Виткевича, Симоняна и ещё нескольких «согласившихся дать интервью». Но, пожалуй, этим списком не удивишь, уже все они и до Ржезача выступили против меня, - так черпай из своих «личных впечатлений»! Оказывается, сам Ржезач «принадлежал к узкому кругу друзей Солженицына», - вот это находка! – и вдоль всей книги ссылается на «беседы и встречи» со мной, - а не только никогда мы с ним не сказали ни единого слова, но вообще не были знакомы, не встречались ни разу.

Кто же такой этот Ржезач? Сын чешской писательской пары, журналист, в 1968 засланный в среду чешской эмиграции в Западной Европе, жил в Швейцарии, как вдруг в 1975 исчез – и вынырнул в Праге, понося соотечественников-эмигрантов по пражскому радио. В том же году он «предпринял туристскую поездку в Советский Союз с книгой Решетовской в кармане», имея задание сострять разоблачительный опус против меня (и моих родителей, и моих дедов), главное же – против «Архипелага». Лубянка, пишет Ржезач, справедлива, добра, даже чутка, её следователи – «почтенные люди», - и «разве можно утаить попытку целых тысяч или полное исчезновение десятков тысяч людей? Нет, это невозможно».

Итак, вместе с КГБ они славно потрудились. Каков же этот Солженицын? – Ясно, каков: с самого детства – трус; честолюбец; предатель; антисемит. – (Тут, «со слов Симоняна», очень кстати басня об «антисемитском» происхождении моего школьного шрама на лбу, - о этом в «Зёрнышке», глава «Сквозь чад» (4), басня эта потом разрабатывалась и в других гебистских публикациях.) – Нарочно подстроил собственный арест с фронта в конце войны. Старался засадить в тюрьму друзей и знакомых (но МГБ, из доброты и гуманности, никого не посадило и даже не допросило). Весь лагерный срок ретивый стукач. – (И опять со ссылкой на Симоняна – несущественная дичь про «52 тетрадных страницы неподражаемо мелким почерком», якобы написанные весной 1952 в каторжном Экибастузском лагере – ещё взроенном нашим недавним мятежом, и сразу после моей раковой операции – с единственной целью опорочить Симоняна. Да где ж та тетрадь? Приведите же эти нигде, никогда, никем, в том числе и Ржезачем, ни словом не цитированные 52 страницы! – И эту грубую дичь усердно пробуют повторить и теперь, спустя четверть столетия.) – Ну а книги Солженицына? – Все написаны из злобы и честолюбия. Лицемер. Лжец. Подлым приёмом уклонился от поездки за Нобелевской премией. Хитрым манёвром вынудил КГБ захватить спрятанный «Архипелаг» - и так заставил выслать себя из Советского Союза.

Это, конечно, не все, не все результаты «совместной работы», но – основные. С тех все мои клеймителю просто черпают из этой книги, либо списывают друг у друга, никто ещё не вышел за изготовленную специалистами КГБ «спираль измены».

Впрочем, незадолго до смерти своей в 1977, попытался вырваться из неё Кирилл Симонян. Я рад, что меня достигло его предсмертное покаяние, записанное коллегой-врачом, Д.А. Черняховским: «Расценивайте это как исповедь человека, который скоро умрёт и хотел бы, чтобы его покаяние в конце концов достигло друга, которого он предал». Со слов Кирилла Д.А.Ч.писал: «С детства у К.С. стали

проявляться некоторые психобиологические особенности, связанные с половым выбором. Уже будучи врачом, он пережил в связи с этим неприятности, угрожавшие его карьере. Когда к К.С. пришли «вежливые люди», он в первый момент испытал леденящий ужас, но потом с облегчением понял, что, хотя они могут мгновенно сломать жизнь, превратив из доктора наук «в никому не нужное дерьмо», их цель иная: «опять Солженицын». Они были осведомлены, говорили какие-то правдоподобные вещи. Неожиданно для себя К.С. почувствовал какой-то подъём и благодарность, - «да, благодарность за подаренную жизнь врача». Написал «какую-то пакость для распространения за рубежом». Писал в странном подъёме, «в дурмане»... Рассказал, как в больницу приезжал Ржезач – «мразь, кагебешник, говно. Играл с ним в постыдные игры», - именно так выразился К.С. Потом «дурман рассеялся, спохватился и хоть в петлю» (5).

Само собой работало КГБ и над изготовлением фальшивых документов, якобы моим почерком (у их графологического отдела на столе лежало всё множество моих писем к Решетовской).

Сперва – это была издуманная моя «переписка» с издателем эмигрантского белогвардейского журнала «Часовой» В.В. Ореховым в Брюсселе: от моего имени звали его приехать на «встречу» со мной в Прагу – тут захватить и сострять попытку «белогвардейских контактов» (это всплыло лишь после моей высылки и разоблачено в журнале «Time», 27 мая 1974, приведены там образцы и почерка моего, и гебистских подделок; см. также «Зёрнышко», гл. «Без прикрепы» (6)).

В 1976 – покрепче: якобы «донос» мой в оперчасть Экибастузского лагеря о подготовке мятежа украинцами. (Не могли же гебисты не использовать такого соблазна, собственной моей подачи о вербовке!) Я уже писал в «Сквозь чад»:

«В «Архипелаге», и не только в нём, я не щадил себя, и все раскаяния, какие прошли через мою душу, - все и на бумаге... В этом ряду я не поколебался изложить историю, как вербовали меня в лагерные стукачи и присвоили кличку, хотя я ни разу этой кличкой не воспользовался и и одного донесения никогда не подал (7). Я и нечестным считал об этом бы умолчать, а написать – интересным, имея в виду множественность подобных вербовок, даже и на воле. Я цель имел во всей книге, во всех моих книгах показать: что можно из человека сделать. Показать, что линия между Добром и Злом постоянно перемещается по человеческому сердцу. А у ЦК и КГБ не только этого уровня понимания нет и не было, но даже нет простого образумления: с чем можно высунуться, не влипнув (как моя «переписка» с Ореховым, или как грубая их подделка «доноса» 1952 года). У КГБ если что и красное – то пальцы, то руки по локоть, отнюдь не щёки».

Как прочли, стало быть, «Архипелаг» - так и принялись за изготовление. Да в самом главном месте фальшивки – провальный для гебистов просчёт: «донос» на украинцев пометили 20 января 1952, цитируют «сегодняшние» якобы разговоры с украинцами-зэками и их «завтрашние» планы, но упустили, что ещё 6 января *все до одного* украинцы были переведены в отдельный украинский лагпункт, наглухо отделённый от нашего, - и на их лагпункте вообще никакого мятежа в январе не было, а к стихийному мятежу российского лагпункта 22 января – не имели они касательства, не участвовали и близко. (Хотя и об этом в «Архипелаге» написано: Часть У, гл. 11, - но недоглядели *специалисты*, а сами недомыслили.) Наряду с этим – и другие промахи, для профессионалов постыдные.

Эта старая фальшивка увешана такими подробностями... Я получил её копию в мае 1976 от видного швейцарского журналиста Петера Холенштейна: вот что ему представили такой документ и он хочет знать моё мнение о нём. Я был тогда в Калифорнии, работал в Гуверовском институте – и тут же передал факсимиле фальшивки в «Los Angeles Times», сопроводив своим опровержением (напечатано там 24 мая 1976; см. также «Зёрнышко», гл. «В Пяти ручьях» и приложение 18 (8)). В дальнейшей переписке, которую я храню, Холенштейн сообщил, что в Москве и Восточной Германии якобы существует целое собрание таких подделок, на основе которых некий автор [Франк Арнау] готовит книгу: «Борода снята – разоблачение А.С.». Он предложил Холенштейну 25 тысяч швейцарских франков за соучастие в публикации. Холенштейн отказался: «У меня возникли самые серьёзные сомнения в подлинности документов. Я предполагал, что всё это представляет собой сознательно направляемое нападение на Вас... в связи с появлением «Архипелага». Я предложил провести экспертизу со сравнением почерка, но автор на это не согласился. Он сказал, что письма стопроцентно написаны С.». Отчего же не согласился, раз так уверен?

На том дело, казалось, и заглохло. Не осилив книгу, Арнау напечатал всё ту же единственную фальшивку в социалистическом журнале, в Гамбурге, но она также не получила никакого движения.

А ещё была попытка. В 1990 в СССР «Военно-исторический журнал», в ответ на возвращение мне

гражданства, начал печатать «воспоминания бывшего власовца» Л.А. Самутина (№№ 9-11) – того самого, у кого в 1973 гебисты взяли вовремя не уничтоженный (втайне от меня) экземпляр «Архипелага». Тогда его возмущённая вдова потребовала от журнала под угрозой суда – прекратить печатание, ибо эти вынужденные «мемуары» на её глазах писались по требованию и под прямую диктовку гебистов. И тогдашний журнал (редактор генерал Филатов) – отступил, прекратил печатание, но в ярости напечатал в № 12 ту же «экибастузскую» фальшивку, - и снова беспоследственно.

Но вот – воцарилась на Руси и в окрестностях безграничная свобода для каждого лгать что угодно, - и нынешние энтузиасты рвутся чуть ли не жарче прежних гебистов: теперь, спустя 27 лет, ту старую фальшивку, оживлённо преподносящую как сенсацию, подхватило нью-йоркское «Новое русское слово» (24.3.2003), киевские «Столичные новости» (1.4.2003), за ними эмигрантская украинская газета – кто со ссылками на Интернет, кто на разных авторов – а текст всюду один, слово в слово, - и дальше и дальше раскатом, теперь уже неприкрыто сплетаясь у обвинителей с гневным раздражением моим недавним двухтомником «Двести лет вместе». – Кто-то из читателей стал возражать – и что же сегодняшнее демократичнейшее «Новое русское слово»? Оно не побрезговало осведомиться у генерала ГБ Филиппа Бобкова, бывшего начальника того самого 5-го (Идеологического) Управления КГБ, возглавителя всей тогдашней травли меня и правой руки Андропова. И Бобков, естественно, выразил, что «документ» очевидно вполне достоверен – а только, вот, *не* КГБ его распространяло. – А кто же мог?.. – Да «акто-то» самовольно нашёл в секретном архиве и распространил... И этим вздором дурачат *сегодняшнего* русскоязычного американского читателя! Как сомкнулись нынешние «правдоискатели» с ещё не отмершими дубами КГБ!

И с какой настойчивостью теперь вновь внедряется и утверждается аргумент от Ржезача и М. Якубовича (единственного из старых эков, кто согласился сотрудничать с ними против «Архипелага»), что приведенный мною в «Архипелаге» эпизод моей вербовки в осведомители – несомненно имел стрекжевое продолжение сквози всю мою лагерную жизнь. И хотя ни на шарашке Марфино, ни в Экибастузе не имеется тому ни единого свидетельства или факта, но доказательство ведут «от противного»: *это не могло быть иначе! Не могло быть, чтобы не...!* Настаивают, что в Гулаге всякий «спецнаряд» должен иметь визу оперуполномоченного, иначе он не может состояться, и стало быть при всех дальнейших перемещениях ээк не может «слезть с крючка». – В пределах Гулага – может и так, только из лагерька на Калужской заставе меня перемещали *не внутригулаговским* «спецнарядом», меня «распоряжением министра внутренних дел» выдернули *вне системы* Гулага – в Отдел Спецтехники МВД, куда собирали специалистов из лагерей, - и поражённое начальство уже через два часа отправило меня прочь из лагерной зоны – в Бутырки.

Моя душа совершенно чиста. Ни от моих односидчиков на шарашке (ни, кстати, и от Виткевича, там же сидевшего), ни в Особлаге – я никогда не встречал обиды, упрёка или подозрения, но только полное, неизменное доверие – как и в грозные годы Экибастузского лагеря (1951 – 1952), когда стукачи валом валили спасаться за каменными стенами у начальства, а бригадиры бежали со своих должностей, ставших опасными, - я же, по просьбе моих товарищей из Мехмастерских, перешёл с каменщика в их бригады, и оставался им до исчерпания нашего мятежа в январе 1952 года.

Но вот сейчас явно избрано: опорочить меня как личность, заляпать, растоптать само моё имя. (А с таимой надеждой – и саму будущую жизнь моих книг?)

Этот приём выпукло проявился при первом же переборе газетной кампании на территорию России – в развязнейших ухватках и брани журналиста «Московского комсомольца» (сентябрь 2003) по адресу книги «200 лет вместе» и её автора. Дейч грубо искажает главу из моей книги об участии евреев в войне. Именно в противовес расхожему представлению, что многие евреи уклонялись от армии, - я добыл и впервые привёл никогда прежде не публиковавшиеся архивные данные Министерства обороны, из которых следует, что число евреев в Красной армии в годы Великой Отечественной войны было пропорционально численности еврейского населения, то есть пропорция соответствует средней по стране (часть II, с. 363-364). Но Дейч без оглядки идёт и на подделку цитат (сносок нигде не даёт, ищи, читатель, где хочешь, а ещё лучше – не ищи, поверь Дейчу). Впаривает мне выражения типа «ленинско-еврейская революция». Смеем обсуждать воровскую публикацию – с её сквозным хулиганским изгажением и грязной фальсификацией – выкраденных моих черновиков 40-летней давности. Ему вторит «Эхо Москвы»: «пусть ответит общественности!» На что отвечать? На вашу непристойную готовность перекупать краденое? Какое уродливое правосознание, какое искажение орм литературного поведения.

Отвечаю я – за свою книгу, а не за то, как её потрошат и выворачивают.

Но пойдёт в захват и такое: а почему Солженицын о своём военном прошлом не пишет «практически ничего», «эту тему старательно избегает»? – А это – блудливый журналист избегает читать мои книги. В полдюжине разных изданий напечатаны «Желябугские выселки», из боёв под Орлом; «Адлинг Швенкиттен», о боях в Восточной Пруссии; о выводе моей батареи из окружения в ту ночь мог бы прочесть в «Зёрнышке»; уже четыре года как опубликована моя лагерная повесть «Дороженька», где немало и о военных моих путях (9).

Да раньше того: при самом начале войны Солженицын «в добровольцы почему-то не записался». А я – как раз-то и ходил в военкомат, и не раз добивался, - но мне как «ограниченно годному в военное время» по здоровью велели ждать мобилизации. Из тылового же конского обоза, куда меня тогда определили, я сверхсильным напором добился перевода в артиллерию (о том – повесть «Люби революцию» (10), и она тоже незнакома проницательному дознавателю?).

Но что нашему эксперту точно известно: «На передовой Солженицын никогда не был. Он командовал батареей звуковой разведки, которая располагалась...» - где бы, вы думали? – даже и «в 5-м эшелоне». Хоть где-нибудь и своими мозгами поработал бы Дейч. Для того чтобы мембранные звукоприёмники воспринимали бы выстрелы даже отдалённых пушек, а тем более и слабые звуки миномётов – они должны дугой располагаться от переднего края нашей пехоты – обычно в двух, но не далее трёх километров. И чтобы первым услышать дошедший звук выстрела – и по нему включить записывающий центральный аппарат – «Предупредитель» (наблюдательный пункт) батареи должен находиться на уровне пехотных окопов, а чуть зазевайся – звукоприёмники уже могут пропустить сигнал.

Дальше спешит на подмогу коллега (В.Каджая): два своих ордена Солженицын получил «когда после двух битв и побед в них награды раздавались всем подряд», - подряд! Квалифицированное же знание. С какой тыловой надутостью махом оскорбляет всех награждённых.

А получил я эти два ордена за успешную засечку и корректуру подавления огневых точек противника в битве под Орлом и в прорыве под Рогачёвом. За успешный же вывод батареи из окружения 27 января 1945 в Пруссии я был представлен и к ордену Красного Знамени, как ещё несколько наших бригадных офицеров, - но 9 февраля настиг меня арест – и меня успели вычеркнуть из наградного списка.

Обсудили военную тему – возвращайся журналист опять же к лагерной: в лагере (на Калужской заставе) был «завпроизводством»! – да я был им меньше недели, сам же и рассказал в самонасмешку, - и отправлен в бригаду маляров («Архипелаг», Ч. Ш, гл. 9). И в Экибастузе ни единого дня не был я «нормировщиком», как теперь хором лепят заточенные перья, - но больше года – каменщиком (и изрядно научился, и выкладывал фигурную кладку), а после короткого бригадирства – год литейщиком.

Но нашлась и новая тема для разоблачения – пожалуй, единственная, какой не было у Ржезача: моя раковая болезнь и излечение от неё. Пока ещё в заатлантической газете – но скоро жди и в российской: и злокачественной опухоли не было! И операции не было! И тем более не было и даже не могло быть метастазов. (И только надо удивляться этим ташкентским долдонам-онкологами, что они два года кряду лечили меня и закатали мне рентгена 22 тысячи R – и всё «ни от чего».)

До сих пор я не разоблачён, кажется, только в одном: что и физмата не кончал, и университетский диплом – подделка.

И остаётся догадываться: почему же вдруг оживились и гебистские фальшивки 70-х годов, и клевета на лагерные годы мои с 40-х на 50-е, и годы войны, и юности, - почему на всё это дружно кинулись и за океаном и у нас – именно с начала 2003 года?..

8 октября 2003

Бодался телёнок с дубом. М.: Согласие, 1966.

Записка И.Удальцова в ЦК КПСС от 17 апреля 1974. (ЦХСД. Ф. 4. Оп. 22. Д. 1774. Л. 1. Подлинник. – Опубликовано: Континент, 1993, № 75, с. 217.)

Экспресс-Хроника, 1993, 17 декабря.

Угодило зёрнышко промеж двух жерновов. Новый мир, 1999, № 2, 122 – 123.

Там же, с. 130 – 131.

Новый мир, 1998, № 9, с. 71 – 72, 122 – 123.

Архипелаг ГУЛаг, Часть Ш, гл.12.

Новый мир, 1999, № 2, с. 71 и 135.

Протеревши глаза. М.: Наш дом, 1999.
Там же.

*Отвечать на ответ – пустое занятие. Бесперспективное.
Да и потом: кто я такой, чтобы ряздиться с самим Солженицыным? Пусть бы последнее слово за ним осталось. Но только чтобы – правдивое.*

Не получилось у «классика». В статье под претенциозным названием «Потёмщики света не ищут» А.И. пошел по проторенной дороге: подтасовок, фальсификаций и откровенной лжи.

А коли так – промолчать нельзя.

ПОКЛОН ОТ «ПОТЁМЩИКА»

«Живой классик» выстрелил одновременно с двух рук – его статья появилась в один день в двух газетах: «Литературной» и «Комсомольской правде». Причем последняя уведомляла читателей, что печатает сей материал «с любезного разрешения» «ЛГ».

«Литатурка», конечно, разрешила. Попробовала бы она не разрешить! Ведь указание – где публиковать – шло непосредственно от А.И. (я в этом уверен). Как раньше – распоряжение от Агитпропа, которому никто не смел противиться.

Методы агитационной и пропагандистской работы «классик» будто позаимствовал у советских идеологов. Так же, впрочем, как и методы ведения дискуссии. Может быть, именно поэтому Солженицына – после выхода его двухтомника «200 лет вместе» - бросились защищать скопом. Причем защитники по большей части те же самые, кто столь же яростно ополчались против него при коммунистах.

Ответ же самого А.И. производит совсем уж странное впечатление. Я писал об откровенной фальсификации и подтасовках, которые в обеих книгах «200 лет вместе» видны вполне отчетливо. А в ответ – подробный рассказ «классика» о том, как травил когда-то писателя Комитет госбезопасности. И о том, что травля эта якобы продолжается по сию пору – с помощью нынешних кагэбэшников, таких, как автор этих строк.

Прием настолько старый, что даже не смешно.

Спору нет: Солженицыну в свое время крепко досталось от КГБ. Но противостояние – поистине героическое – писателя и всесильных «органов» вовсе не снимает проблемы лжи. Комитет многожды лгал практически во всем, что касалось Солженицына. К сожалению, писатель в ответ тоже лгал, хотя до поры до времени на это никто не обращал внимания. Одни – по незнанию, другие – потому, что А.И. был гоним, а русское либеральное общество, по традиции, всегда становилось на сторону гонимого. Даже если поведение последнего с точки зрения нравственности и морали далеко не всегда было однозначным.

Но вот в 1993 году парижский журнал «Синтаксис» опубликовал письмо Солженицыну его близкого друга Льва Копелева – фронтовика, писателя и диссидента. Они дружили много лет, вместе сидели на «шарашке», Копелев даже стал прототипом одного из главных героев романа Солженицына «В круге первом». Тем не менее, их отношения никогда не были безоблачными, и в конце концов терпение Копелева иссякло. В том письме он писал (двадцать лет назад – в 1985 году):

«...В твоих сочинениях, которые я прочитал уже после твоей высылки («Жить не по лжи», «Архипелаг ГУЛАГ II», статьи в сборнике «Из-под глыб», «Письмо вождям», «Бодался теленок в дубом»), иные страницы вызывали у меня боль, горечь, гнев, стыд за тебя и жалость к тебе. В течение десятилетия ты представлял нашу литературу с таким замечательным достоинством, с такой безоговорочной правдивостью, и вот это достоинство, эта правдивость стали колебаться, давать трещины, обваливаться, потому что ты вообразил себя единственным носителем единственной истины.

...История «хождения рукописи» «Щ 854» (первоначальное название «Одного дня Ивана Денисовича». – М.Д.) изложена тобой столь удаленно от истины, что я прежде всего удивился, хотя за последние годы должен был бы перестать удивляться тому, как своеобразно ты «живешь не по лжи».

...По этому пути двинулся ты от «Ивана Денисовича» и «Кречетовки» к многотомным сплавам из думских протоколов, царских дневников, штабных сводок и политической риторики. В твоих «Узлах» история пишется точно по Покровскому (М. Покровский, первый российский историк-марксист, полагавший, что историю России – начиная с Киевской Руси – определяла и определяет «классовая борьба». – М.Д.), как «политика, опрокинутая в прошлое», и в ней теряются, тонут страницы всё еще художественной прозы. Ты повторяешь развитие Шолохова от «Тихого Дона» к «Поднятой целине». Федина, Леонова, Фадеева. Этим талантливых писателей обрек на печальные неудачи их идеологический реализм, определявшийся искренней преданностью внехудожественным идеологическим сверхзадачам.

...Каждый раз, когда я замечал, что ты хитришь, что говоришь неправду, что лицемеришь или, напротив, хамишь, я не мог порвать с тобой и потому, что слишком прочно укоренены были во мне давние дружеские связи, но прежде всего потому, что ты всегда был под угрозой.

...Весной 1975 года мы прочитали «Бодался теленок с дубом». И там уже обстоятельно, словно бы строго исторично, ты писал заведомую неправду.

...Но эта твоя «малая неправда» была лишь одной из многих. Не доверяя своим современным и будущим биографам, ты решил сам сотворить свой миф, по-своему написать свое житие. И тебе мешали свидетели. Именно поэтому ты по-ленински отталкивал всех бывших друзей. Именно поэтому так опасался мемуаров Натальи Алексеевны (Решетовской, первой жены Солженицына. – М.Д.). Вот и я мешаю тебе.

Но больше всего мешаешь себе ты сам, из-за своей беспредельной самоуверенности ты часто совершенно неправильно оцениваешь людей. Ты как художник создаешь иногда прекрасные, пластические образы, живописуешь отдельные, характерные черты. Но даже о самых близких тебе людях ты знаешь только то, что тебе полезно.

...Прочитав «Теленка», я записал в дневнике: «Это самодовольная книга о «жизни по лжи».

Но еще мучительнее было читать в «Архипелаге» заведомо неправдивые страницы в главах о блатных, о коммунистах в лагерях, о лагерной медицине, о Горьком, о Френкеле (очередной образ сатанинского иудея, главного виновника всех бед, который в иных воплощениях повторяется в Израиле Парвусе и в Богрове).

Острую боль причиняли такие вскользь оброненные замечания, как «расстреливали главным образом грузины», «в лагерях ни одного грузина не встретил» или «комически погиб». (Само это словосочетание так же, как упоенное описание «рубилочки», поразительно для писателя, который называет себя христианином.)

...Озираясь назад, на десятилетия, перечитывая письма и дневники, и твои новейшие публикации, припоминая и заново осмысливая все, что перечувствовал и передумал раньше, я снова убеждаюсь, что больше всего мучит меня, вызывая не только боль, но и стыд, горькое сознание, что я в эти годы повторял ту же ошибку, которая была источником самых тяжких грехов моей молодости.

Тогда, во имя «великой правды социализма и коммунизма», я считал необходимым поддерживать и распространять «малые неправды» о советской демократии, о процветании колхозов и т.п. Веря в гениальность и незаменимость Сталина, я, даже зная правду, подтверждал враки о его подвигах, о его дружбе с Лениным, о его гуманизме и любви к народу.

И по сути так же поступал я, когда, зная или постепенно узнавая «малые правды» о тебе, во имя великой общей правды об империи ГУЛАГ, которую ты заставил услышать во всем мире, я еще долго доказывал всем, что, мол, нет, он не мракобес, он безупречно честен и правдив. Ведь все мы в десятки тысяч голосов объявили тебя «совестью России». И я уверял, что ты никак не шовинист,

не антисемит, что недобрые замечания о грузинах, армянах, «ошметках орды», латышах, мадьярах – это случайные оговорки.

...«Послесвечение» твоей заслуженной доброй славы действовало еще и после твоей высылки. Однако после «Глыб» ты стал обыкновенным черносотенцем, хотя и с необыкновенными претензиями. И все же я продолжал защищать тебя, либо отрицая то, что становилось очевидным, либо стыдливо молчал – и все ради великого «общего дела».

Сейчас уже видно, что те, кто задумал твою высылку, добились в конечном счете идеологического, политического выигрыша.

...Ты оказался не объединителем, как надеялись мы, а главой одной секты фанатично преданных приверженцев или расчетливо услужливых раболопных порученцев.

...Любое несогласие или, упаси боже, критическое замечание ты воспринимаешь как святотатство, как посягательство на абсолютную истину, которой владеешь ты, и, разумеется, как оскорбление России, которую только ты достойно представляешь, только ты любишь.

...Ты, как и все наши истовые антикоммунисты, остаешься настоящим большевиком. Осуждая «излишества» западных свобод, вы здесь, в своих собственных журналах и газетах, всего яростнее нападаете на тех же противников, на которых вас натаскивали в советских, сталинских школах, то есть на «гнилых либералов», на социал-соглашателей, на реформистов, примиренцев, на слабость буржуазной демократии, на вырождение искусства, развратность «масс-медиа» и т.д. и т.п.

...Как мучительно стыдно бывает слышать вопрос: «А что сделал Солженицын, чтобы помочь Сахарову?» (1)

Лев Копелев, автор замечательных книг «Хранить вечно» и «Утоли мои печали», больше Солженицыну не мешает. Он скончался в 1997 году.

Но другие – живы.

После «Бесстыжего классика» я получил письмо от известного историка Роя Медведева. «В грубости и презрении к оппонентам Солженицына превзойти невозможно», - пишет он. К письму Рой Александрович приложил свою недавно вышедшую книгу «Солженицын и Сахаров». В главе, которая называется «Фальсификация как метод полемики», есть такие строки:

«Выступая перед американскими слушателями, Солженицын в ряде случаев прибег к сознательной фальсификации. Между прочим, это типичная черта пропагандистов старой советской выучки – о политическом противнике можно говорить все что угодно». (2)

А теперь – давайте посмотрим, что же так задело в «Бесстыжем классике» Великого Писателя Земли Русской.

*****

«Дейч грубо искажает главу из моей книги об участии евреев в войне, - пишет А.И. – Именно в противовес расхожему представлению, что многие евреи уклонялись от армии, - я добыл и впервые привел никогда прежде не публиковавшиеся данные Министерства обороны, из которых следует, что число евреев в Красной Армии в годы Великой Отечественной войны было пропорционально численности еврейского населения, то есть пропорция соответствует средней по стране (Часть II, с. 363-364)».

Что ж, откроем указанные страницы. Цифры действительно приводятся. Однако где А.И. их «добыл», остается тайной. И что значит – «добыл»? Если не в архиве, то где можно «добыть» подобные цифры? А если все-таки в архиве, то почему нет сноски а архивный источник (место хранения, номер документа, страницы)? А ведь в других случаях, когда классику это нужно, он скрупулезно приводит такие данные. Но вот именно в этом случае их нет. Почему?

Да потому что «добыл» их вовсе не Солженицын. И «привел» он их отнюдь не первым. В 1992 году заслуженный деятель науки РФ, доктор военных наук, профессор В. Рябчук писал: «В рядах советских Вооруженных Сил сражались воины всех национальностей Советского Союза, из них 500 тысяч евреев, или 2,5% всех бойцов». (3)

Но даже приводя сведения, «добытые» подобным образом, А.И. и тут ухитрился использовать в нужном для себя русле. На 1939 год евреи в населении СССР составляли 1,78%, Солженицыну эта цифра известна. (4) Но из неё со всей очевидностью следует, что «число евреев в Красной Армии» не было «пропорционально численности еврейского населения», как пишет о том классик, но – значительно выше: 2,5%, а не 1,78%.

Уверенно двигаясь в том же русле, А.И. рассуждает, согласно его выражению, о «внутриармейских диспропорциях». (5) Ну вот, например:

«Среди генералов Красной Армии было 26 евреев-генералов медицинской службы и 9 – генералов ветеринарной службы; 33 генерала служили в инженерных войсках». (5)

Дескать, так они «воевали»: в медицинских, а то и в ветеринарных войсках...

Этот прием у Солженицына – обычный и совершенно сознательный. Он прекрасно понимает, что делает. И зачем делает.

Между тем евреями – помимо медиков и ветеринаров – были: 92 общевойсковых генерала, 26 генералов авиации, 33 генерала артиллерии, 24 генерала танковых войск. А кроме того – 9 командующих армиями и флотилиями, 12 командиров корпусов, 34 командира дивизий, 23 командира танковых бригад, 31 командир танковых полков. А всего в годы Великой Отечественной войны в Вооруженных Силах страны служили 305 евреев в звании генералов и адмиралов. 219 из них принимали непосредственное участие в боях. 38 – погибли... (7)

Среди воинов-евреев, погибших и умерших от ран, 77,6 процента составляли рядовые солдаты и сержанты, 22,4% - младшие лейтенанты, лейтенанты и старшие лейтенанты. То есть именно те, кто сражались на передовой. А всего их, погибших и умерших от ран в годы войны, - почти половина из 500 тысяч... (8)

Ничего этого у Солженицына нет. А есть вот что:

«Рядовой фронтовик, оглядываясь с передовой себе за спину, видел, всем понятно, что о участниками войны считались и 2-й и 3-й эшелоны фронта: глубокие штабы, интендантства, вся медицина от медсанбатов и выше, многие тыловые технические части, и во всех них, конечно, обслуживающий персонал, и писари, и ещё вся машина армейской пропаганды, включая и переездные эстрадные ансамбли, фронтовые артистические бригады, - и всякому было наглядно: да, там (выделено Солженицыным. – М.Д.) евреев значительно гуще, чем на передовой». (9)

Ну не бесстыдство ли? Чтобы не сказать хуже.

*****

Но особенно обиделся классик за мое упоминание о его военных годах:

«Но пойдёт в захват и такое: а почему Солженицын о своём военном прошлом не пишет «практически ничего», «эту тему старательно избегает»? – А это – блудливый журналист избегает читать мои книги. В полдюжине разных изданий напечатаны...» (далее ВПЗР перечисляет свои публикации о собственных фронтовых заслугах).

«Блудливый журналист» не избегал. Просто до поры до времени чересчур доверчиво относился ко всему, что выходило из-под пера «живого классика». Вот ведь пишет А.И.: *«Хотя я участник той войны, мне меньше всего в жизни пришлось собирать о ней материалы или писать что-либо».* (10) Однако после попрека в блудливости – прочел. Ну что сказать... Не «Севастопольские рассказы». Но дело, конечно, не в этом. А в том, что воспоминания очевидца – вовсе не истина в конечной инстанции. Особенно такого очевидца, как А.И., - неоднократно уличенного (отнюдь не только мной) в фальсификации и лжи.

В «Бесстыжем классике» я написал:

«На передовой Солженицын никогда не был. Он командовал батареей звуковой разведки (БЗР), которая располагалась, по определению А.И., во 2-м, 3-м, а то и в 5-м эшелоне. Во всяком случае – никак не в 1-м. По звукам выстрелов вражеской артиллерии БЗР определяла ее местонахождение и передавала эти данные своим батареям. А вот те-то и занимались настоящей военной работой».

И вот тут классик вновь меня отбрил и добил окончательно:

«Хоть где-нибудь и своими мозгами поработал бы Дейч. Для того чтобы мембранные звукоприёмники воспринимали бы выстрелы даже отдалённых пушек, а тем более слабые звуки миномётов – они должны дугой располагаться от переднего края нашей пехоты – обычно в двух, но не далее трёх километров. И чтобы первым услышать дошедший звук выстрела – и по нему включить записывающий центральный аппарат – «Предупредитель» (наблюдательный пункт) батареи должен располагаться на уровне пехотных окопов».

Уж не сам ли А.И. находился «на уровне пехотных окопов» в роли «Предупредителя»? Ничего подобного. «Предупредителем» был рядовой или сержант из БЗР. Потом – действительно 2-3 километров от передовой – располагались звукоприёмники, но бойцов при них не было: они лишь время от времени наведывались туда – проверяли исправность этих самых звукоприёмников; да и присмотреть – не стащил ли кто? – тоже не мешало. И дальше, еще в 3-4 километрах – командный пункт батареи звуковой разведки со всеми ее приборами. И, понятное дело, «во главе с командиром на лихом коне». Так что от передовой Солженицын находился на расстоянии 5-7 километров.

Все это мне рассказал полковник в отставке Владимир Цейтлин. Он, смею думать, неплохо разбирается во всем, что касается артиллерии. В 16 лет пошел добровольцем в артиллерийскую спецшколу, потом – артиллерийское училище, по окончании которого получил лейтенанта. Командовал батареей 76-мм пушек – в упор расстреливал фашистские танки. Был ранен. Как и Солженицын, Цейтлин получил два ордена. «Красную звезду» - за 4 уничтоженных танка во время гитлеровской контратаки. И Отечественной войны 1 степени – за форсирование реки Грон под огнем противника. Но в отличие от будущего классика Владимир Цейтлин получил свои ордена за **личное мужество**.

Вот другое свидетельство – человека, в годы войны весьма близкого к Солженицыну. Сержант Илья Соломин («воевал отлично всю войну насквозь» (11), - написал о своем ординарце классик) в интервью «Известиям» высказался совершенно однозначно:

«В боях батарея участия не принимала, у нас была другая задача».

«Солженицыну выпадало в боях участвовать?» - продолжал допытываться корреспондент.

«Я же сказал, - повторил Соломин, - у нас были другие задачи». (12)

Конечно же, это были важные задачи. И хотя на передовой Солженицын не был, свои ордена он получил не за просто так. Но все-таки – не за личное мужество, а за добросовестное выполнение своих обязанностей. И это обстоятельство никак не принижает классика: войну выигрывают не герои, а работяги. Однако признать себя рядовым – не по званию, а по сути – это не для нобелевского лауреата. А чтобы в таких обстоятельствах выделить себя – нужно унижить других. Отсюда – бесстыдное и подлое: «Всякому было наглядно: да **там** (не на линии фронта. – М.Д.) евреев было значительно гуще».

В каждой тысяче фронтовиков евреев было – 25. И уж если берешься за столь щепетильную тему, как национальности в войне, их, эти 25, нужно было разглядеть. Но классик разглядывать не захотел. А потому – безлично-обобщающее «всякому наглядно». И отсюда – «гуще». А в итоге – оскорбление целого народа.

*****

В «Бесстыжем классике» прозвучала и лагерная тема. Не могла не прозвучать: солженицынский «Архипелаг ГУЛАГ» вошел в историю, и вместе с ним – его автор. вошел в историю, и вместе с ним – его автор. Ничего, кроме глубокого уважения (учитывая к тому же обстоятельства, в которых этот труд был написан), они – автор и «Архипелаг» - не вызывают. Их роль в крушении коммунистического режима несомненна. Еще в советское время я и многие мои друзья и знакомые неоднократно читали эту книгу, восхищались автором, его знанием лагерной жизни и лагерных судеб.

Но недаром говорят: Время все ставит на свои места.

Мы зачитывались «Архипелагом», потому что никаких других – как теперь говорят, «альтернативных» - источников для нас не существовало. Все архивы на эту тему были наглухо запечатаны, любопытство – даже сугубо научное – могло окончиться тюремным сроком. Поэтому «Архипелаг ГУЛАГ» воспринимался как откровение, которое усиливалось вкусом запретного плода. Мы безоговорочно верили автору, потому что иных фактов и цифр не знали, а приводимые советской пропагандой – вызвали оскомину.

Ныне советские архивы открыты практически полностью, с ними работают десятки историков, которые публикуют результаты своих исследований. На этом фоне перечитывать «Архипелаг ГУЛАГ» - занятие утомительное и где-то даже никчемное. Конечно, в книге остается (и останется) чрезвычайно важный аспект – солженицынская публицистика: именно она и вызвала яростную злобу и ненависть коммунистов. Но одной публицистики, согласитесь, все же недостаточно. К архивным же данным А.И., как и подавляющее большинство советских людей, допущен не был. Поэтому нет ничего удивительного в том, что в последнее время именно эту, фактологическую сторону его «Архипелага», стали называть «сборником лагерных баек».

И все равно: преуменьшить значение «Архипелага» невозможно. Но относиться к нему чуть более критично – мы обязаны. Если, конечно, нам нужна не только публицистика, но и правда.

Приведу лишь один пример, касающийся «Архипелага». В книге историка Земскова «Спецпоселенцы

в СССР. 1930 – 1960», изданной в 2003 году Институтом российской истории РАН, на стр. 16 читаем:

«Мы вынуждены опровергнуть один из основных статистических постулатов А.И.Солженицына, согласно которому при раскулачивании в 1929 – 1930 гг. было направлено «в тундру и тайгу миллионов пятнадцать мужиков (а то как бы и не поболее». См. Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ. М., 1989. Т. 1. С. 34. Здесь допущено преувеличение более чем в семь раз. При этом столь грубое искажение действительности трудно ставить А.И.Солженицыну в вину, поскольку его труд «Архипелаг ГУЛАГ» носит мемуарно-публицистический характер, где автор имеет право строить «самодельную» статистику на основе собственных представлений. Однако мы, профессиональные историки, не имеем на это права и обязаны пользоваться документально подтвержденной информацией».

К великому сожалению, мемуарная составляющая «Архипелага» тоже вызывает немало нареканий. Еще раз процитирую моего «Бесстыжего классика»:

«Как выясняется, он (Солженицын. – М.Д.) всегда и всюду умел неплохо устроиться. В лагере он с самого начала пошел в «придурки» - сумел стать *«заведующим производством»*, то есть старшим нарядчика и начальником всех бригадиров!» Потом, выдав себя за физика-атомщика, попал в шарашку, где вполне сносно (по сравнению, конечно, с лагерем) провел большую часть своего заключения. А после шарашки, уже в экибастузском лагере, он вновь – и нормировщик, и бригадир...

В вину ему это ставить негоже: выживал как мог. Приспосабливался. Но вот сам-то он именно это ставит в вину другим. Сам-то он всегда вел себя именно так, как – по его мнению – вели себя столь нелюбимые им евреи. Другими словами, Солженицын приписал им то, что ему неприятно вспоминать о себе».

И вновь – отповедь. В *«Потёмницах»*, которые *«света не ищут»*, классик уверенно отмечает мою тираду:

«Обсудили военную тему – возвращайся журналист опять же к лагерной: в лагере (на Калужской заставе) был «завпроизводством»! – да был я им меньше недели, сам же и рассказал в самонасмешку, - и отправлен в бригаду маляров («Архипелаг». Ч. III, гл. 9). И в Экибастузе ни единого дня не был я «нормировщиком», как теперь хором лепят заточенные перья, - но больше года – каменщиком (и изрядно научился, и выкладывал фигурную кладку), а после короткого бригадирства – год литейщиком».

«Фигурная кладка» - это замечательно. А кстати: бригада маляров – это ли не придурочная работа в лагере?

Но бог с ним, с малярством. Из тех лагерных времен сохранились вполне достоверные свидетельства. Во втором томе «200 лет вместе» на стр. 331 упомянут Солженицыным *«экибастузский мой солагерник Семён Бадаш»*. А в книге воспоминаний Бадаша «Колыма ты моя, Колыма...» читаем:

«В бригаде Панина ходил эк-нормировщик, постоянно с папочкой нормативных справочников, - это был Саша Солженицын». (13)

Кто врёт – Бадаш или классик? Вообще-то мы уже достаточно хорошо знаем, как А.И. «оперирует» фактами. Впрочем, пусть судит читатель.

*****

«Дейч без оглядки идёт и на подделку цитат (сносок нигде не даёт, ищи, читатель, где хочешь, а ещё лучше – поверь Дейчу), - продолжает бушевать ВПЗР. – Впаривает мне выражения типа «ленинско-еврейская революция». Смеет обсуждать воровскую публикацию – с её сквозным хулиганским изгаженьем и грязной фальсификацией – выкраденных моих черновиков 40-летней давности».

За всю мою журналистскую практику в подделках и фальсификациях замечен не был. А.И. их тоже не нашел, а иначе – непременно бы на них указал, не сомневайтесь. И *«черновики»* Солженицына я не крал. Тут – совсем другая история.

В 2000 году увидел свет сборник, основное место в котором занимала работа Солженицына «Евреи в СССР и в будущей России». В завершении ее находим такие строки:

«Эта работа по своему языковому строю, да и по окончательности формулировок и сейчас, конечно, ещё не вполне завершена (здесь и далее выделено автором. – М.Д.). Я положу её на долгие годы. Надеюсь перед выпуском в свет ещё поработать. Если же не судьба мне к ней прикоснуться до той минуты, когда приспееет ей пора – я прошу её напечатать в этом виде и считать мои взгляды именно такими. Когда эта работа увидит свет – может быть не очень скоро, может быть после моей смерти, - я надеюсь, что русские не усмотрят в ней гибели своей нации».

1-я редакция – дек. 1965 г.

2-я редакция – сент./дек. 1968 г. Пос. Рождество-на-Истье». (14)

Приспела пора (с точки зрения А.И.) или не приспела – мне неизвестно. Но было отчетливо видно, как после опубликования сборника классик растерялся. И было отчего: эта его работа – абсолютно черносотенная. И хоть просил он считать его взгляды *«именно такими»*, время для их обнародования, по-видимому, все-таки еще не приспело. Именно поэтому в интервью «Московским новостям» А.И. попытался отречься от той своей работы и весьма злобно заявил:

«Это хулиганская выходка психически больного человека (имеется в виду составитель сборника. – М.Д.). В свою пакостную жёлтую книжищу он рядом с собственными «окололитературными» упражнениями вlepил опус под моим именем».

Опять «вlepил». Любимое словечко. Но что значит – *«под моим именем»*? Надо было понять так, что «опус» сей Солженицыну не принадлежит: кто-то изготовил фальшивку и опубликовал ее под его именем.

Но вот в *«Потёмницах»* - уже иной поворот: *«воровская публикация», «выкраденные черновики»...* Это означает, что автор «Евреев в СССР...» - все-таки не кто иной, как нобелевский лауреат. И никаких *«выражений типа»* я классику не *«впаривал»*. Не посмел бы. А просто одна из глав той давней солженицынской работы названа автором так: *«Протоколы сионских мудрецов и Ленинско-еврейская революция в России»*. (15)

Вероятно, А.И. еще долго мог бы оспаривать свое авторство, утверждая, что апокриф тот написан не им. Конец «дискуссии» положило исследование доктора исторических наук Геннадия Костырченко. В статье «Из-под глыб века. О второй части книги Александра Солженицына «200 лет вместе» известный российский историк пишет:

«Ни резкая реакция писателя, ни темная история появления на свет странного издания не дают основания полагать, что преданные гласности 70 страниц старой рукописи Солженицына – фальсификация. Писатель заявил, что не будет обращаться в суд, хотя только там, назначив экспертизу на аутентичность, могли внести полную ясность в эту запутанную ситуацию. В печати появились сведения о том, что опубликованный текст соответствует оригиналу рукописи, переданной в свое время бывшей женой Солженицына Н.А. Решетовской в архив академического Института русской литературы. Примерно пятая часть этого «апокрифа» потом оказалась почти дословно воспроизведенной во второй части книги «200 лет вместе».

Мнение Костырченко об «эпохальном труде» классика («200 лет вместе») совершенно недвусмысленно:

«И в литературном, и в историко-публицистическом отношении это, возможно, самое неудачное из произведений, когда-либо публиковавшихся Солженицыным.

Позиция Солженицына по «еврейскому вопросу» сформировалась в середине 1960-х под влиянием процветавшего тогда в СССР латентного государственного антисемитизма, идеологически-репрессивных акций против «агентуры международного сионизма» и личных конфликтов с окружавшими его евреями. С тех пор точка зрения автора мало изменилась». (16)

В заключение – еще несколько строк из письма покойного фронтовика и писателя Льва Копелева:

«В том, что пишешь в последние годы, преобладают ненависть, высокомерие и несправедливость. Ты ненавидишь всех, мыслящих не по-твоему (будь то Радищев, будь то Милоков или Бердяев). Ты постоянно говоришь и пишешь о своей любви к России и честишь «русофобами» всех, кто не по-твоему рассуждает о русской истории. Но неужели ты не чувствуешь, какое глубочайшее презрение к русскому народу и к русской интеллигенции заключено в той черносотенной сказке о жидомасонском завоевании России силами мадьярских, латышских и других «инородных» иттыков? Именно эта сказка теперь стала основой твоего «метафизического» национализма, осью твоего «Красного колеса». Увы, гнилая ось». (17)

Точнее не скажешь. При том, что «200 лет вместе» Лев Копелев не читал. Не успел...

P.S. «Живой классик» попрекнул меня отсутствием сносок: можно подумать, будто приводимые мной цитаты я сам же и выдумал. Сноски непременно будут (в конце книги) – специально для А.И., а также для других интересующихся.

В редакцию «Московского комсомольца», где была опубликована часть тех работ, с которыми – в полном, не сокращенном виде – знакомятся теперь читатели этой книги, посыпались письма. Письма разные. Одно из них, на мой взгляд, заслужило комментарий.

Но сначала, конечно, – само послание (с сохранением его лексических и синтаксических особенностей).

Письмо в редакцию

Главному редактору «МК» П.Н.Гусеву

Ваша «самая популярная российская газета» (как ее представляет интернетная реклама) дошла и до Парижа.

Я живу здесь 23 года, с того самого времени, когда моего мужа, правозащитника Александра Гинзбурга прямо из лагеря, где он отбывал свой третий политический срок, вывезли на воронке, а потом в вагон-заке – в Лефортово, объявили, что лишают советского гражданства и высылают на Запад. Семье было предложено последовать за ним.

Я сообщаю Вам это не просто так «для знакомства». Дело в том, что в Вашей газете 25 и 26 сентября была опубликована статья под названием «Бесстыжий классик. Солженицын как зеркало русской ксенофобии». Эта хамская и лживая статья касается и меня лично, посему я и пишу Вам это письмо.

Для тех, кто еще не забыл газетные нравы советских времен, комический эффект этой хамской статьи состоит в том, что она один в один (и по тону, и по стилю, и по лексике) напоминает публикации тех незабываемых дней, где Солженицына клеймили именно как еврея Солженицкера, а Сахаров именовался не иначе как Цукерман, находящийся под тлетворным влиянием еврейской своей жены! Как хорошо я помню эти статьи!

Но времена, как мы видим, меняются и сегодня и «образованец» и «необразованец» стремится зайти уже с другого фланга. Вдруг оказалось, что «Исаевич» вовсе не скрытый еврей, а напротив – «воинствующий ксенофоб», речи которого подобны высказываниям Гитлера.

И вот он уже опять под прицелом. Сегодня один пишет его «портрет на фоне» (имеется в виду книга Владимира Войновича «Портрет на фоне мифа». – М.Д.), другой обличает в прессе, а самые находчивые норовят даже в Зазеркалье прорваться, чтобы разглядеть подлинное нутро этого «антисемита», выдающего себя за великого русского писателя.

Попробую и я добавить кое-какие штрихи к портрету, тем более, что тема, которой я хочу коснуться сегодня не звучит нигде: одни люди об этом, может быть, и не знают, другие – просто не хотят знать.

Начнем издалека. Представим себе, что автор «Войны и мира» принял решение не брать себе гонорар за свой великий роман, а раздать его бедным приютам, сельским лечебницам, поддержать сирот или семьи несчастных каторжников. Не надо напрягать воображение, чтобы представить, как реагировало бы на это российское общество тех лет. Восхищение, гордость, поддержка. Как мир гордится Альбертом Швейцером или Нобелем.

Лев Толстой решил иначе, и это ничего не меняет в нашем отношении к великому классику.

Ну, а в нашем-то случае что? Известно ли нашим российским современникам, что все гонорары за все издания (здесь и далее подчеркнуто автором письма, г-жой Гинзбург. – М.Д.) за свой всемирно прославленный «Архипелаг ГУЛАГ» Александр Солженицын отдал на помощь другим. В 70-е годы внутри тоталитарной страны, прямо в чреве этого коммунистического чудовища он создал фонд, чтобы помогать жертвам этой системы – политзаключенным и их семьям. Впоследствии, когда книга вышла на Западе, а Солженицын выслан из Советского Союза, Фонд был зарегистрирован швейцарскими властями, куда регулярно раз в год предоставляется вся отчетность.

Но тогда, когда принималось это решение, положение самого писателя было просто угрожающим – непрерывная слезка, травля, отсутствие собственного угла, так как жить с семьей, где росли четверо маленьких сыновей, Солженицыну было запрещено. Неизвестно было и какая судьба ожидает книгу о жертвах коммунистического режима. Однако решение писателя было твердым и бесповоротным.

О том, что А.Солженицын принял такое решение, лично я узнала летом 1972 года, когда писатель

предложил моему мужу А.Гинзбургу стать распорядителем Фонда. Гинзбург принял это как дело своей жизни. Как впоследствии и многие из нас, для которых Фонд стал островком добра и милосердия среди стихии арестов, обысков, допросов и колючей проволоки.

Среди сотен семей, кто получал помощь Фонда, были русские, евреи, украинцы, белорусы, латыши, литовцы, эстонцы, крымские татары, грузины, армяне, казахи и др. – в самых разных уголках Советского Союза. В этом добровольно участвовали десятки волонтеров, тоже самых различных национальностей.

На каждого ребенка в семье политзаключенного Фонд выделял ежемесячную помощь, так же как и одиноким и больным родителям. Отдельно оплачивалась дорога семьи на свидание в лагерь (порою очень далекая), отдельное пособие получали освободившиеся из лагеря, тюрьмы или ссылки. При этом всегда велась строгая отчетность и каждым волонтером, и распорядителем (горжусь, что ни разу эти наши отчеты не попали в руки чекистов!).

В 1977 году А.Гинзбург был арестован, судим, отправлен в лагерь для «политических рецидивистов». А.Солженицын и его жена приняли это как свою личную беду и сделали все, чтобы помочь освободить первого распорядителя Фонда.

После ареста мужа мне тоже довелось (до нашего вынужденного отъезда на Запад) быть одним из распорядителей Фонда. Я не называю здесь – в соответствии с правилами благотворительности – никаких имен и цифр, к счастью, вся документация Фонда сохранена, да и те, кому помощь была оказана, если захотят, могут подтвердить.

Фонд продолжает свою работу и сегодня, он регулярно помогает нескольким тысячам престарелых и беспомощных бывших заключенных (часто еще сталинских концлагерей).

Не знаю уж, на каком основании ваш «образованец» утверждает, что Солженицын «скромностью никогда не отличался». Однако я с уверенностью могу сказать, что никогда и ни при каких обстоятельствах писатель, который вот уже 30 лет тянет эту трудную ношу, не позволил себе не только хвалиться этим, но даже просто упомянуть об этой колоссальной милосердной работе.

Ваша газета пишет: «Мы на протяжении многих лет считали «живого классика» (кавычки принадлежат автору статьи «МК») борцом с тоталитарной властью. Ошибались».

Я не знаю, какие «мы» имеются в виду, скажу лишь, что многие люди и в России, и на Западе высоко оценивают писательский талант Александра Солженицына и его роль в крушении коммунизма. Разумеется, какие-то его высказывания или мнения могут вызывать (и вызывают) споры и несогласие и здесь. Но ведь это абсолютно нормально для демократического государства – спорить, не соглашаться, убеждать. А появление статьи, подобной той, что была опубликована у Вас, просто унижает Ваших читателей.

К сожалению, в нынешней России потеряна мера ответственности и даже просто элементарного приличия, в том числе и в журналистике, но если «пена на губах ангела» (по любимому выражению Г.С. Померанца) – это соблазн, то пена на морде Шарикова – это уже симптом известной болезни. Притом очень заразной и опасной для людей.

P.S. Прошу Вас сообщить мне, будет ли опубликовано мое письмо и когда именно. Если нет, то я опубликую его в другом месте, разумеется, упомянув, что первоначально оно было предназначено Вам.

Арина Гинзбург, Париж

Обычно я не отвечаю на письма. По большей части потому, что нет времени. Желания, впрочем, тоже: всё, о чем хотелось сказать, пишу в статьях, принимать участие в их обсуждении считаю бессмысленным.

Однако в данном случае пришлось от правила отступить. И дело не в том, что послание 2-жи Гинзбург хоть как-то меня задело, - я получал «мнения» и похлеще (кое-что о них я расскажу чуть дальше). А просто это письмо как нельзя лучше, по-моему, иллюстрирует мысль, высказанную Львом Копелевым в его письме к Солженицыну:

«Ты оказался не объединителем, как надеялись мы, а главой одной секты фанатично преданных приверженцев или расчетливо услужливых раболовных»

порученцев».

Сказано очень точно. И очень кратко, хотя А.И., безусловно, своего старинного друга прекрасно понял.

Попробуем разобраться и мы.

ИЗ ПАРИЖА! ПО ДЕЛУ! СРОЧНО! К вопросу о советских нравах, хамстве и прочем таком

Я тоже хорошо помню «газетные нравы советских времен». Комический эффект письма г-жи Гинзбург состоит в том, что оно удивительным образом напоминает заказанные агитпропом отповеди всевозможным «отщепенцам» и «клеветникам». Эти отповеди никогда не снисходили до спора с инакомыслящими по существу, подменяя его ярлыками («антисоветчик», «литературный власовец» и т.п.) и «аргументами» типа: «Зато мы делаем ракеты, перекрываем Енисей, и даже в области балета мы впереди планеты всей».

Из аналогичных «аргументов» состоит и письмо г-жи Гинзбург. Собственно, аргумент один: созданный Солженицыным Фонд помощи политзаключенным в СССР. Действительно, об этом Фонде я не писал. Может быть, и следовало, каюсь. Но писал-то я совсем о другом. В нескольких моих статьях, посвященных двухтомнику Солженицына «200 лет вместе», речь шла о том, что А.И. фальсифицирует отечественную историю, подгоняя ее под свою сверхзадачу. Сверхзадача же Солженицына – убедить читателей, будто за 200 лет сосуществования в одном государстве злокозненные евреи до 1917 года спаивали несчастный русский народ, а после революции, непомерно участвуя в карательных органах, - уничтожали его физически. Ну и кроме того: во время обеих мировых войн российские евреи прятались в тылу, поскольку в армии служить не хотели, испоганили русскую и советскую культуру... И далее, по полной программе.

Если все это – не ксенофобия, то я чего-то не понимаю. По-моему, мне, «образованцу», все-таки удалось уличить «живого классика» в откровенной лжи, подтасовках и передергивании. Не случайно «сам» А.И. расщедрился на ответ, опубликованный разом в двух российских газетах. Правда, ответ (опять же) был совсем о другом: о том, как его, Солженицына, всю жизнь преследовал КГБ, и что травля эта продолжается по сей день – с помощью таких журналистов, как Дейч.

Парижское письмо г-жи Гинзбург – из той же серии. Она недоумевает, почему это ошибались те, кто считал А.И. «борцом с тоталитарным режимом». Между тем эту фразу г-жа Гинзбург, следуя апробированной манере «специалистов» из агитпропа, выдергивает из контекста: «Единственный человек той поры, - написано в моей статье, - заслуживший одобрительные слова Солженицына, - «солдат-генерал Корнилов». Тот самый, что в августе 17-го года намеревался установить в России военную диктатуру».

Такая диктатура, по всей видимости, была бы нобелевскому лауреату милее большевистской. Хотя, на мой взгляд, хрен редки не слаще.

Вот потому-то и ошибались: борец с тоталитарным режимом и поклонник диктатуры (пусть даже и милой сердцу) – вещи несовместные. А «мы» - это мы. Читатели. Не все, конечно, но многие.

Что же касается «скромности» ВПЗРа, то вот что пишет об этом писатель Владимир Войнович:

«Его (Солженицына. – М.Д.) непомерная любовь к самому себе застит ему глаза, он смотрит в увеличительное стекло и видит не себя, а какого-то былинного или библейского богатыря. Он не знает себя сегодняшнего и не помнит себя вчерашнего. Когда он сказал, что в глазах многих людей стал уже не человеком, а географическим понятием. Понятием, равным России. Тема «Я и Россия» - сквозная в его творчестве. За Россию он всегдашний болельщик, и она в разлуке с ним долго пребывать не может. Родственников где-то в Ставрополе проведаль (в сопровождении телевизионщиков), выпил с ними по рюмке и – дальше. На просьбу родственницы: «Погостил бы еще» - без юмора отвечает: «Некогда. Россия ждет». Слава и всеобщее восхваление вскружили ему голову. Его превозносили на всех улах, как никакого другого писателя в истории человечества. Но ему и этого показалось мало. Он о себе еще более высокого мнения. Ему кажется вся его жизнь почти сплошь безупречной, полной великих художественных достижений и героических деяний. Меня и раньше корбило, но главного впечатления не заслоняло, когда он свои романы сравнивал с ослепительным светом, бьющим в глаза, когда утверждал, что его рукой (вовсе не метафорически,

а буквально) управлял напрямую Всевышний».

Мнение Войновича – не единственное. Похожие суждения можно найти у писателей Льва Копелева, Александра Рекемчука и у других. Может быть, имело бы смысл к ним прислушаться? Но г-жа Гинзбург, вольно или невольно (скорее – вольно), льет подслащенную водичку на ту же мельницу непомерной любви «живого классика» к самому себе, сравнивая его с Львом Толстым. Причем сравнение это – явно не в пользу автора «Войны и мира».

В заключение – несколько слов о солженицынском Фонде, на который так упирает г-жа Гинзбург. Действительно: прекрасное и благое дело. Но и тут не все так гладко, как нам сообщают об этом из Парижа.

Но сначала – небольшая деталь. В своем послании г-жа Гинзбург дважды упоминает об **отчетности**. Мол, в Фонде и раньше велась «строгая отчетность» (вероятно, по требованию Солженицына), ведется она и теперь – для швейцарских властей, где Фонд нынче зарегистрирован. С отчетностью, стало быть, все в порядке, и слава богу. Одного не понимаю: неужто столь уж необходимо, да еще с такой настойчивостью, информировать об этом меня и других читателей? Мы ведь ни к налоговым органам, ни к швейцарским властям отношения не имеем...

А теперь – кое-что о Фонде.

Я дружил с многолетним узником ГУЛАГа и советских тюремных психушек Владимиром Гершуни. Вся его вина перед советской властью заключалась в том, что он был внучатым племянником Григория Гершуни – одного из создателей партии эсеров, непримиримого противника большевиков. Выйдя на свободу, Володя страшно бедствовал, но ни разу не принял помощи от Фонда, хотя имел на нее, может быть, несколько больше прав, чем другие. Дело в том, что именно Гершуни поведал Солженицыну о многих лагерных судьбах, использованных потом А.И. в его «Архипелаге». И даже название одной из глав – «Истребительно-трудовые» - придумал Владимир Гершуни.

Он рассказывал мне, что отказывался (и неоднократно) от помощи Фонда по двум причинам. Во-первых, в знак солидарности с Варламом Шаламовым. Отрубивший в сталинских лагерях четверть века, написавший об этих годах прекрасную и страшную книгу «Колымские рассказы» (она увидела свет – конечно, на Западе – значительно раньше «Архипелага»), больной и одинокий Шаламов умер в доме для престарелых безо всякой помощи. А все из-за того, что в своих воспоминаниях позволил себе толику иронии в адрес «живого классика». «Классик» оказался злопамятным: благодарения Фонда на Шаламова не распространялись.

Такого отношения к бывшему эзку Гершуни простить «Исаичу» не мог. И не простил.

Вторая причина, по словам Володи, заключалась в том, что «в обмен» на денежную помощь Фонда от Гершуни требовалось признание всевозможных заслуг «благодетеля». Признания не последовало.

Владимир Гершуни умер несколько лет назад в ужасающей нищете. Друзья пытались ему помочь, но он был очень гордым человеком и соглашался лишь на то, чтобы вместе с ними пообедать или поужинать...

На письмо г-жи Гизбург я ответил, как говорится, «из уважения к заслугам». На другие – отвечать не стал. А их было много. Подавляющая часть этого эпистолярия сильно отличалась от «парижского послания» - образовательным цензом авторов, словарным запасом и зоологическим юдофобством. Но по большому счету все эти письма – в том числе и парижское – удивительно похожи. Их лейтмотив – «не трожьте нашего Солженицына!».

Вот образчик из моей почты. Поверьте, я его не выдумал: такое выдумать невозможно. Привожу его полностью, сохранив все «особенности» орфографии, пунктуации и стиля,

Не знаю ответил ли тебе жид пархатый Марк, (далее Ж.П.М.) Солженицын А.И., а я тебе хочу кое-что напомнить: Во-первых все беды у нас от вас жидов: Примеры. Пожалуйста.

Теорию научного коммунизма кто создал? Жиды – Маркс и Энгельс. Кто в России устроил в октябре 1917 г. переворот, вернее возглавил его – опять таки жиды: Ленин-Бланк, Троцкий (Бронштейн), Свердлов Янкель, Зиновьев (Апфельбаум), Каменев (Розенфельд) и т.д. В составе ЦК из 61 члена было 43 жида (хочешь – евреев) в составе Совнаркома из 21 члена – 17 жидов. В московской Ч.К. из 36 членов было 23 жида, в ОГПУ да почти все – жиды во главе с Ягодой Г. А кто лагеря придумал, да ваш же Берман Я.М., он написал письмо Сталину, мол чего зря кормить в тюрьмах зеков, пусть бесплатно вкалывают в тяжёлых работах, и он возглавил ГУЛАГ. Это потом Гитлер взял на вооружение эту затею жида и в концлагерях погибло жидов не мало (к счастью), а то теперь бы от них не продохнуть было бы.

А кто писал речи Брежневу, Андропову и ошивался в ЦК КПСС: Арбатов, Вольский, Бовин, и что ж, побросали партбилеты и служат бизнесу...

А кто расстрелял русского царя и его семью – по указке жида Свердлова – жид Юровский. И Тухачевского судили и пытали жиды, почти все лагеря ГУЛАГА возглавляли жиды-евреи: Берман, Фирин, Сабо, Финкельштейн, Зановский, Пиляр, Райский, Айвилович, Дерibas и т.д.... А в Белорусских Куропатах сколько погубил нач. лага Леплевский...?

Ж.П.М. ты в статье голословно говоришь о десятках своих соплеменников бросавшихся на дзоты, пулеметы, под танки, не приведя ни одной фамилии. Не верим. И быть этого не должно.

А кто сейчас разоряет и обворовывает Россию – жиды в купе с русскими предателями. Эти мошенники Березовские, Гусинские, Авены, Фридманы, Лившицы, Ясины, Колмановичи, Потанины... уже достали до конца терпеть уже невозможно. По телевизору – опять одни картаво-бородатые твари... т.е. одно сплошное жидовидение. Не любили жидов на Руси и Пушкин, Лермонтов, Достоевский... а за что? Да потому что это нация паразитов, мошенников, предателей. Вот за что. А не просто за то, что евреи. Нет, есть среди евреев нормальные, порядочные, но, к сожалению мало. Это жидовская зараза распозлзлась по миру как ржа, клопы, тараканы. И уверены спецслужбы, что теракт в США 11.09. дело рук евреев, они хотели пробраться к власти, уничтожив Буша, (на выборах жиды А.Гор и Либерман не прошли), хоть и считали бюллетени несколько раз – сорвалось. Правильно сказано в рассказе Гарина-Михайловского в книге «Рассказы и очерки» изд. 1975 г. в рассказе «Картинки Вольни»: «...жид, это действительно зло и мы, русские, погибли, если дадим ему волю». И Достоевский об этом предупреждал. И вот волю вам пархатым дали Ельцин-Путин..... А что дальше?! Посмотрим. Еще раз повторяю, что жидов не любят потому, что они мошенники, паразиты за счет других, предатели. И тебе писака бездарный об этом должно знать, ибо и пишут, и говорят об этом везде.

Вот тебе кратенько ответ на твой пасквиль в адрес Солженицына А.И.

Подпись (как водится в подобных случаях, неразборчива).

Вот такие защитники у Великого Писателя Земли Русской.

Конечно, Солженицын их не выбирал. Но путь к подобным письмам прослеживается отчетливый: от апокрифа «Евреи в СССР и в будущей России» - через «Красное колесо» - к «200 лет вместе». И далее – к письмам от г-жи Гинзбург и от «знатока» Гарина-Михайловского и Достоевского, которых, как вы понимаете, этот «знаток» никогда не читал.

Замечательный русский публицист XIX столетия Варфоломей Зайцев определил сей смрадный дух всего лишь двумя словами: «Ликующее гуннство».

Справедливости ради должен отметить, что я получал и другие письма. Правда, их было немного. Фрагменты двух из них – в доказательство того, что не вся еще Россия прониклась духом «ликующего гуннства», - я приведу в заключение этой небольшой книги.

Господину Солженицыну А.И.

Не могу понять, почему знаменитый на весь мир писатель лжет в своих произведениях о «хитрых» евреях, якобы воевавших против германского фашизма больше в тылу. Зачем темнить и без того затемненный русский разум? Сейчас евреям Израиля приходится вести жестокую борьбу за выживание против арабского фундаментализма. По-Вашему, и в этой войне за них кто-то воюет?

Я – русский человек, видел и испытал ужасы войны в тылу. Тяжко трудился, был на грани выживания. Видел евреев в труде, в их сплоченности, в их готовности помочь любому человеку. Такую помощь довелось получить и мне. Среди евреев не было тунеядцев, пьяниц, я видел только честных трудовых людей. И поэтому я уже в то время критически относился к разговорам о евреях, что они ищут только теплое место в тылу.

Придя на службу в армию, я еще больше утвердился в своем мнении о евреях, как о равном народе с русским. Закончив летное училище, я попал в гвардейский авиаполк, где служили летчиками, техниками, штабистами, рядовыми почти все национальности Советского Союза, в том числе и евреи. Командир полка Беккерман и комэск Пинко Арон Давидович – как они летали! Дай Бог каждому! Это были асы. Это были честнейшие, принципиальные люди. Беккерман на войне получил ранение, одна нога у него была на 5 см. короче, но он летал – на МИГ-17 «ф»! Несмотря на ранение. У всех, кто их знал, осталась о них только хорошая память. А были в этом полку и русские командиры, о которых вспоминать противно.

Вот так-то, господин Солженицын.

Нежурин Юрий Андреевич, пенсионер, Московская область.

*****

Уважаемый Марк!

Меня невероятно возмущает в Солженицыне высокомерие, претензия на истину в последней инстанции, неприятие им любого мнения, отличного от его собственного. А также – при всем величии Александра Исаевича как классика – какое-то абсолютно кондовое, мелочное казачье черносотенство и дремучий квасной патриотизм.

Не спорьте с Солженицыным. Будьте выше. Люди, читающие Александра Исаевича, - как правило интеллигентны, с IQ выше среднего. Они сами разберутся, что в его произведениях велико, а что – просто бред а-ля РНЕ. Солженицын давно уже твердо уверовал в то, что пишут про него в хвалебных статьях, а Нобелевская премия лишь утвердила его в собственном богоподобии. И Вы его не переубедите.

Самое грустное – что постулаты А.И. как-то очень плавно переходят в область российской политики (примеры приводить не буду, но их достаточно, Вы сами это знаете). И тут, Марк, уже Ваша работа, как «пятой власти», - не дать повториться в России тому, что в Германии привело к власти Гитлера.

С наилучшими пожеланиями.

Алексей Барышников, Магдебург.